

Густав Ябс

ВТОРАЯ

СЕМЬЯ

**ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СССР**

**Gustav
Jabs**

Des Soldaten Gleichschritt

**Deutscher
Militärverlag**

**Густав
ЯБС**

Вторая семья

повесть

*Перевод
с немецкого
Ю. САЗОНОВА*

**ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА · 1965**

Густав Ябс

• ВТОРАЯ СЕМЬЯ

Повесть

(Перевод с немецкого)

Живо и интересно рассказывает автор о повседневной жизни одного из подразделений Национальной народной армии ГДР. Перед читателями проходит галерея образов солдат, младших командиров и офицеров, каждый со своей судьбой, характером, со своими думами и надеждами.

В центре повествования — образ солдата Гейнца Пашке. В конце войны Гейнец оказывается в толпе беженцев. На его глазах фашистский «тигр» раздавил его мать. Умиравшего от голода мальчугана подбирают советские солдаты. Тетка по матери, к которой мальчик попадает на воспитание, пытается внушить ему свои представления о жизни, но Гейнец не принимает ее морали. Затравленный «волчонок» настойчиво борется за свое человеческое «я».

Восемнадцатилетний Пашке уходит в Национальную народную армию. Вначале это легкомысленный паренек. Нелегко дается ему военная служба. Он попадает в несколько неприятных историй, но товарищи по службе и любимая девушка помогают ему стать настоящим человеком.

Весна вступала в свои права. Ярко светило солнце. Небо стало голубым. В зазеленевших кустах весело щебетали птицы, а из земли робко выглядывали первые подснежники. Нежно-бархатные сережки верб отливали серебром. Но жителей городка на Шпрее в те апрельские дни тысяча девятьсот сорок пятого года не интересовала пробуждающаяся к жизни природа.

На востоке, километрах в тридцати от города, там, где Одер соединяется с каналом Одер — Шпрее, все еще бушевала война. Бесконечный поток беженцев, тянувшийся по дорогам вот уже несколько недель подряд, стал заметно убывать. Отступающие немецкие солдаты окапывались на берегу Шпрее. В опоры большого моста саперы закладывали взрывчатку. Группа подростков, возглавляемая долговым парнем из «гитлерюгенд», пробралась в стоявшую на площади церковь и установила на колокольные пулемет, собираясь ошеломить наступающих своим огнем.

Большинство жителей города, прихватив то, что можно было унести на себе, несколько дней назад ушли в направлении Шторкова или через лес на Вендиш-Буххольц. Оставшиеся прятались в глубоких подвалах. Лишь на узкой Мауерштрассе, перед покосившимся домиком, стояла нагруженная скарбом тележка. Несколько поодаль от нее возбужденно разговаривали две женщины. За фартук одной из них держался мальчик лет четырех.

— Никуда я отсюда не пойду. Пусть они лучше убьют меня здесь, — горячилась старшая. — Будь что будет, а я отсюда шагу не сделаю!

Женщина помоложе ласково гладила сынишку по голове. В глазах ее застыл панический страх, щеки глубоко впали, движения были вялыми.

— Я бы тоже не пошла, но вот... — тихо заметила она, прижимая к себе мальчугана. — Один он у меня остался. Герберта моего мне уже никогда не увидеть, а сынишку нашего я спасу, даже если мне придется идти пешком до самого Рейна.

Соседка неодобрительно качала головой, не зная, как удержать молодую мать с ребенком от необдуманного шага.

— Солдаты говорили, что русские уже в Мюльрозе. Кто знает, остановят ли их на Шпрее? Вряд ли. Уж раз их на Одере не остановили...

Женщина прикрыла рот рукой и испуганно осмотрелась, словно стараясь убедиться, что их никто не подслушивает.

С Брандштрассе показалось несколько немецких солдат. Скрыться от них было уже невозможно.

— Что вы здесь делаете? Почему не ушли из города? — закричал долговязый эсэсовец, видимо старший группы.

— Уходим, — ответила младшая. — Я только заберу кое-что из дома.

Она проворно скрылась за жалобно скрипнувшей дверью. Войдя в маленькую сырую кухню, осмотрелась. «Все рухлядь, но в каждую вещь вложено столько труда, что...» Она неторопливо раздвинула занавеску, сшитую из старого одеяла, и печально посмотрела в угол, который служил ей и гостиной и спальней. Две облезлые железные койки и выдавший виды шкаф — вот и вся мебель убогой квартирки. И все же до боли жалко оставлять свой угол. Эти кровати она купила два года назад, когда ее муж последний раз приезжал в отпуск. Побыл несколько дней и уехал обратно на фронт. А через четыре недели пришла похоронная. Женщина вытерла рукавом слезы и вышла из дома.

— Давай-давай поживее! — набросился на нее долговязый. — А то досидишься тут...

Молча усадив ребенка на тележку, женщина покатила ее по ухабистой мостовой. Эсэсовцы свернули в переулок. Пройдя немного, женщина остановилась.

— Ну... фрау Пашке, ты как хочешь, а я вернусь, — проговорила она, протягивая соседке костлявую руку. — Может, через пару дней все это кончится?

Фрау Пашке кивнула:

— Дай бог.

С востока доносился грохот артиллерийской канонады. Часы на церковной башне пробили десять. Тележка гроыхала по булыжной мостовой, нарушая тишину пустынных улиц семисотлетнего города.

За Аренсдорфом фрау Пашке влилась в небольшой поток беженцев. Теперь она уже не была так одинока, да и тяжелая тележка стала как будто легче. Шли где прямо через лес, где по узким полевым дорогам, все дальше и дальше на юго-запад. В Гросс-Ейххольце беженцам пришлось сойти с дороги: мимо с грохотом промчались машины вермахта. На больших перекрестках стояли посты полевой жандармерии и эсэсовцы, пытавшиеся собрать мужчин, которые, по их мнению, могли еще держать в руках оружие.

Чем ближе подходили беженцы к деревне Мюнхехофе, тем сильнее становилась сутолока. Даже по маленьким тропинкам нельзя было пробиться. Повсюду беженцы: старики, женщины, дети. Одни везли велосипеды или тележки, нагруженные всяким хламом, другие несли рюкзаки или пухлые чемоданы. С севера в одиночку и группами по несколько человек к Вендиш-Буххольцу стекались немецкие солдаты. «Кругом русские,— со страхом рассказывали они.— Только под Гальбе небольшая брешь, через которую якобы можно вырваться из этого заколдованного котла».

Это был бурлящий котел, в котором находилась целая немецкая армия, двигавшаяся к Гальбе с одним-единственным желанием — вырваться из него. Где только было возможно, бесконечный людской поток переправлялся через речушку. Между брошенными грузовика-

ми, орудиями, танками, полевыми кухнями, опрокинутыми обозными повозками, трупами лошадей и ящиками из-под боеприпасов попадались раненые, жалобно просящие о помощи. Солдаты и беженцы не обращали на них внимания и пробивались вперед. Случалось, что кого-то сбивали повозкой, и тут же сотни ног затаптывали несчастную жертву в землю. Люди, казалось, обезумели от страха и старались во что бы то ни стало переправиться через речушку и выйти к Гальбе.

В последних числах апреля фрау Пашке с ребенком добралась до Хермсдорфа. Она уже не раз слышала, что кольцо русских замкнулось, но не сегодня-завтра оно будет прорвано у Гальбе. Голодная, обессиленная, она уже ни на что не надеялась и бессознательно брела, сама не зная куда. Обезумевшая людская масса стала пугать ее сильнее, чем русские. «Да и что они могут сделать мне? По крайней мере, ребенка-то они пощадят? Мальчик-то тут при чем!»

Она остановилась на обочине дороги, в отчаянии ломая себе руки. Картины, которые она видела, были одна ужасней другой. А что будет дальше?

— Нет! — громко сказала она. Повернувшись и потащила тележку на почти безлюдную лесную просеку. Обрадованная, она все дальше и дальше углублялась в лес. Здесь ее никто не толкал и не пинал ногами.

К вечеру, когда солнце скрылось за соснами, она остановилась. Вокруг тишина. Лишь изредка мимо проходили группки людей. Закатив тележку под деревья, она остановилась и прислонилась ноющей от боли спиной к

стволу высокой сосны. Пристально посмотрела на своего мальчугана, который как ни в чем не бывало грыз черствую корку хлеба. Наконец женщина очнулась.

Она не знала, как долго находилась в забытьи. Воздух содрогался от шума ревуших моторов. Фрау Пашке осмотрелась по сторонам, но ничего не увидела.

— Мама, мы скоро пойдем домой? — жалобно спросил малыш.

— Да, деточка, скоро.

— А ты купишь молока?

— Да...

— И я снова буду спать в кроватке?

— Да, милый, да!

Рокот танковых моторов быстро нарастал. Через несколько секунд показалась первая стальная громада. На ней, словно грозди винограда, висели вооруженные эсэсовцы. «Тигры» двигались на большой скорости. Солдат, которые сидели прижавшись к броне, хлестали ветви. У одного из них ветка сорвала каску, которая, описав большую дугу, со звоном ударилась о дерево.

Первый танк был от фрау Пашке шагах в двадцати. Неожиданно он рванулся влево, пытаясь объехать брошенное зенитное орудие. В этот момент фрау Пашке показалось, что чудовище двигается прямо на нее. Ствол пушки глядел на тележку. Дрожа всем телом, малыш вырвался у матери из рук и кинулся на другую сторону просеки.

— Гейнци! Гейнци! — не своим голосом закричала женщина и бросилась вслед за мальчиком. Но, зацепившись ногой за корень дерева, упала лицом вниз посреди просеки. Стальная

громадина надвигалась, как стена. Растерявшись, женщина закрыла лицо руками. Из горла вырвался леденящий крик, но лязг гусениц и рев моторов заглушили его.

Спустя несколько дней советский солдат нашел в лесу рядом с тележкой умирающего с голоду четырехлетнего немецкого мальчугана.

Солдат с красной звездой на фуражке попросил командира разведгруппы не горячиться. Он усадил ребенка к себе на колени и бережно напоил его из своей фляжки. Их окружили разведчики. И тут один из них заметил лежащий несколько поодаль изуродованный труп молодой женщины. Бывалый солдат, стиснув зубы, прижал к себе хрупкое тельце мальчика.

После долгих поисков солдаты разыскали в одной из сумок, находившихся на тележке, страховое свидетельство с указанием фамилии и адреса матери. Но в данный момент оно ничем не могло помочь им. Командир разведгруппы приказал на время передать ребенка под покровительство старшины.

Через несколько дней война кончилась. Не слышно было ни взрывов бомб, ни стрекота пулеметов, ни свиста пуль. Люди наслаждались долгожданной тишиной. Под деревьями у озера сидели и лежали на траве несколько советских солдат. Рядом дымилась полевая кухня. На пеньке сидел старшина с большими черными усами или, как его называли, «отец»

роты, задумчиво наблюдая за играющим на песке мальчиком.

— Ну, Степан, что теперь будем делать с твоим немецким сыном?

Старшина сдвинул фуражку на затылок и недоуменно посмотрел на задавшего вопрос сержанта.

— Еще не знаю, — ответил он. — Вот поеду завтра в комендатуру, там все и выясню.

— Война никого не щадит: ни малых ни старых. — Сержант гневно сплюнул. — Проклятые фашисты!

Он отошел от старшины и медленно пошел к озеру.

— Дом вспомнил, своих, — пробурчал про себя старшина.

Разведчики знали, что сержант не мог равнодушно смотреть на детей. Фашисты убили и его жену, и детей.

...В комендатуре жизнь была ключом. Старшина разыскал офицера, который занялся его делом.

— Значит, в вашей роте немецкий ребенок, — сказал капитан. — Нашли на поле боя, говоришь? — Офицер потер усталые глаза. — Мальчика пристроим. Мы заботимся о снабжении немецкого населения, о ликвидации развалин на улицах, о воде, о белье для больниц, о беспризорных детях. Позаботимся и об этом.

Он быстро встал и с силой распахнул дверь в соседнюю комнату:

— Василь, здесь в городе есть детский дом или что-нибудь в этом роде?

— Нет, товарищ капитан. Фашисты строили

концентрационные лагеря, а не детские сады и ясли.

Офицер пожал плечами:

— Что ж нам теперь делать?

— Во всяком случае, мальчика нужно куда-то определить,— вмешался в разговор усатый старшина, доставая из кармана измятый конверт.— Вот тут есть одна бумага.— Он расправил страховое свидетельство на ладони и положил его на стол.

— Хорошо,— немного подумав, сказал капитан.— Я прикажу немедленно разобраться в этом деле. Возможно, мы найдем кого-нибудь из родственников мальчика и тогда сразу же сообщим в вашу часть.

— Товарищ капитан, наша рота в любой день может уйти отсюда. Поторопитесь!

— Конечно, конечно.— Офицер задумался.— Я сам займусь этим делом.

В тот же вечер капитан с одним из своих товарищей стал просматривать списки жителей. Оказалось, что в городе проживает больше тридцати Пашке. Следующим утром он переговорил с немецкой администрацией. И вскоре дело прояснилось. В одном из имений банкира Пфердменгеса проживала некая Луизе Пашке, сестра отца маленького Гейнца. Вплоть до апреля сорок пятого года она работала, как сообщили советскому офицеру, служанкой.

Капитан вызвал Луизе Пашке в комендатуру, чтобы удостовериться, действительно ли она тетка найденного мальчика.

В кабинет вошла высокая худая женщина в черном платье и стоптанных туфлях. На голове у нее была широкополая соломенная

шляпа. В руках она нервно теребила большую бархатную сумку. Женщина остановилась у письменного стола.

— О моих господах я вам ничего не скажу,— быстро и язвительно начала она.— Господин инспектор тоже смылся. Даже «до свидания» забыл мне сказать. В имении сейчас все вверх дном. Я больше двадцати лет проработала в имении, но такого не было никогда. Всегда все шло в соответствии с указаниями господина инспектора, а сейчас...— Она перевела дух.— Дальше так продолжаться не может. Если об этом узнает господин Пфедменгес...

Капитан нетерпеливым движением руки прервал ее:

— Мы позвали вас совсем по другому делу.— Он вышел и вскоре вернулся, держа на руках мальчика.— Знаете вы этого ребенка?

— Это...это же оборванец моего погибшего брата!

Мальчик пристально смотрел на женщину.

— Ты...— начал было он и тут же спрятался за офицера.

— Ну, говори, говори, что молчишь? — зашипела старая дева и погрозила мальчугану указательным пальцем: — Дерзкий олух, весь в мать!

— Мать его погибла,— перебил ее капитан.— Поэтому мы вынуждены возложить на вас уход за ребенком и его воспитание.

— На меня? Я не могу взять мальчишку в господское имение. Как вы могли такое подумать, господин офицер?

Лицо капитана тронула недоуменная гримаса:

— Очень просто. Во-первых, пусть ваши господа убираются ко всем чертям. Во-вторых, вы можете переехать сюда, в город, если захотите, разумеется. В-третьих, мы вам поможем, если вам будет тяжело.

— Боже мой! И зачем мне нужно на старости лет возиться с каким-то ребенком?!

Луизе Пашке растерянно смотрела на советского офицера.

Капитан взял мальчика на руки и приблизился к женщине:

— Сирота он! Неужели вы не понимаете, что произошло? Мать его погибла! Вы же его родственница.

Уйти из господской усадьбы, где Луизе проработала бóльшую половину своей жизни, было для нее делом нелегким. Взять с собой мальчика в усадьбу она тоже не решалась. Не дай бог, об этом узнал бы инспектор или сами господа... Недовольная, она перебралась в квартиру своей свояченицы.

Маленький Гейнц тоже никак не мог примириться с тем, что вместо матери в квартире теперь хозяйничала эта «тощая верзила», как он ее тайком называл. Милый сердцу мальчика дом стал чужим и непонятным. В нем уже никогда не звучал голос матери. Не слышно было песен, которые она напевала, когда он вечером ложился в свою кроватку. Тетка на каждом шагу за дело и без дела ругала его. Он сопротивлялся как мог.

Так шли годы, безрадостные годы детства. В пятьдесят девятом году Гейнц окончательно решил порвать с теткой и уйти из дому.

Глава первая

Тропинка, проходившая между старой городской стеной и лугом, вела от «фольксхауза» к реке. Там, где она подходила к самому берегу, росла большая старая ива, ветви которой почти касались воды. Весна в этом году выдалась теплая.

Над ивой роем летали пчелы. В полдень к дереву прибежали детишки и начали резвиться. Когда к противоположному берегу причалила рыбацкая лодка, ребята оставили игру и стали внимательно наблюдать за рыбаками, которые ловко орудовали шестами.

Вниз по тропинке спускались трое юношей. Им было по семнадцать-восемнадцать лет. Неподалеку от ватаги ребятишек они остановились, что-то высматривая на реке. На противоположной стороне, там, где сливались Большая и Малая Шпрее, уже несколько лет на якоре стояли плоты. На пнях, едва выступавших из-под воды, появились побеги. Летом они превращались в густые кусты, словно стремились скрыть от взглядов прохожих какую-то тайну.

Ребята знали, что ходить на плоты не разрешается. Прошлой осенью там, застряв между пнями, утонул ученик мясника, который слыл хорошим пловцом. Гейнца Пашке манил этот таинственный уголок. Ему очень хотелось попасть на этот деревянный островок и исследовать его.

Обращаясь к своим спутникам, он показал рукой в сторону реки:

— Надо как-то пробраться туда!

Клаус Манкель, круглолицый парень по

кличке Флюс, искоса посмотрел на Пашке за-
спанными глазами:

— Что, туда? Как же ты собираешься это
сделать?

Гейнц пожал плечами:

— Посмотрим. Думаю, придумаем что-ни-
будь.

— Я тоже пойду с тобой, старина! — бойко
заявил хилый Вальтер, прозванный ребятами
за свои рыжие вихры Рыжим Лисом.

— Тогда пошли, — решительно сказал Паш-
ке и двинулся по еще мокрому от весенней
воды лугу вдоль берега. Ребята за ним. Так
шли, пока не уперлись в забор какого-то дома.
Остановились. Прильнув к щелям, ребята уви-
дели большую зеленую рыбацкую лодку, при-
вязанную цепью к столбу.

— Вот бы нам ее... — начал Рыжий Лис,
кивнув в сторону лодки.

— А что, это идея, — перебил его Флюс. —
Но пропажу сразу же заметят...

— Если ты уже сейчас трусишь, проваливай
отсюда. Или ты хочешь вплавь добраться до
плотов? — проворчал Рыжий Лис и презри-
тельно сплюнул.

Флюс почесал затылок:

— Это сейчас, в апреле? Мне жить расхо-
телось, что ли? Сразу чахотку подхватишь.

— Заткните рты и делайте, как я!

Пашке подпрыгнул, схватился за край забо-
ра и, подтянувшись на руках, спрыгнул во
двор. Осторожно подкрался к беседке и исчез
за ней. Через минуту вышел оттуда, держа в
руке ломик. Затем подбежал к помосту и на-
чал срывать замок, которым была заперта
цепь. Но замок никак не поддавался.

Гейнц вернулся к забору.

— Одним ломом ничего не получается.

— Может, сбегать домой за напильником? — предложил Рыжий Лис.

— Не надо, — Пашке недовольно махнул рукой. — Беги за угол. Там я видел большой лом.

Флюс задумался:

— А вдруг все сорвется?

— Замолчи ты! — прикрикнул на него Пашке. — Давай, Рыжий Лис, тащи быстрее лом!

Рыжий Лис вскоре вернулся.

— Что там такое? — спросил Флюс, показывая на беседку.

— Там кто-то есть.

— Что ты плетешь? — набросился на него Пашке. — Кто там может быть?! Я же только что был там. Пошли!

Флюс и Рыжий Лис перелезли через забор и присоединились к Пашке. Гейнц продел ломик в дужку замка и с силой рванул на себя. Замок затрещал и открылся.

— Вот как надо, работнички!

— А что, если нас поймают, да и вообще, что мы будем делать на этих плотях? — робко спросил Флюс.

Пашке презрительно сощурил глаза:

— Не спрашивай так много! Сегодня мы только посмотрим, что и как, а там видно будет.

Рыжий Лис оторвал от помоста доску:

— Пойдет вместо весла.

Все трое сели в лодку и поплыли вверх по реке. Затем, пустив лодку по течению, они направили ее в небольшой проход. Повсюду неподвижно торчали голые прутья.

— На середине острова сделаем шалаш,— предложил Рыжий Лис.— Вот мировое будет укрытие!

— Бревна наверняка очень скользкие,— заключил Флюс.— Легко слететь в воду.

Наконец Пашке предложил:

— Поехали назад.

Через четверть часа они причалили к берегу. Пашке привязал лодку. Все трое побрели вверх по тропинке к Малому мосту через Шпрее. Там они встретили Крими, который, облокотившись на перила моста, от нечего делать плевал в воду. Заметив друзей, он выпрямился и сделал несколько шагов навстречу Пашке.

— Добрый день, босс! — пробурчал он вместо приветствия, не вынимая изо рта сигареты.

Рыжий Лис потер руки, хитро подмигивая.

— Что у тебя нового в лагере? — спросил Крими у Пашке.

— Ничего.

— Были на деревянном острове,— похвастался Рыжий Лис и рассказал о путешествии на лодке.

Крими пренебрежительно засмеялся.

— Подумаешь, дело.— Он сделал неопределенный жест рукой и сплюнул через перила в воду.— Вот бы нам повернуть что-нибудь, как Имми, вот это да. Ах, забыл, ведь вы его не знаете.— И он вытащил из кармана брюк серую истрепанную тетрадь.— Вот что привезла мне из Западного Берлина колдунья твоей тетки.

Пашке с любопытством взял тетрадь в руки.

— «Человек, у которого нет лица», — прочитал он вслух. — Ну и что?

Крими горячо заговорил:

— Ты же не читал. Вот был парень! Всех сметал со своего пути. Полицейских и тех не боялся. Вот каким был Имми. — И он с любопытством посмотрел на друзей.

— И что же он сделал? — спросил Флюс.

Крими вместо ответа пренебрежительно скривил рот:

— А вы стащили какую-то лодчонку и думаете, что сделали бог знает что. Да и что можно сделать на этом деревянном острове?

— Ты прав, это, конечно, не то, — подтвердил Рыжий Лис.

Пашке тем временем молча листал серую тетрадь.

Крими не унимался:

— Однажды Имми улизнул от полицейского на плоту. Мы ведь тоже можем сделать что-нибудь такое. Вот отвязать бы плоты — и ежай тогда на все четыре стороны. Вот это да! Весь город высыпал бы из домов, чтобы полюбоваться на нас.

Пашке закрыл тетрадь.

— А вы, я вижу, болтуны! — бросил он, подойдя к Крими. — Интересно, куда это ты собираешься плыть на плоту, да еще вверх по течению? А ты забыл, что за мостом шлюз, мой дорогой. — Ребята смущенно переглянулись. Как глупо, что никто из них не подумал о шлюзе.

На землю спускались сумерки. От воды потянуло прохладой. Рыжий Лис вздрогнул и втянул голову в плечи:

— Черт возьми, становится свежо!

— Ну, так как, поедем завтра вечером на лодке? — поинтересовался Флюс.

— А ты что думаешь? Поедем.— Рыжий Лис добродушно толкнул толстяка плечом.— Ты тоже хочешь поехать с нами?

Флюс нерешительно кивнул.

— Ну, а сейчас я пошел домой.— Он протянул друзьям руку и удалился.

— Сходим на часок на площадь,— предложил Пашке.

В узких переулках города стояла тишина. Магазины уже давно закрылись. Ребята шли, насвистывая мелодию модной песенки. Неожиданно Крими остановился:

— Вы не знаете, почему Флюс сегодня так заторопился?

— Нет.

— Его старуха вчера так отлупила, что он долго не забудет. Он сам мне показывал синяки.

— А тебе разве мало достаётся? — с издевкой спросил Рыжий Лис.

— Если бы я знал, куда податься, сегодня же удрал бы. Поддайся я хоть раз своей тетке, она бы так исколошматила меня... А так поворчит-поворчит да и замолчит. Боюсь только, что она когда-нибудь разобьет мой радиоприемник.

— Это почему же?

— Говорит, что всю жизнь обходилась без радио и ничего себе — жива-здорова.

Дойдя до площади, друзья в нерешительности остановились перед витриной. В тени деревьев целовалась парочка. На углу у парикмахерской несколько парней громко выстукивали каблуками на мостовой мелодию под

звуки транзистора. В центре площади пожилой господин вел по кругу собаку, воображая, что он находится на цирковой арене.

— Ну что,— спросил Крими,— заскочим в «Эвальду»? Сегодня плачу я.

Ребята скрылись за дверью ресторана.

В половине одиннадцатого Гейнц подошел к дому. Увидев в окнах свет, он очень удивился. Подошел к окну и приподнялся на цыпочках. В кухне сидела тетка с гадалкой. На столе лежала колода карт и стояла бутылка вина. Гадалка подняла рюмку и, запрокинув голову, быстро вылила в рот ее содержимое.

«Вот так старуха! — подумал Пашке.— Работать не хочет, а у людей деньги вытягивать — это она может».

Гейнц открыл дверь и вошел в кухню.

— Ах, сыночек, явился наконец! — воскликнула тетка фальцетом.

Гейнц ничего не ответил. Снял куртку и бросил ее на стул. Затем подошел к кухонному шкафу и отрезал толстый ломоть хлеба.

— Посмотрите на него! Бродяжничает, болван, а жрать приходит домой.

— В конце концов, я неплохо плачу тебе за это.

— Вы слышите, как он со мной разговаривает? Вот она благодарность за тринадцать лет мучения. Боже мой, чем я только заслужила это?

— Своей материнской заботой! — съязвил племянник, запихивая в рот кусок хлеба.

Тетка, словно ужаленная, вскочила со стула и выпрямилась как свеча.

— Я как-нибудь вылью на твою паршивую голову чайник кипятку.

Пашке ухмыльнулся:

— Тогда мне никогда не жениться.

Гадалка в недоумении развела руки в стороны. Кофточка у нее на груди, казалось, готова была лопнуть. Она засмеялась:

— Гейнц, возьми меня в жены. Мне, правда, уже тридцать семь стукнуло, но я еще не старая.

Юноша усмехнулся:

— Нужно спросить у тетки разрешения. Это она хочет меня женить.

— Черт бы тебя забрал поскорее!

— Вот видите.— Пашке взглянул на гадалку.— Значит, жениться мне еще рано, ибо так быстро черт меня не возьмет, да и кто знает, захочет ли он выдать за меня свою дочь?

Тетка все еще продолжала ругаться:

— Ох уж эта нынешняя молодежь! Все же прав был господин инспектор. В армию надо отправлять молодых людей. Там их быстро приучат к дисциплине и порядку.

Пашке иронически улыбнулся:

— А сами вы ничего придумать не можете?

— Замолчи, шалопай!

В разговор вмешалась гадалка:

— А солдатская форма тебе должна пойти.— От удовольствия она прищелкнула языком.

— Ах, брось ты,— возразила ей тетка.

— В старое время капрал сразу выбил бы из головы всю дурь.

— Да, да,— подражая голосу тетки, произнес Пашке.

— Но, к твоему несчастью, теперь нет пруссаков.

— Да, к сожалению. А теперь...— Тетка пренебрежительно махнула рукой.— Нет сейчас настоящего порядка, вот и ходят люди как олухи.

— Это откуда же вам известно, тетушка? — Пашке отвесил тетке низкий поклон.— Можете мечтать о своих пруссаках, сколько хотите.— С этими словами он удалился в свой угол.

В слесарном цехе надрывно стучали молотки. Жужжали станки. Цех взял обязательство на тридцать дней раньше срока изготовить генератор для электростанции в Люббенау. Дело продвигалось быстро. Мастер Швенке лично руководил работой. Стоило сварщику Гротши выключить станок и подойти к Пашке, который работал в другом конце цеха на сверлильном станке, как мастер сразу же заметил это.

— Гейнц, куда мы пойдем сегодня, в «Форстхауз» или в «Эрну»?

Пашке выключил станок:

— Что тебе?

Друг толкнул его локтем в бок и ухмыльнулся:

— Ты, видно, забыл, что сегодня исполняется как раз год, как ты поступил в ученики?

— У меня сегодня с деньгами туго, Карл.

— Ничего, я дам тебе взаймы.

Мастер Швенке слышал этот разговор. Он сдвинул очки на лоб и, подойдя к станку, схватил сварщика за руку:

— Ты что? Опять дураков ищешь?

— Ну, ну, мастер, не так грубо.

Гротши шмыгнул своим красным носом. Дряблая кожа на лице натянулась. Он смешно вытянул вперед губы, собираясь что-то сказать. Но мастер опередил его:

— На последнем собрании мы же предупреждали тебя: будешь склонять ребят к выпивке — не одобровать тебе. А ты? Все ходишь и вынюхиваешь, у кого день рождения, у кого крещение...— Мастер оттолкнул сварщика.— Иди-ка принимайся лучше за работу.— Потом повернулся к Пашке: — Послушай-ка, Гейнц, почему ты позволяешь себя одурачивать?

— Я не позволяю.

— Сегодня нет. Но ведь он уже не раз за таскивал тебя в пивную. Тебе, видно, деньги нельзя давать?

— Может быть. Только я не люблю, когда мной командуют.

Пашке и сам толком не знал, откуда у него столько упрямства.

— А не хотел бы ты поехать со мной на рыбалку? — отеческим тоном спросил его Швенке.— А то давай поедem.

Пашке удивился. Не ослышался ли он? Мастер сказал эти слова просто, хотя за ними, видимо, скрывалась какая-то определенная цель.

— Я подумаю,— сказал он и включил станок.

«Вот бы скопить денег да купить мотоцикл, вишневую «Яву»!» — думал он, следя за сверлом.

Через несколько минут мастер снова подошел к Пашке:

— Ну, так как? Я собираюсь сегодня вечером на часок выбраться на Шпрее. У меня там за деревянным островом прекрасное местечко для рыбалки облюбовано. Поедешь?

Пашке даже вздрогнул от удивления. «Уж не умеет ли старик читать мысли? Или он всего-навсего хочет спутать карты Гротшу?»

Им овладело любопытство:

— Хорошо, коллега Швенке, я поеду.

Мастер кивнул и, улыбаясь, удалился.

После смены Швенке и Пашке вышли из проходной вместе. Не спеша пошли по Садовой улице. Справа пестрыми лоскутами тянулись небольшие земельные участки, прижавшиеся к самому берегу Шпрее. Юноша заволновался, когда мастер остановился перед последним участком и достал связку ключей. Из-за кустов показалась знакомая беседка, а внизу, на воде, спокойно покачивалась зеленая рыбацкая лодка.

«Значит, это ловушка старика! Вот старый лис! Он решил проучить меня». Пашке злился на себя за то, что согласился пойти с мастером.

— Возьми ключи. Подготовка пока лодку, а я принесу сеть.

Пашке, словно замороженный, смотрел на связку ключей. Только бы нервы не подвели. Он взял ключи и не торопясь направился к берегу.

От волнения стучало в висках. Видимо, ма-

стер знает об истории с лодкой. Пашке долго возился с поврежденным замком. Вдруг, словно из-под земли, появился Швенке.

— Кто-то замок сломал,— быстро проговорил Пашке.

— Ну, это уж настоящее свинство.— Мастер внимательно осмотрел замок.— Здесь наверняка побывали хулиганы. Ну подожди, я их все равно поймаю. Замок теперь придется выбросить.— Швенке покачал головой и положил замок на помост.— Ну придите еще раз, я вас встречу! А сейчас не будем портить вечер. Залезай в лодку.

Лавируя между пнями, они подплыли к месту, которое было похоже на небольшое озеро среди диких зарослей. Пашке не испытывал особой радости от этой прогулки на лодке. Что ж ему делать? Сразу сказать правду? Нет, лучше подождать.

— Здесь, брат, стой,— сказал мастер, протягивая Пашке пачку сигарет.— Швенке закинул удочки и пересел поближе к Пашке:— Хорошо здесь, не правда ли?

— Да.

— Если тебе когда-нибудь будет нужна лодка, скажи мне. Я редко пользуюсь ей.

«Интересно, это старина так просто говорит или все знает? Тогда почему не скажет прямо? История, конечно, глупая, что ни говори. Значит, сегодня вечером я не смогу выполнить своего обещания перед друзьями».

Не глядя на мастера, он наконец спросил:

— Почему, собственно, вы меня взяли на рыбалку?

Швенке ответил не сразу. Не спеша вытащил удочку и проверил наживку:

— Ну... я думал, тебе будет приятно показаться на лодке.

Мастер смотрел куда-то вдаль.

Сбитый с толку, Пашке робко опустил глаза. «Значит, он все знает!» Наконец он проговорил хриплым голосом:

— Конечно приятно...

Мастер, казалось, не слышал его. Он не спускал глаз с попрыгивающего на воде поплавка. Потом вдруг резким движением сделал подсечку — и на крючке задержалась крупная плотва. Он кинул ее в садок, снова забросил удочку, вытер о штаны руки и закурил сигарету.

«И почему мастер не выложит все сразу?»

— Молодежь любит приключения, — начал Швенке. — Когда я был в твоём возрасте, меня больше всего тянуло к воде. Конечно, своей лодки у меня не было, и я брал ее напрокат, а за это несколько часов рубил дрова. У вас же теперь все много проще.

«Неприятно, чертовски неприятно, — думал Пашке, закусив губу. — Вот попал в положение!» Мысли в голове путались. И нужно же случиться, чтобы эта проклятая лодка принадлежала мастеру. Если Швенке вчера видел их, он теперь в любой момент может упрекнуть его. Лучше всего было бы уволиться. Работа есть повсюду.

Мастер задумчиво рассматривал темно-русые взъерошенные волосы юноши, его густые брови и упрямый подбородок.

— Ну, что ты замолчал? — спросил он Гейнца.

— Что я могу сказать?

Швенке догадывался, что происходит с пар-

нем. Вчера вечером он еле-еле сдержался, когда увидел, как Пашке перемахнул через забор. Лукаво улыбнувшись, он спросил:

— Ну так как, хочешь как-нибудь взять мою лодку? Весной у меня почти все дни заняты: работаю в саду, так что для рыбалки и времени не остается.

Сжав зубы, Пашке смотрел поверх камышей. Интерес к лодке пропал. Хотелось одного — как можно скорее выскочить на берег.

Было уже темно, когда они причалили к берегу. Швенке отнес снасть в беседку.

— Не хочешь вместе со мной поужинать?

Этого еще не хватало! Пашке торопливо простился. Выйдя на тропинку, ведущую через парк, он в нерешительности остановился. «Может, вернуться к мастеру, рассказать всю правду и извиниться?» — мелькнуло в голове. Но теперь ему было трудно принять такое решение. Не спеша он побрел дальше.

Свернув на Мауерштрассе, услышал знакомые голоса. Рыжий Лис с жаром что-то доказывал Крими.

— Ну, ну, спокойно,— осадил его Крими.

Из темноты появился Пашке:

— Что здесь у вас происходит?

— Тебя как раз не хватает,— бросил Крими.— Сам затеял эту историю с лодкой, а теперь бросаешь нас.

— Сегодня никак не мог.

— Хороша компания. Если и дальше так будет, то на меня не рассчитывайте.— Рыжий Лис со злостью сплюнул.

Пашке набросился на него:

— Помолчал бы лучше. Друзья вы мне или нет?

Ребята переглянулись.

— Что это сегодня на тебя нашло? — спросил Гейнца Крими.— Или мы будем действовать вместе, или я найду себе другую компанию.

— Можешь проваливать! — резко бросил ему Пашке.— С меня на сегодня хватит. Будьте здоровы! — И отошел от друзей.

— Вот так сюрприз! В какую рань заявился! — встретила его тетка.— Без ужина и на улице не гуляется?

— Точно.

— Твоя банда весь вечер не давала мне покоя.

— Это не банда.

— По улицам болтаются только бродяги и хулиганы. Ну и времена настали! В наше время учитель обычно держал за школьной доской дюжину розг. А вечером выйди-ка на улицу! Жандармы тебе так намылят шею, что долго помнить будешь. Раньше парней твоего возраста воспитывали в казарме под звуки барабана.

Подобные разговоры о старых временах Гейнец слышал уже неоднократно. Тетка не раз пыталась прибрать его к рукам. Ему вспомнилось, как все это началось.

...Весной сорок шестого года тетка послала его нарвать на лугу за стрельбищем щавеля. Но его прогнала оттуда какая-то женщина. Когда же Гейнец с пустыми руками вернулся домой, тетка угостила его звонкой пощечиной.

Он бросился к двери, но здесь его обжег удар кожаного ремня.

Воспоминания Гейнца прервал звон выпавшей из рук тетки металлической миски, которая, описав по полу большой круг, ударилась о ножку стула, опрокинулась набок и, сделав несколько судорожных движений, замерла. Пашке закрыл глаза. Вот так и он, подобно миске, бегал по замкнутому кругу: школа, дом, улица. Новые порядки, по мнению тетки, только портили детей. А улица? На ней он был свободен как птица. Там у него были друзья, с которыми он мог держаться так, как ему нравилось.

— Наверно, опять был в пивной? — грубо спросила тетка.

Ничего не ответив, Гейнец разделся и лег в постель, хотя было всего девять часов. Заснуть он не мог: уж слишком много свалилось на него сегодня. Он видел перед собой мастера, который, сдвинув на лоб очки, внимательно изучал его. Неужели он ничего не знал? Не рассказать ли ему обо всем? А то еще, чего доброго, пропечатают в заводской газете.

Гейнец повернулся на другой бок. Удрать бы куда-нибудь, чтобы навсегда распрощаться с теткой.

Может, ему последовать примеру Лютца и уйти на Запад, ну, скажем, в Гамбург? Громадный порт, гигантские корабли, море. Вот где романтика. О Лютце он больше не слышал. Как-то ему там живется? Раньше он работал за соседним станком. Как часто он тогда втихую проклинал Лютца. Да и кто знает, так ли уж хорошо живется ему на этом Западе? Разумеется, неплохо было бы поехать

на большую стройку. Говорят, рабочие там много зарабатывают.

В соседней комнате, где спала тетка, послышался кашель. «Вот она удивится, если увидит, что я собираю свои вещи,— подумал Гейнц.— На крупных стройках повсюду хорошо кормят. Дают место в общежитии. Вот только как быть с бельем? Не отсылать же его для стирки тетке?!»

Гейнц встал с кровати, отбросил в сторону одеяло. Подошел к окну и выглянул. С улицы на него падал свет газового фонаря. Заложив руки за голову, довольно улыбнулся. Снова лег в постель. Вот когда он утрет тетке нос! Она так хочет сплавить его в армию. А что, если и вправду стать солдатом? Он задумался. Все-таки на стройке не так интересно, как, например, в саперной части, которую он видел, когда она форсировала Шпрее. Интересно, пошла бы ему военная форма? Его друзья так бы и застыли от удивления. Ну, а о тетке и говорить нечего.

Фантазия завела его далеко. Вот он видел себя бегущим с автоматом в руках по цветущему лугу. Перед каким-то забором он бросился на землю и, приподняв автомат, нажал на спусковой крючок. И вдруг из беседки вышел мастер и дружески кивнул ему.

Гейнц вздрогнул. Швенке? Откуда он мог взяться? Ах да, эта история с лодкой. Он попытался привести свои мысли в порядок. Уж он-то показал бы себя, показал бы, на что он способен. О нем бы заговорили все.

Гейнц хотел проснуться и не мог. На что же решиться? В сущности, он уже давно все решил.

Мысли его невольно вернулись к родному заводу. Интересно, будут ли и его провожать в армию с цветами?

Глава вторая

Большой грузовик, который увез Гейнца вместе с другими четырнадцатью призывниками с вокзала, затормозил перед решетчатыми воротами. Справа от них — будка часового. Перед воротами, держа автомат на груди, медленно прохаживался взад и вперед часовой. Увидев машину, он торопливо подбежал к воротам и распахнул их.

Грузовик тронулся, встряхнув сидящих в нем новобранцев. Объехав большое здание казармы, шофер остановил машину. Новичков приветствовал коренастый гауптфельдфебель.

— Сейчас я провожу вас в расположение, — он указал рукой на ближайший блок. — Потом вы поужинаете, отдохнете. Остальное обсудим завтра. — Он подбадривающе кивнул новичкам, а затем стал расспрашивать то одного, то другого.

Уж не старшина ли это? Пашке удивился. На заводе ему часто приходилось слышать от тех, кто раньше служил в армии, будто старшина с серебряными лычками на рукаве — гроза для всех солдат роты. Этот же разговаривал с ними как равный с равным. Или это только сегодня.

Новички в нерешительности остановились у двери. Посредине комнаты стоял большой стол, слева и справа — по четыре двухъярусные койки, разделенные друг от друга при-

кроватными тумбочками. Перед каждой кроватью — по две деревянные табуретки.

Пашке бросил свой портфель на койку у окна. Помещение произвело на него неприятное впечатление. Он вышел в коридор и, прохаживаясь по нему, стал от нечего делать читать надписи на дверных табличках. В конце коридора находилась канцелярия роты. Он повернул обратно и, остановившись перед комнатой с табличкой «Третье отделение», постучал в дверь. Никто не ответил. Приоткрыв дверь, Гейнц заглянул внутрь. Здесь было уютнее, чем в комнате, где поместили их. Двухъярусные койки были закрыты высокими ширмами. На столе пестрая скатерть, на окнах гардины, на стене подвешены цветы, а между ними гипсовые барельефы. Гейнц осторожно прикрыл дверь.

После ужина вместе с другими новичками Гейнц пошел прогуляться по территории. Неожиданно один из новичков встретил солдата из своей деревни, который сразу же повел их по двору, рассказывая о полке. Несколько минут они постояли у ворот, наблюдая за солдатами и унтер-офицерами, выходившими в парадной форме в город.

— Когда-нибудь и нам разрешат увольняться? — поинтересовался Пашке.

— Первые шесть недель и не ждите. Сначала пройдете одиночную подготовку.

— Что?! Так долго! Чем же мы будем заниматься все это время?

— Не беспокойтесь, занятий будет по горло: строевая подготовка, физо и кое-что еще.

— Да-а, шесть недель! — Пашке сокрушенно покачал головой.

Позже к новичкам пришли старослужащие. Завязались знакомства. Расспросам не было конца. Один молодой техник из Хеннигсдорфа с воодушевлением рассказывал о сталелитейном заводе, на котором работал. Забойщик из Висмута, как все узнали, женат и уже имеет двоих детей.

В дверях показался гауптфельдфебель. Пашке вскочил с койки и спросил:

— Товарищ фельдфебель, нам завтра дадут обмундирование?

Вопросы посыпались один за другим. Юноше из Хеннигсдорфа не терпелось узнать, скоро ли они будут изучать танк. Забойщик же хотел, чтобы его обязательно включили в пулеметный расчет.

Гауптфельдфебель поднял руки, пытаясь остановить град вопросов:

— Не спешите, всему свое время, но кое о чем я расскажу.

Так они просидели до тех пор, пока в дверях не показался унтер-офицер. Он принял положение «смирно» и бойко доложил:

— Товарищ гауптфельдфебель, подан сигнал вечерней поверки!

— Хорошо, я сейчас уложу наших новичков спать.

Через несколько минут все уже спали мертвым сном.

В шесть утра все ожило. Дежурный унтер-офицер, открыв дверь, крикнул:

— Подъем! Приготовиться к утренней зарядке!

После завтрака гауптфельдфебель построил новичков и объявил распорядок дня.

В ожидании чего-то радостного молодые

солдаты прошли строем на вещевой склад. Они вошли в узкое, полутемное помещение, где на многочисленных полках лежали кителя, брюки, фляги, ремни и прочие предметы военного снаряжения. Перед длинным столом с меркой в руках стоял ефрейтор. Пашке оказался первым. Ефрейтор вслух назвал размер, и через секунду кладовщик принес ему новенькую форму.

Пашке был высок и ладно скроен. Форма сидела на нем так, будто была сшита специально для него. Правда, с фуражкой пришлось помучиться: он никак не мог упрятать под нее свою пышную шевелюру.

На следующий же день начались регулярные занятия. Пашке старался быть очень внимательным.

Первым занятием по расписанию была строевая подготовка.

Унтер-офицер вывел свое отделение из тени на солнечное место. Встав перед строем, он несколько раз показал солдатам, как надо делать повороты кругом.

Пашке внимательно следил за движениями командира отделения. Но когда отделению была дана команда «Кругом», Пашке повернулся слишком резко и потерял равновесие. Все засмеялись. Он хотел было огрызнуться, но вовремя вспомнил, что в строю не разговаривают.

Потом перешли к отработке приемов отдавания чести. Пашке старался изо всех сил. И тем не менее у него не получалось. Унтер-офицер то и дело кричал:

— Рядовой Пашке, поднимите руку выше к головному убору!

Пашке злился на себя. «А не придирается ли он ко мне?» — мелькнуло у него в голове.

Солдаты по очереди проходили мимо унтер-офицера, отдавая ему честь. Пашке казалось, что у него короткие руки, и потому он немного склонял голову набок, когда прикладывал руку к головному убору. Унтер-офицеру это не понравилось, и он крикнул: «Рядовой Пашке, пройдите еще раз!»

Гейнц проворчал что-то про себя и остановился. Его раздражала собственная неповоротливость: «Неужели так будет всегда?!»

После занятий Пашке почему-то поплелся к проходной. Стоял теплый майский вечер. Со стороны сада, расположенного по ту сторону улицы, ветер доносил сладкий аромат сирени. Он долго смотрел на парочку, шагавшую по улице, и невольно вспомнил друзей. По-иному представлял он себе солдатскую жизнь. Пожалуй, и тут ничего героического не совершишь. В гражданке он верховодил друзьями, а здесь?

Не торопясь Гейнц пошел к казарме. Хотелось побродить по городу. Сам не зная почему, он свернул к столовой. В небольшом помещении было шумно. За столами сидели солдаты и унтер-офицеры. Он отыскал свободный столик и присел.

У буфетной стойки несколько солдат окружили какого-то верзилу. Энергично жестикулируя, тот рассказывал о чем-то интересном.

Пашке с любопытством разглядывал долговязого. Заметив, что на него смотрят, тот бросил на Гейнца высокомерный взгляд и продолжал свой рассказ.

Не переставая следить за собравшимися,

Пашке невольно углубился в воспоминания, которые прервал долговязый:

— Ну ты, малыш, детская телепередача уже давно кончилась, а ты все еще чего-то ждешь.

— А что тебе от меня нужно?

— Мне? Мне, как старослужащему, полагается смотреть за порядком и воспитывать вот такую зелень, как ты, понимаешь?

Пашке поднялся со стула и пренебрежительно бросил:

— Не корчи из себя героя, верзила. Наверно, выпил много газированной воды и захмелел.

Мюллер, так звали долговязого, как-то странно втянул голову в плечи:

— Дорогой друг, прежде чем попусту шлепать губами, стань сначала настоящим солдатом. Вот так! А теперь — марш в кровать!

И он снова вернулся к буфетной стойке. За столами громко рассмеялись. Кипя от гнева, Пашке вышел из столовой. На улице он со злостью сказал себе: «Подожди, парень, и я стану настоящим солдатом. Тоже мне, наставник нашелся!»

Последний день занятий по одиночной подготовке начался. Командиры отделений снова ли от одного солдата к другому, проверяли, правильно ли пришиты петлицы, начищены ли до блеска пуговицы, нет ли каких-нибудь вопросов по военной присяге.

Гейнц Пашке стоял у окна казармы, наблюдая за солдатами, украшавшими трибуну на строевом плацу. Ему было непонятно, почему в полку сегодня так оживленно. Важно, что шесть трудных недель остались позади. Теперь он наконец-то попадет в настоящее бое-

вое подразделение, где будет заниматься специальной подготовкой.

Рота новичков построилась. Гейнц был высоким парнем и потому оказался в первой шеренге на правом фланге. Все старались скрыть волнение. Лица у новичков серьезные, торжественные. Через плац прошли строем, четко отбивая шаг. Пашке энергично размахивал руками. У него были все основания гордиться собой: ему вместе с тремя другими товарищами из роты, как отлично прошедшим курс одиночной подготовки, предоставили право при принятии военной присяги выйти вперед к знамени части. Глаза его блеснули. Ему хотелось совершить что-то невероятное, героическое, чтобы о нем заговорили. Да вот взять хотя бы и сейчас! Он будет стоять перед строем роты! Нет, перед строем целого полка!

Рота повернула к трибуне. Пашке следил теперь только за строем. Было бы позором, если бы при команде «Стой» он, направляющий, не остановился вовремя и как раз перед трибуной, где собрались гости, внимательно наблюдающие за торжественной церемонией. Но команда «Стой» удалась.

На плац под торжественные звуки оркестра вынесли знамя полка. Красное знамя с золотистой эмблемой, подхваченное ветром, предстало во всем своем величии. Полотнище знамени колыхалось на ветру, но знаменосец, унтер-офицер, крепко держал его в руках. Перед трибуной знаменосец сделал поворот — и в лучах солнца сверкнули обнаженные шашки эскорта.

Мышцы у Пашке напряглись до предела, когда он после краткой речи командира полка

подошел к боевому знамени, чтобы вместе с тремя лучшими солдатами роты на глазах у всех поцеловать алое полотнище и произнести торжественную присягу на верность своему социалистическому отечеству. Сердце Пашке учащенно билось.

Только встав в строй, Пашке облегченно вздохнул.

После принятия присяги Пашке почувствовал себя настоящим солдатом. Новичков распределили по подразделениям: несколько человек попало к минометчикам, несколько — к зенитчикам. Пашке направили в мотострелковую роту.

Глава третья

На следующий день после принятия присяги Пашке прибыл в четвертую роту, которая располагалась в здании по ту сторону плаца. В канцелярии роты гауптфельдфебель сказал ему, что он зачислен в первое отделение.

— Там все старослужащие, — объяснил он ему. — У них есть чему поучиться. — Немного подумав, гауптфельдфебель добавил: — Вы хорошо закончили курс в учебной роте. Осваивайте теперь опыт старших товарищей, и из вас скоро выйдет образцовый солдат.

Пашке встал по стойке «смирно»:

— Так точно, товарищ гауптфельдфебель, постараюсь.

Отделение только утром вернулось с ночных занятий и до обеда было свободно. Пашке вошел в помещение и поздоровался. Двухъярусных коек здесь не было.

Ефрейтор Клейн, старший по комнате, протянул ему руку, с улыбкой посмотрел на него карими глазами и кивнул на кровать, стоявшую у окна:

— Можешь располагаться.

К Пашке подошли другие солдаты. Клейн представил их по очереди. Пашке каждому приветливо кивнул. Только одному, высокому, помедлил. Сомнений быть не могло: это был не кто иной, как Мюллер, долговязый парень, читавший ему мораль в столовой. Тот скорчил гримасу:

— Ну, что ты на меня уставился? — И дружески похлопал новичка по плечу. — Теперь ты можешь показать нам, на что ты способен. Да и у нас во рту что-то пересохло.

Все засмеялись. Только Клейн зло посмотрел на Мюллера и оттолкнул его:

— Оставь его в покое!

— А ты не вмешивайся не в свое дело, — возмутился Мюллер. И, обращаясь к Пашке, добавил: — У нас уже так заведено: каждый новичок отмечает вступление в должность.

Пашке был занят своими мыслями. И нужно же было этому Мюллеру оказаться в одном с ним отделении! Как этот парень пытался унижить его тогда, в столовой! Нет уж, дудки, сначала обидел его при всех, а теперь еще хочет посидеть с ним за кружкой пива.

— Ну ты что, туг на ухо? — не отступал Мюллер. — Смотришь на нас как баран на новые ворота и молчишь? Я вижу, из тебя не получится хорошего солдата.

Ефрейтор Клейн так толкнул ногой табуретку, что она с грохотом упала на пол.

— Ну, хватит дурака валять, — обратился

он к Мюллеру. — А ты не позволяй себя дурачить, — бросил он Пашке.

— А я и не собираюсь!

Мюллер пренебрежительно посмотрел на Пашке:

— Зеленый ты! В один прекрасный день ты еще пожалеешь, что поссорился со мной.

Этот разговор целый день не давал Пашке покоя. История, прямо сказать, не из приятных. Ссориться с целым отделением из-за одного человека было бы неумно. Кроме того, ребята могут принять его за скрягу. А не пригласить ли все отделение? Но без Мюллера.

В последний час занятий Гейнц подошел к Клейну, который писал тушью заголовок для стенгазеты.

— Как ты думаешь, не выпить ли нам сегодня по кружке пива?

— Только без меня, — решительно заявил Клейн. — На собрании членов Союза свободной немецкой молодежи мы недавно приняли решение покончить с дурной традицией принимать в роте новичков за кружкой пива.

«Значит, я вел себя правильно», — решил Пашке. После ужина он заглянул в ротный клуб. Несколько солдат сидели за шахматами, другие читали книги, писали письма. Любители телевизионных передач собрались перед телевизором, ожидая начала вечерней программы. К ним подсел и Пашке.

На следующее утро роте предстояло совершить пятнадцатикилометровый марш с боевой стрельбой. Пашке понимал, что это явится для него первым серьезным испытанием в новом подразделении. Справится ли он? Должен

справиться, чтобы с первых же дней доказать, что он не шляпа.

Шли повзводно. Приглядываясь к солдатам, Пашке старался подражать им. Вскоре некоторые стали укорачивать ружейные ремни. Гейнцу вещевой мешок начал давить на плечи.

— Плохо уложил? — спросил его сосед с мокрым от пота лицом.

Солнце поднималось все выше. Через четверть часа взвод дошел до опушки леса. Командир взвода отошел на обочину дороги и, пропустив взвод, подал команду: «Бегом — марш!»

Нелегко было бежать с полной выкладкой по сыпучему песку. Каждый шаг давался с трудом. Но Пашке быстро приспособился к ритму бега. После команды «Шагом» солдаты облегченно вздохнули.

Шли уже час. Солнце палило немилосердно. Пыль липла к потному телу. Вещевой мешок и карабин с каждым шагом становились тяжелее. Сильнее всего изнуряла жажда. Как хотелось достать фляжку и выпить все ее содержимое! Но Гейнц подавил в себе это желание. Наконец подали команду на привал. Пашке схватился за фляжку, но Клейн удержал его:

— Не пей пока — ослабнешь. Лучше пополни рот.

Пашке последовал совету друга, хотя сделать это ему было нелегко.

Время привала прошло как одна минута.

Взвод шел по полевой дороге. Пашке попробовал считать шаги. Говорят, отсчитываешь

тысячу двести или тысячу триста шагов — вот тебе и километр, а потом еще и еще.

«Воздушная тревога!»

Гейнц спрыгнул в пыльную канаву. Через несколько секунд поднял голову: на шоссе ни души, хотя самолет уже давно скрылся из виду.

— До стрельбища самое большее километра три, — заметил Клейн. Пашке молча кивнул, удивляясь бодрости Клейна.

Про себя он продолжал считать: «Тысяча... тысяча пятьсот... две тысячи...» Кровь с силой билась в висках. Ноги словно налились свинцом. Он сжал губы. «Выдержать, выдержать любой ценой», — билась в голове мысль.

Поднялись на небольшой пригорочек, с которого было видно стрельбище.

«Теперь осталось совсем немного, — думал он, — всего несколько сот метров...»

— Артиллерия противника открыла по нас огонь! — раздался голос командира взвода и вслед за ним команды командиров отделений: «Отделение! За мной!»

«Теперь самое главное — дыхание», — думал Пашке, стараясь не отрываться от бегущего впереди него командира отделения. Наконец они добежали до укрытия. Он бросился на землю и закрыл глаза. «Как хорошо сейчас на Шпрее», — лезло ему в голову. Сможет ли он после такой нагрузки стрелять и поразить цель?

— Теперь можешь выпить несколько глотков воды, — посоветовал ему Клейн.

— Она же теплая!

— Это тебе вместо холодного пива, — со злорадством заметил Мюллер.

Пашке не обратил на него внимания.

Передышка не продолжалась и трех минут. Отделение подготовилось к стрельбе. Пашке несколько раз глубоко вдохнул и прицелился. Мушка плясала. Переждав несколько секунд, он снова прицелился.

— Не торопиться! — прошептал он и нажал спусковой крючок.

— Три попадания, — объявил показчик.

Командир взвода одобрительно кивнул. У некоторых старослужащих и того меньше.

— Вы неплохо стреляете, товарищ Пашке, — подбодрил Гейнца взводный.

Довольный, Гейнец взял котелок и пошел к только что подъехавшей походной кухне.

Глава четвертая

Два дня подряд лил дождь. К шуму дождя присоединилось тихое дребезжание стекол под сильным напором ветра. Пашке подтянул одеяло к шее. Прислушался к дыханию спящих товарищей. Клейн во сне что-то бормотал. Завтра в полдень Пашке в первый раз пойдет в увольнение.

Гейнец приподнялся на локтях. Интересно, как встретит его тетка? Радостной встречи он, разумеется, не ждал. Дома ему незачем задерживаться. Вот встретиться с друзьями — это другое дело. Куда-нибудь зайдут. Он закажет по кружке пива. Потом пойдет на завод. А что, если навестить мастера? Можно даже извиниться за старую историю с лодкой. Во всяком случае, у Швенке будет лучше, чем у тетки.

Он еще глубже залез под одеяло и вскоре уснул крепким сном.

На подъеме сразу вспомнил: сегодня увольнение. С легкостью вскочил с кровати и стал насвистывать что-то себе под нос.

Во время политической информации командир взвода рассказывал о маневрах частей бундесвера вблизи государственной границы республики. Пашке внимательно слушал, но все время ловил себя на том, что мысленно он уже давно в увольнении. Во второй половине дня он будет дома. В это время на заводе заканчивается работа, и он встретится с товарищами по работе. Все будут здороваться с ним. А взгляды девушек...

— Кончай мечтать! — толкнул его Клейн.

Занятия закончились. Было начало двенадцатого. Командир отделения принес увольнительные записки и проездные билеты. Объявил, что увольняющиеся в город могут выйти из казармы сразу же после осмотра помещения.

Пашке с нетерпением смотрел на часы. Поезд отходил в двенадцать часов восемнадцать минут. Оружие и личные вещи у него в полном порядке.

Минуты тянулись мучительно долго. Ефрейтор Клейн окинул взглядом всю комнату и в знак одобрения кивнул. Пашке запер шкаф и положил свой портфель на табурет возле кровати. Теперь надо немного подождать.

— Может, выкурим по сигарете? — предложил Мюллер.

— А почему бы и нет, — поддержал его Бухов. — Они дойдут до нас не раньше чем через полчаса.

Все вышли из спальной комнаты. Мюллер на мгновение просунул голову в дверь ком-

наты третьего отделения и спросил, как у них дела. Затем, быстро догнав остальных, предложил всем по сигарете.

— Бери,— предложил он еще раз Пашке, видя, что тот колеблется.

— Спасибо, я лучше свою закурю.

— Смешной ты, Гейнц, и к тому же еще воображала. Ну, да это дело твое,— заметил Клейн.

— Побереги себя,— огрызнулся Мюллер.

— Замолчи же ты наконец! — набросился на него Клейн. — Не порти людям хорошего настроения.

— Как хотите,— бросил Мюллер, равнодушно посмотрев на товарищей. — Можем говорить и о погоде.

Разговор явно не клеился.

Клейн взглянул на часы:

— Скоро придут и к нам.

Все загасили сигареты и пошли к своим кроватям. Клейн начал рассказывать какую-то историю, но его никто не слушал. Пашке несколько раз выглядывал в коридор и прислушивался.

— Еще без четверти двенадцать, так что сохраняйте спокойствие, господа,— подчеркнуто громко произнес Мюллер. — Инспекция еще не миновала второй взвод!

Минутная стрелка, казалось, застыла на месте. Нетерпение все сильнее овладевало Пашке. Если он в двенадцать не выйдет из казармы, то опоздает на скорый поезд и все его планы рухнут. Он переминался с ноги на ногу.

Наконец-то! Он облегченно вздохнул. Командир роты вышел из комнаты соседнего взвода и направился к ним. Было без не-

скольких минут двенадцать. Замечаний быть не может: пол натерт, окна вымыты, нигде ни пылинки, кровати заправлены. Одним словом, полный порядок!

— Взвод, встать! Смирно! — скомандовал Клейн, когда на пороге появился командир роты капитан Фленц в сопровождении гаупт-фельдфебеля.

— Товарищ капитан! Увольняющиеся в городской отпуск построены. Ефрейтор Клейн!

Командир роты кивнул. Сердце Пашке готово было выпрыгнуть из груди. Через несколько минут они будут в городе!

— Ну как, рады первому увольнению в городской отпуск? — поинтересовался командир роты.

— Так точно, товарищ капитан!

Командир роты внимательно осмотрел комнату. Затем, кивнув в сторону шкафов для хранения личных вещей, спросил:

— А в шкафах тоже порядок?

— Так точно, товарищ капитан! — сразу же ответил Клейн.

— Ну, давайте посмотрим.

Пашке подошел к своему шкафчику. Смело распахнул дверцу — и замер от ужаса. Лучше бы он провалился сквозь землю. В шкафчике был такой беспорядок, какой и представить себе трудно. В довершение ко всему к дверце шкафа с внутренней стороны была приколата порнографическая открытка.

В комнате наступила напряженная тишина. Первым нарушил молчание командир роты.

— В этом шкафу действительно образцовый порядок, лучшего и желать не нужно, — заметил он с иронией.

Пашке хотел было что-то объяснить, но командир роты движением руки остановил его.

— Не пытайтесь оправдываться. У меня сейчас нет времени слушать вас,— строго сказал он.— Из казармы вы уйдете только тогда, когда в шкафу будет все убрано. Остальные могут идти.

Он торопливо взглянул на часы и, резко повернувшись, вышел из комнаты.

Пашке окаменел. Он никак не мог понять, как могло случиться, что в его шкафчике, в котором он утром навел образцовый порядок, оказался такой ералаш, да еще эта безобразная открытка. Кто бы это мог сделать? И почему командир роты не захотел даже выслушать его? Он с такой силой поддал ногой упавшую на пол сапожную щетку, что она с силой ударилась о стенку.

— Приведите шкаф в порядок и можете идти. Остальное выясним после,— сказал командир отделения.

До отхода поезда оставалось четырнадцать минут. Даже бегом он не поспел бы к поезду. Молча закурил сигарету. Его товарищи стали закрывать свои шкафчики.

— Кто это сделал? — громко спросил Клейн.

Все пожимали плечами.

— Кто это мог сделать? Все были весь день вместе! — быстро вставил Мюллер.

— Это так,— согласился с ним Бухов.— После завтрака все ушли на политзанятия, потом чистили оружие.

Ничего не понимая, Клейн покачал головой. Пашке, задумавшись, опустил на табу-

рет. Когда товарищи собрались уходить, он неуклюже поднялся:

— Мне теперь торопиться некуда.

Уходя, Мюллер дружески протянул ему руку. Пашке посмотрел на него и сказал:

— Проваливай, пока...

— Что «пока»? Думай, что говоришь.

— Проваливай, а то я быстро с тобой рассчитаюсь!

— Ты что, рехнулся? — Насвистывая, Мюллер вышел из комнаты.

Наведя порядок, Пашке закрыл шкафчик и взял в руки портфель. Медленно пошел к проходной. У ворот остановился. Радости как не бывало. Мюллер! Только он один мог сделать такое! А командир роты? Он даже не выслушал его!

Успокоившись, он вышел на улицу. На вокзале посмотрел расписание поездов. Следующий поезд шел только через три с половиной часа! Появилось желание выпить чего-нибудь крепкого. Пашке зашел в привокзальный буфет и заказал бутылку пива и двести граммов коньяку.

За соседним столиком сидели трое парней в брюках-дудочках и пестрых рубашках-распашонках. У одного из них вокруг шеи был повязан желтый платок. Вытянув ноги далеко вперед, он покачивал носками ботинок. Он был удивительно похож на Крими.

В понедельник утром Пашке уже сидел в поезде. До двенадцати часов надо было успеть вернуться в казарму.

Вагон был почти пустой. В купе, кроме него, никого не было. Настроение паршивое. За окном знакомый ландшафт. Злополучный шкафчик никак не давал покоя. Дома тетка еще больше испортила ему настроение. Друзья подтрунивали над ним, видя его постную физиономию. Погруженный в свои невеселые мысли, он не заметил, как поезд с грохотом пронесся через мост и остановился на какой-то маленькой станции. В вагоне зазвонили веселые детские голоса.

— Здесь все свободно! — крикнул кто-то.

В купе к Пашке вошел пожилой человек среднего роста. От него пахло шнапсом. Пашке был противен этот запах. Пассажир небрежно бросил в багажную сетку свою потрепанную сумку, снял кепку и вытер пестрым платком со лба пот. Вздохнув, сел у окна и посмотрел на Пашке. Упершись руками в колени, он с улыбкой произнес:

— Ну, рекрут, так совсем и один?

Пашке возмутила бесцеремонность незнакомца. Задиристым тоном он спросил:

— Что значит «рекрут»?

Мужчина был, видимо, в хорошем настроении.

— Я не хотел тебя обидеть. К этому слову привык во время войны. Мне во многих местах пришлось побывать: во Франции, в России, на Балканах. Потом три года сидел за колючей проволокой у янки. Одним словом, хватил горя. А теперь хочу отдохнуть.

Пашке выглянул из окна. Что ему от него нужно? Но незнакомец, не обращая на Пашке внимания, продолжал:

— Ты что-то не разговорчив, малыш. А вот

я сегодня весь день болтаю: стал дедушкой, понимаешь?!

Он довольно засмеялся, затряс головой, будто сам не очень верил в это.

Хорошее настроение попутчика передалось и Пашке: на лице появилась улыбка.

— Ну, юноша,— продолжал мужчина,— ты мне сразу понравился. И печаль твоя мне понятна. Сегодня опять к фельдфебелю в руки попадешь.— Он поводил перед своим носом пальцем.— А уж он тебе покажет где раки зимуют.

— Этого у нас и в помине нет,— перебил его Пашке.

— Чего нет? — Голос попутчика стал строгим.— Уж не думаешь ли ты, малыш, что я тебе сказки рассказываю? Ты что, еще ни разу не чистил сапоги своего унтера или не выписывал ногами вензеля на плацу?

— У нас такого никто не делает. Теперь за подобные штучки попало бы не только унтеру, но и повыше. Это вам не вермахт.

Сосед недоверчиво покачал головой:

— Странно, очень странно. А что же сделали бы с таким начальником у вас?

— Привлекли бы к ответственности за использование подчиненных в корыстных целях. Да у нас и нет таких командиров.

Мужчина задумался:

— Привлекли бы к ответственности? Когда я служил в вермахте, с нами и не такое выделявали. В любой армии солдат остается солдатом. Какие же теперь порядки в армии?

Пашке рассказал о дисциплине в Народной армии, где уважают солдата.

Потом попутчик вспоминал о муштре в гит-

леровском вермахте. Так они беседовали до тех пор, пока поезд не остановился на какой-то станции. Оказалось, обоим надо выходить.

Сошли. Когда проходили через вокзал, мужчина положил руку на плечо Пашке:

— Ну, юноша, не откажешься выпить кружечку пива за здоровье моего внука?

Пашке взглянул на часы:

— Хорошо, дедушка, по кружке выпьем.

За пивом знакомый опять разговорился. Начал рассказывать о минувшей войне, о фронте. Пашке слушал его с интересом.

Вдруг Пашке вскочил. «Опоздал!» — обожгла мозг тревожная мысль. Быстро распрощавшись со своим знакомым, он сломя голову побежал в часть.

С бьющимся сердцем Пашке подошел к часовому, стоявшему у ворот.

— Вашу увольнительную.

— Не важничай, спешу!

— Прошу предъявить увольнительную, — приказал часовой.

Пашке стал искать увольнительную записку. Из проходной тем временем вышел унтер-офицер с повязкой на рукаве:

— Вы рядовой Пашке?

— Так точно.

— Поторопитесь. Командир роты давно ждет вас.

— Соскучился по мне?

— Не забываетесь, товарищ Пашке. Немедленно доложите командиру роты о своем прибытии!

— Слушаюсь!

В коридоре Пашке столкнулся со своим командиром отделения.

— Что вы наделали? — начал унтер-офицер. — Из-за вас вся рота волнуется.

— Подумаешь, большое дело — опоздал немного.

Унтер-офицер возмутился:

— Вы опоздали из городского отпуска на целых два часа. Идите к командиру роты и объясните ему причину вашего опоздания.

— Слушаюсь!

Капитан Фленц стоял за письменным столом, прижав к уху телефонную трубку. Кончив разговаривать, он бросил трубку на рычаг и вышел из-за стола:

— Как это вы умудрились при первом же увольнении в город опоздать? Вы же исполнительный солдат. Перед увольнением — сурприз, после увольнения — тоже. Вы что, в армию пришли только для того, чтобы нарушать воинскую дисциплину? В моей роте я вам этого не позволю. Можете быть уверены.

Капитан Фленц посмотрел на Пашке долгим взглядом, а потом, подойдя ближе, продолжал:

— Ваша мать, наверное, учила вас...

— Вам нет никакого дела до моей матери! Вы ее лучше не трогайте! — не своим голосом выкрикнул Пашке.

Капитан отошел к окну. Через секунду Пашке несколько успокоился.

— Идите, товарищ Пашке, успокойтесь. Мы поговорим с вами позже.

Пашке пожал плечами:

— Мне все равно.

— А мне нет, — строго возразил командир роты. — А сейчас идите.

В комнате Пашке встретили холодные взгляды товарищей.

— Что ты только думаешь, Гейнц? — раздраженно спросил его Клейн.

— Не обязан отчитываться, — перебил его Пашке, глядя в потолок. — Лучше бы узнали, кто рылся в моем шкафу! И оставьте меня в покое!

Он присел на край кровати и стал рассматривать ногти.

Бухов, размахивая руками, подскочил к Гейнцу:

— Тебя надо выгнать из нашего взвода, чтобы ты нас не позорил!

Пашке хитро улыбнулся:

— Лучше смотри, как бы я сам тебя при случае не выгнал...

К Пашке подошел Мюллер:

— Может, тебя успокоить, парень? Молиться на тебя мы не собираемся.

Клейн покачал головой:

— Нужно во всем как следует разобраться.

Мюллер недоуменно пожал плечами и сморщил нос:

— Ну что ж, разбирайтесь. По-моему, и так все ясно.

Клейн повернулся к Пашке:

— Гауптвахты тебе, пожалуй, не избежать.

— Подумаешь, чем испугал, — буркнул Пашке.

Глава пятая

За опоздание из городского отпуска на два часа Пашке получил двое суток ареста. Он прекрасно понимал, что заслужил это. Жаль

только, что арест пришелся на субботу и воскресенье. Вел он себя, конечно, глупо. Но теперь уже ничего не изменить. В роте только и разговоров, что об этом ЧП.

Пашке встал и, заложив руки за спину, начал ходить взад и вперед по камере. Со стороны полкового стадиона, где проходила товарищеская встреча по футболу с командой соседней, советской части, доносились оживленные голоса болельщиков. Пашке поставил табурет к окну и влез на него, но ничего не увидел, кроме узкой полоски голубого неба.

Пашке лег на нары и закрыл глаза. Невольно вспомнил о встрече с друзьями.

Ровно неделю назад в это же самое время он сидел со своими друзьями в «Фольксхаузе». Ему пришлось раскошелиться и угостить их. Гейнц не без удовольствия заметил, что друзья все еще считают его своим боссом. Не ускользнули от него и взгляды девиц.

В воскресенье, прогуливаясь по берегу Шпрее, Гейнц решил заглянуть к мастеру Швенке и узнать, как он живет. Старый мастер оказался дома и встретил его с радостью.

Потом мысли Гейнца спутались, и он задремал.

Рота выехала в лагерь для проведения учений. В небольшом сосновом лесу стояли замаскированные автомашины. Одна из дорог вела к озеру, на берегу которого располагалась походная кухня.

Шел второй день учений. Во время обеденного перерыва Пашке заспорил с Мюллером о мужестве.

— Я не испугаюсь, если танк пройдет над моим окопом.— Мюллер описал при этом ложкой полукруг и опустил ее в котелок.— Даже если он начнет утюжить окоп, я и тогда не струшу.

Пашке недоверчиво пожал плечами:

— Мужество, конечно, не у каждого есть. Здесь, брат, солдатская закалка нужна.

— Ты что же думаешь, если я только два месяца в армии, так у меня и мужества нет?

— Может, и нет.

К ним подошли еще несколько солдат. Бухов, друг Мюллера, растянулся на земле под сосной:

— Мужество сначала проявить нужно.

— Точно,— поддержал его Мюллер.

— Я раз прыгнул в воду с моста через Шпрее. Высота — больше двадцати метров,— сказал Пашке.

Мюллер недоверчиво махнул:

— Кто это видел?

— Если бы была такая возможность, я бы сделал это на твоих глазах.

Мюллер вскочил:

— Если ты такой смелый, спрыгни с этого дерева в речку. На спор.

Все взоры устремились на Пашке.

Мюллер скрестил руки на груди:

— Ну что? Страшно? Тоже мне герой нашелся!

Ефрейтор Клейн вплотную подошел к Пашке:

— Брось ты эту ерунду, Гейнц. Ты же знаешь, что купаться запрещено.

— А я и не собираюсь купаться. Только прыгну в воду.

Вокруг споривших собрался почти весь взвод. Мюллер отыскал высокое дерево, склонившееся над самой водой. Пашке моментально вскарабкался на вершину почти пятиметровой березы. Покачиваясь то в одну, то в другую сторону, Пашке на какое-то мгновение застыл и посмотрел вниз на воду.

— У него сердце в пятки ушло, — съявил Мюллер.

Вдруг Пашке, словно выброшенный катапультой, описал большую дугу и животом плюхнулся в воду. Когда он вынырнул, раздалась одобрителные крики солдат.

Пашке торжествовал. Мюллер стоял у самой воды, понутив голову. Вдруг он начал раздеваться.

— Не хочешь ли и ты искупаться? — раздалась голоса любопытных.

— А почему бы и нет. Подумаешь, тоже мне искусство. — И он полез на березу.

Добравшись до верхушки дерева, замер.

— Не будь трусом! — крикнул ему один из солдат и хлопнул в ладоши. Мюллер хотел было повернуться, но рухнул на землю у самой воды. Его крик нарушил лесную тишину. К нему подбежали перепуганные солдаты. Через несколько секунд Мюллер зашевелился.

— Фельдшера! — крикнул Бухов и бросился прочь.

— Давай-ка уберемся отсюда, пока начальства нет! — предложил кто-то Пашке.

— Трус ты.

Через несколько минут прибежал Бухов с фельдшером.

— Ничего опасного нет, — заявил тот после

осмотра.— Несколько дней в санчасти — и будет бегать.

Мюллера положили на носилки и понесли к санитарной палатке.

Весть о происшедшем быстро разнеслась по всей роте. Пашке с гордым видом ходил по лагерю, считая себя героем.

После обеда его вызвали к командиру роты. Пашке сразу же понял зачем.

— Вы нарушили приказ не купаться без разрешения. Ваше легкомыслие могло привести к несчастному случаю. Я разберусь в этом. Решу, что с вами делать.

Пашке недоуменно пожал плечами.

После разбора учений капитан Фленц принес в роту приказ о переводе пяти солдат роты в другие подразделения. Пашке оказался в их числе. Командир взвода, в котором служил Пашке, облегченно вздохнул.

В течение двух последних недель произошло уже два ЧП в роте капитана Фленца. И в обоих случаях виноватым оказывался Пашке. Капитан еще раз пробежал глазами приказ. Итак, ему представлялась возможность отделаться от этого неугомонного Пашке.

— А правильно ли мы поступаем, отчисляя Пашке из роты? — высказался группарторг. — Только бы избавиться, а воспитывать — пускай другие.

— Не должны же мы откомандировывать лучших солдат, оставляя в роте плохих, — снова заговорил командир взвода.

Фленц переменил тон:

— Пашке не самый плохой солдат. У него хорошие результаты по многим предметам. Он отличный стрелок. Но с дисциплиной у него плохо. Это не секрет.

Группарторг резко покачал головой:

— Я это знаю. Мы не приучили Пашке к дисциплине, а теперь хотим, чтобы это сделали другие. Я считаю, что поступать так мы не имеем права...

— Товарищи офицеры, приказ подписан командиром полка и не подлежит обсуждению,— резко прервал разговор капитан Фленц.

Глава шестая

В начале следующей недели Пашке перевели в другой полк.

Утро в тот день выдалось ненастное. Казалось, вот-вот разразится гроза. Выйдя из здания вокзала, Гейнц не спеша шел по улице. До казармы было далеко.

Часовой, стоявший у ворот, показал ему, как пройти к дежурному по полку. Когда Пашке вошел в комнату дежурного, там был только его помощник, унтер-офицер, который долго и внимательно листал его солдатскую книжку. Через несколько минут пришел сам дежурный. Выслушав рапорт унтер-офицера, дежурный взял документы Пашке и, не спуская с него изучающего взгляда, сказал:

— Пойдемте со мной к командиру полка.

Пашке эти слова прямо-таки ошеломили. Ему еще ни разу не приходилось говорить с командиром полка. Как правило, в полку

у них новичков принимал старшина роты. Здесь же, видимо, были совсем другие порядки. Обер-лейтенант привел Пашке в здание штаба полка и на секунду остановился перед дверью с табличкой «Командир полка». Постучал.

— Войдите! — раздался из-за двери громкий мужской голос.

Дежурный и Пашке вошли в кабинет. Навстречу им из-за стола поднялся плотный подполковник среднего роста.

— Значит, вы прибыли к нам из соседнего полка? Вы давно в армии? — спросил он, дружелюбно осматривая Гейнца.

— Никак нет, товарищ подполковник. Призван в армию два месяца назад, — четко ответил Пашке.

— Мне докладывали, что у вас неплохие отметки по всем дисциплинам. Одного только не могу понять, как могло случиться, что вы попали на гауптвахту?

Гейнец удивился. «И чего спрашивает? Ведь и без того все прекрасно знает». В комнате стало тихо. Подполковник терпеливо ждал ответа.

Наконец Пашке с трудом выдавил из себя:

— Оpozдал из городского отпуска.

— Почему? — спросил командир полка.

Пашке на секунду задумался: «Было бы честнее рассказать все». Подполковник, казалось, не сердился на него.

Он, вероятно, почувствовал, что Пашке явно чего-то недоговаривает. «Интересно, почему он хочет уйти от прямого ответа?» — мелькнула у командира полка мысль. Он бросил

взгляд на дежурного по полку и, обратившись к Пашке, продолжал:

— Уж не хотите ли вы сказать, что после случайного знакомства со стариком у вас пропало всякое желание возвращаться в казарму?

Такой вопрос привел Пашке в замешательство. Но почему ему нужно что-то скрывать? Медленно, с большими паузами он начал подробно рассказывать подполковнику о всех своих мытарствах и неудачах. Иногда тот прерывал его рассказ вопросами.

Когда Пашке кончил, командиру полка все было ясно. Он понимающе кивнул Гейнцу и показал на сидящего перед ним офицера:

— Это товарищ Штётцель, командир роты, в которой вы с сегодняшнего дня будете проходить службу. Полагаю, вы отлично поймете друг друга. Он вас проводит в роту.

Пашке шел за старшим лейтенантом, отстав от него на один шаг. Командир роты был высоким, стройным мужчиной. Военная форма сидела на нем безукоризненно.

Пересекли полковой плац и направились к трем одинаковым зданиям. В одном из них располагалась рота старшего лейтенанта Штётцеля. У Гейнца на душе было тоскливо: как-то встретят его в новом отделении?

— Вы будете служить в первом отделении первого взвода,— сказал Пашке по дороге старший лейтенант.

В канцелярии роты находился младший лейтенант, которого командир роты назвал командиром первого взвода. Это был широкоплечий здоровяк невысокого роста лет двадцати четырех. Старший лейтенант попросил

его обратить особое внимание на дисциплину новичка. Пашке никак не мог понять, почему нужно было сразу же заострять на этом внимание взводного командира.

Младший лейтенант Брандштейн был родом из Магдебурга, где до армии работал на государственном предприятии токарем. Осенью прошлого года он с отличием окончил офицерскую школу. Восемь недель назад прибыл в полк и был назначен командиром первого взвода. У него была масса идей, которые ему не терпелось переложить в головы своих солдат.

Солдатам очень нравился молодой энергичный офицер. Уже через три недели после прихода в полк он организовал хор, который скоро полюбили в полку. А когда в другую часть был переведен секретарь Союза свободной немецкой молодежи, все единодушно избрали Брандштейна секретарем.

Командир взвода повел Пашке из канцелярии роты в подразделение.

— Я думаю, мы поладим,— обратился он к Гейнцу.

Пашке только пожал плечами.

— Я назначил вас в хорошее отделение, самое лучшее во взводе, и считаю, что вы не подведете ребят.

Пашке внимательно посмотрел на темные, слегка вьющиеся волосы офицера.

— Как вам служилось до этого?

Но Пашке не собирался рассказывать командиру взвода о своих переживаниях.

— Почему вы такой скрытный, товарищ

Пашке? Расскажите что-нибудь о себе. Нелзя же все время говорить только о службе.

«А он, кажется, хитрец,— подумал Пашке.— Но меня не так-то легко провести».

— Как-нибудь в другой раз.

— Хорошо,— сказал Брандштейн и поправил китель.— Сейчас я познакомлю вас с отделением.

Они шли по длинному узкому коридору. Остановились перед последней дверью справа. Вошли в комнату, которая поразила Пашке своей безупречной чистотой. Кровати были аккуратно заправлены, а табуретки стояли так, словно их выровняли по линейке.

— Отделение находится сейчас на чистке оружия,— пояснил младший лейтенант, подходя к открытому окну и подзывая к себе жестом Пашке.— Вот ваше отделение, смотрите.

Пашке выглянул во двор. В тени у стены стояли четыре солдата и чистили автоматы. С ними был худощавый унтер-офицер, который наблюдал за чисткой и время от времени давал указания. Неожиданно из-за угла вышел еще один солдат с бросающимися в глаза светлыми волосами.

— А вот это Молнау,— сказал командир взвода, кивнув в сторону беловолосого солдата.

— Ребята, послушайте, у нас новичок! — закричал Молнау издалека.

Унтер-офицер повернулся в его сторону:

— Какой такой новичок?

— Ну вот вам наше радио и новость принесло,— бросил реплику ефрейтор.

Младший лейтенант отошел от окна.

— Вот вы и познакомились со всем отделе-

нием. Ефрейтор в очках — это товарищ Кёлер, он же старший по комнате. Фамилия унтер-офицера — Кёпке. А вон там стоит солдат невысокого роста. Это Волтер. До армии он работал в сельскохозяйственном кооперативе, как и высокий ефрейтор Тидке. И последний — Кох, по профессии чертежник, но разбирается и в сельском хозяйстве. Его родители вот уже два года как уехали из города на работу в деревню.

Солдаты перестали чистить оружие. Молнау подошел к Кёлеру и набросился на него:

— Что значит «наше радио»? Если я тебе говорю, что у нас новичок, то, значит, так оно и есть! Я сам слышал об этом от гауптфельдфебеля.

Тем временем унтер-офицер Кёпке осматривал автомат Коха.

— Где же твой новичок? — спросил он Молнау.

— У командира взвода.

— Откуда тебе это известно?

Молнау облизал языком пересохшие губы:

— Я относил списки к командиру роты. По дороге заскочил к гауптфельдфебелю, чтобы узнать у писаря последние новости...

— Ты, парень, — заворчал на него Волтер, — прыгаешь по казармам, а мы должны чистить твой грязный автомат.

— Дорогой, оставь мой автомат в покое. Он у меня как стеклышко. А моя новость, что называется, из первых уст...

— Знаешь, иногда твои первые уста... — рассмеялся Тидке.

— Завидуешь, потому что ты обо всем всегда узнаешь последним.

— Глупости!

— Ну хватит болтать,— унтер-офицер недовольно махнул рукой. Солдаты склонились над оружием, заканчивая чистку.

Когда отделение вернулось в помещение, Пашке укладывал свои вещи в шкафчик. Командир взвода все еще стоял перед открытым окном.

— Позовите ко мне унтер-офицера Кёпке,— сказал младший лейтенант.

Молнау толкнул Коха.

— Сбегай! — бросил он, считая, что ему в данный момент во что бы то ни стало нужно быть здесь, так как взводный наверняка скажет сейчас что-нибудь о новичке.

— Унтер-офицер Кёпке по вашему приказанию прибыл,— доложил через минуту командир отделения.

— Товарищ Кёпке, в ваше отделение прибыл новый товарищ, рядовой Пашке. Побойтесь о нем. Это ваш новый командир отделения,— обратился он к Пашке.— По специальности он кораблестроитель и может ответить на любой вопрос в этой области. Кстати, товарищ Кёпке, сегодня вечером мы должны закончить писать аттестации.— Затем командир взвода обратился к Кёлеру:— Товарищ ефрейтор, пока не забыл, подумайте над обсуждением книги.

— Все будет в порядке,— ответил Кёлер.

Пашке подумал о том, что ефрейтор, видимо, самый уравновешенный человек в отделении.

— А вот эти два товарища — представители крестьянства,— продолжал командир взвода, показывая на Тидке и Волтера.— Не забудь-

те, что сегодня у нас репетиция хорового кружка. А вы,— обратился он к маленькому Коху,— побеспокойтесь о том, чтобы у всех были ноты солдатских песен.— Брандштейн огляделся, отыскивая кого-то глазами.— А вот наш Молнау, который больше всего на свете любит новости.

При этих словах командира Молнау покраснел как рак.

— А вы, Молнау, сделайте так, чтобы завтра утром в подразделении висел свежий номер стенной газеты.

— Будет сделано!

Едва закрылась дверь за командиром взвода, как Молнау обратился к Пашке:

— Командир взвода сказал далеко не все. Посмотри на нашего Тидке повнимательнее. Он у нас выдающаяся личность. И совсем не потому, что у него длинный нос и блестящие глаза. Он в нашей комнате, так сказать, авангард, потому что...

— Приберегите свои высказывания,— прервал его командир отделения.

— Я только хотел сказать, что наш Тидке член партии,— словно оправдываясь, проговорил Молнау.

— Что ты хотел, это мы и без тебя знаем,— рассмеялся Кёлер.— Ты хотел рассказать, что Кох читает книги, Волтер собирает марки, а я все на свете знаю.

— А что, об этом тоже неплохо сказать при первом знакомстве,— запротестовал Молнау, искоса поглядывая на командира отделения.

Пашке внимательно следил за выражением лица командира отделения. «Он сейчас, наверное, вспылит».

— Да, это тоже неплохо сделать. Но думаю, что было бы лучше, если бы каждый из нас представился лично,— спокойно ответил, к удивлению Пашке, унтер-офицер.

В комнате сразу стало шумно. Со всех сторон на Гейнца посыпались всевозможные вопросы.

— Откуда ты? — первым спросил Молнау.

Пашке небрежно поставил ногу на табурет, руки засунул в карманы:

— Не из приемной командира дивизии. Ну уж если ты так интересуешься, так и быть скажу: из соседнего полка.

— Ты что, там не ко двору пришелся? — спросил Тидке, которому не понравился тон Гейнца.

Пашке вытащил сигарету и сунул ее в рот.

— У нас в комнате не курят,— строго предупредил Кёлер.

— Ну что ж, не курят так не курят. Я ведь не знал, что попал в монастырь.

Молнау не успокаивался. Вопрос Тидке, на который не ответил Пашке, интересовал его, и он спросил:

— Почему вас перевели к нам?

Пашке усмехнулся:

— А ты, я вижу, любопытный.— И, немного помолчав, добавил: — Знаешь, служить долго в одном подразделении скучно. Тогда-то, мой друг, командир роты и сказал мне: «Будь добр, посмотри-ка ты, что делается вокруг». Вот я и оказался у вас.

Волтер, который что-то искал в вещевом мешке, оторвался на миг и недовольно заметил:

— А такой тон у нас не в моде.

— Сколько времени вы в армии? — поинтересовался унтер-офицер.

Гейнц вытянулся по стойке «смирно» и нарочито серьезно отрапортовал:

— Два месяца и восемь, извините, девять дней, товарищ унтер-офицер!

— Тогда вам уже пора иметь представление об армейской жизни!

— Так точно, товарищ унтер-офицер.

— Хорошо. Товарищи помогут вам прижиться у нас,— строго заметил Кёпке, подходя вплотную к Пашке.— Перед нами вам не стоит разыгрывать из себя артиста.

Пашке недоуменно пожал плечами.

Вернувшись с ужина, он заметил в казарме перемену. Кох стоял у стола. Перед ним лежал лист бумаги, испещренный множеством линий и цифр. Напротив него сидел Волтер, которому он растолковывал:

— Собственно говоря, мост можно построить и из готовых блоков.

— Что?! — удивился Волтер.

— Постройка моста из сборных железобетонных частей значительно сократит сроки строительства.

Волтер с удивлением смотрел на Коха.

— Что это ты придумал? — перебил он его.

Тидке подошел к столу и заглянул Коху через плечо:

— А что, это вполне возможно. Саперы тоже строят деревянные мосты из заранее заготовленных деталей.

Кох кивнул:

— Возьмем живой пример. У нас полгода строили мост через шоссе, а если бы этот мост собирали из готовых деталей, то для этого

потребовалось бы всего лишь несколько дней.

— Ну, ну, не очень увлекайтесь,— засмеялся Молнау.

Волтер бросил на него серьезный взгляд и снова обратился к Коху:

— И ты мог бы сконструировать такой мост? У нас, в соседней деревне, должны строить новый мост.

— Я уже делаю это, но мне необходимо знать точные размеры, после чего все расчеты следует передать заводу, на котором будут изготавливаться готовые детали моста.

— Ах вот как!

Молнау всплеснул руками:

— А я-то думал, что все это одна фантазия.

— Что одна фантазия? — раздался голос Брандштейна, только что вошедшего в казарму.

Разговор стал оживленным. Пашке схватил фуражку. «Пусть ломают голову», — решил он и вышел из комнаты. Его разозлило то, что из-за этой идеи Коха все о нем забыли. Он вышел во двор и, постояв несколько минут перед казармой, пошел к парку боевых машин. Перед одним из гаражей стоял танк, возле которого возились солдаты с измазанными маслом лицами. Тут же был офицер. Остановившись перед дежурным по парку, который стоял у шлагбаума и не пускал в парк посторонних, Пашке спросил:

— Это они что, работают сверхурочно?

— А почему бы и нет. Какой экипаж не хочет, чтобы у него было все в порядке! — ответил дежурный.

— Но сейчас, в свободное время?..

— Что такое свободное время?! А если сегодня ночью будет тревога? Что тогда? Из-за какой-то мелочи боевая машина не сможет выйти из парка.— Дежурный сделал несколько шагов к Пашке.— Сам командир роты помогает им.

Пашке понимающе кивнул. «В этом полку все по-особому. И если я буду им мешать, мне придется не сладко». Он остановился перед фотовитриной «Наши отличники». Уж в их-то число он наверняка никогда не попадет. Да ему это и не нужно. Важно, чтобы он смотрел здесь в оба, а то сотворят с ним и здесь какую-нибудь шутку, а потом капитан вроде Фленца спишет его куда-нибудь. Но новый командир роты, кажется, совсем не такой человек.

Когда Пашке проходил мимо казармы, из открытого окна неслись звуки губной гармошки. Он остановился и стал слушать. Это была мелодия народной песни, которую он слышал раньше. Медленно пошел дальше. Неожиданно заметил фигуру командира полка. Встретиться с ним сейчас у Пашке не было ни малейшего желания. Он повернулся кругом и пошел прочь.

Здание казармы расплылось в сумерках уходящего дня. В казарму он вернулся незадолго до вечерней поверки.

— Ты, человек,— встретил его Молнау,— а мы тебя тут искали.— И присел на край койки Пашке.— Ты что, приключений ищешь?

— Оставь его в покое,— перебил Тидке.

— Не вмешивайся, когда разговаривают взрослые,— шуткой ответил Молнау Тидке.— Чем занимался?

— Ничем,— коротко бросил Пашке, чтобы отвязаться от назойливого собеседника.

Кох тихо свистнул.

Пашке внимательно посмотрел на Кёлера, который сидел за столом, подперев руками подбородок, и изучающим взглядом рассматривал его через свои роговые очки.

— Не будем-ка водить друг друга за нос, парень. Так-то оно лучше будет,— проговорил Кёлер, подмигнув Гейнцу.— А теперь потопрапливайтесь, а то опоздаем на поверку.

Пашке нервничал. Этот Кёлер, кажется, разглядел его за несколько часов.

Глава седьмая

На следующее утро Пашке проснулся за несколько минут до подъема, но поднимался с прохладцей. Когда товарищи по отделению выскочили на физзарядку, он стоял у окна и смотрел на солнце. Потом не спеша спустился по лестнице. Отделение уже стояло в строю и ожидало его. Не спрашивая разрешения, он встал в строй.

Унтер-офицер Кёпке посмотрел на часы:

— Ефрейтор Кёлер, разве это дисциплина?

— Я не привык к такому темпу, товарищ унтер-офицер,— ответил вместо ефрейтора Пашке.

На лице Кёпке не дрогнул ни один мускул:

— Рядовой Пашке, запомните раз и навсегда: у нас отвечает тот, кого спрашивают. В данный момент я обращаюсь к ефрейтору Кёлеру.

Пашке, улыбнувшись, кивнул и посмотрел на стоявшее в строю отделение.

Но ни один из солдат не удостоил его взглядом. Здесь царили порядки, постичь которые он был не в силах. В отделении, в котором он служил до этого, подобный случай сошел бы ему с рук.

— Завтра утром вы будете подниматься совсем в другом темпе,— заметил ему после зарядки Кёлер,— в противном случае...

— В противном случае тебе придется познакомиться с холодным душем,— вмешался в разговор Волтер.— В нашем отделении всегда должен быть порядок, понял?

— Не нужно горячиться, малыш,— заметил Пашке и хлопнул Волтера по плечу.— В нашей армии всякие такие штучки запрещены. Тебе бы нужно об этом знать.

Ответ Гейнца возмутил Тидке, и тот не вытерпел:

— Но это правило касается только тех, кто добросовестно выполняет свой долг.

Пашке покачал головой:

— Ерунда!

После завтрака рота направилась на занятия в пешем строю. Солдаты, привыкшие к тому, что обычно на местность выезжали на машинах, были далеко не в восторге.

Командир роты, который шел вместе со всеми, как бы между прочим заметил, что в бою не всегда будет их ждать бронетранспортер.

Бег по пересеченной местности пришелся Пашке явно не по вкусу. Он начал разглаговльствовать о том, что это не механизированная часть, а самая что ни на есть матушка-пехота. А еще называется современная

часть! Машины стоят в парке, а солдаты должны топтать ножками.

— Сверхсовременным солдатам тоже не мешает познакомиться с настоящей солдатской жизнью,— с насмешкой заметил Волтер.

— Разговоры в строю! — раздался голос Командира взвода.

Пехотная колонна роты свернула на центральную улицу. Шаг солдат стал тверже, плечи расправились, головы приподнялись.

— Запевай песню! — раздался голос командира роты.

И почти в ту же минуту другой голос выкрикнул:

— Бригадную!

В небо взметнулась мелодия песни, и, словно по команде, на улице одно за другим стали распахиваться окна домов. Детишки, игравшие на улице, оставили свои игры и побежали вслед за ротой. Продавщица из магазина радостно помахала кому-то рукой.

Место, предназначенное для занятий, было похоже на пустыню: голая местность, пересеченная невысокими холмами. Справа от места, где остановилась рота, виднелись окопы, отрытые специально для занятий. Ходы сообщения в некоторых местах были перекрыты большими бетонными плитами.

У младшего лейтенанта Брандштейна было хорошее настроение. Очень скоро оно передалось солдатам взвода.

— Ну что же, приступим к занятиям,— начал командир взвода.— Сегодня мы отрабатываем тему «Взвод в наступательном бою». Тема вам всем знакома. Сначала отрабатываем занятие по частям, а потом уже в целом.

Брандштейн подошел к брустверу окопа и начал объяснять:

— Сейчас мы с вами отработаем прием выскакивания из окопа для атаки. Момент очень важный и должен выполняться энергично.

Командир взвода взял у одного из солдат автомат и ловко спрыгнул на дно окопа.

Пашке внимательно следил за каждым движением командира.

— Солдат должен внимательно наблюдать за впереди лежащей местностью и видеть все, что делает противник.— С этими словами командир положил автомат на бруствер окопа, оперся левой ногой о тыльную стенку и, распрямившись как пружина, красиво и ловко выпрыгнул из окопа, подхватив автомат правой рукой. Затем он сделал несколько шагов бегом по направлению к окопам «противника».

Пашке вспомнил слова Молнау, который с гордостью заявил, что их командир никогда не требует того, чего не может сделать сам.

Вернувшись к взводу, Брандштейн приказал:

— Командирам отделений развести отделения по своим местам и приступить к отработке этого элемента!

Все по команде спрыгнули в окоп. Пашке хорошо видел впереди лежащую местность. А вот низкорослому Молнау приходилось вставать на носки и по-смешному вытягивать шею. Унтер-офицер Кёпке подал команду «Приготовиться к атаке!».

Из окопа Пашке выскочил стрелой, но, заметив, что Молнау никак не может вылезти, спрыгнул на дно окопа и помог товарищу.

На первый раз Кёпке остался недоволен отделением: ему не нравился темп. Пришлось все повторить сначала.

Пашке самодовольно усмехнулся. С каждым разом он все быстрее выскакивал из окопа. Лучше сделать это удавалось только ловкому Тидке.

Затем отрабатывалась сама атака. Солнце поднималось все выше и выше, посылая на землю свои горячие лучи. Земля раскалилась. Нужно было подниматься, бежать, падать камнем на горячий песок, снова вскакивать. И так без конца. Пыль липла к мокрому от пота телу, лезла в нос, рот, затрудняя дыхание. Но унтер-офицер Кёпке, казалось, ничего этого не замечал.

Пашке вытер со лба пот и подполз к Молнау, который залег за бугорком. Вдруг раздался голос Брандштейна:

— Газы!

«Этого только и не хватало»,— мелькнуло у Пашке. Он быстро перевернулся на бок и полез за противогазом...

Когда объявили долгожданный перерыв, все с облегчением вздохнули. Некоторые побрели к редким кустам, чтобы отдохнуть в тени. Остальные или сидели или разлеглись, собравшись небольшими группками. Пашке, Молнау, Кёлер и Волтер уселись под одинокой сосной.

— Я слышал, что раньше Кёпке не был таким строгим,— начал Пашке.

Молнау осмотрелся и заметил:

— Он недавно закончил курсы унтер-офицеров.

— Тогда понятно,— медленно растягивая слова, проговорил Пашке.— Курсы, видать, подковали его что надо.

— А почему тебя это беспокоит? — перебил Гейнца Кёлер, лежавший на спине.— Уж если кого действительно следует подковать, так это тебя. А Кёпке ты лучше оставь в покое, он и без тебя хорошо знает, что и как ему делать.

— Вон ты как заговорил,— оборвал его Пашке.— Интересно, почему ты так за него стоишь? Выслуживаешься?

— Не болтай,— оборвал Пашке Волтер.

— Это скорее тебе подойдет. Вот послужишь с ним годик, может, и из тебя человек получится. Откровенно говоря, если ты и дальше так будешь себя вести, то за год из твоей головы, пожалуй, вся чепуха и не вылетит,— отчитал его Кёлер.

— Замолчи! — закричал Пашке, покраснев от злости. Он хотел сказать что-то очень грубое, чтобы обидеть Кёлера, но в этот момент чья-то рука легла на плечо Гейнца. Знакомый голос унтер-офицера спросил:

— Ну, высказались?

Пашке повернул голову и увидел Кёпке.

— Я, я...

— Я все слышал. Собственно говоря, Кёлер...

— Я хотел сказать совсем другое.

Кёпке усмехнулся:

— У нас еще будет время поговорить.

Пашке сжал зубы. «И как это я не заметил унтер-офицера?» — с досадой подумал он. Первые сутки, которые он провел в новом от-

делении, оказались для него явно неудачными. Но виноват в этом был только он сам.

Во время последнего часа занятий он почти не слушал командира и думал о том, кого бы ему перетащить на свою сторону. Уж одного-двух он должен «завоевать». Взять хотя бы этого Молнау. Он, пожалуй, не откажется встать на его сторону.

После обеда Пашке сел на кровать и от нечего делать стал слушать Волтера, который ругал поваров.

— Эти сапожники картошку и ту сварить как следует не умеют,— разошелся он.— Сапожники, а не повара. Так варить картошку, которая известна у нас с середины семнадцатого столетия!

— А может быть, это такая картошка,— заметил Кох, оторвавшись от книги.

— Картошку можно готовить по-разному. А что получается у них?

— Может быть, ты прочитаешь поварам лекцию? — съязвил Тидке.

В комнату вошел Кёлер, держа в руках несколько писем и пакет. Письма он роздал, а пакет положил перед Волтером. Один Пашке ничего не получил. Видимо, о нем все забыли. А как ему в этот момент хотелось почувствовать, что и у него есть близкий друг, который не забыл о нем.

В комнате стало тихо.

Пашке молча встал и, мельком оглядев углубившихся в чтение товарищей, вышел из комнаты.

В субботу Пашке получил увольнение в городской отпуск, к которому готовился уже несколько дней. В отделении, казалось, никто не старался сблизиться с ним. Нужно было самому завоевывать доверие товарищей.

После ужина Гейнц побежал в спортивный городок, где должен был встретиться с двумя приятелями. Ему было досадно, что из всего отделения обещал прийти только Молнау. Вот если бы завязать дружбу с Волтером или Кохом! Ефрейтор Лом, с которым он познакомился в столовой, тоже мог ему пригодиться.

Гейнц с нетерпением поглядывал на часы. Где же могли застрять ребята? Молнау уже был почти готов, когда он выходил из казармы. Не может быть, чтобы Кёлер в последнюю минуту отговорил его.

Первым появился Лом. Фуражка лихо сдвинута вправо. Слева выбиваются кудри.

— Ну как, пошли?

— Подожди. Молнау должен вот-вот подойти.

— Небось опять выуживает новости, — фыркнул Лом.

Время шло, а Молнау все не появлялся. Пашке начал расхаживать взад и вперед. Потом неожиданно остановился перед Ломом и спросил:

— У тебя есть знакомая девушка?

— Нет, — нетвердо ответил Лом. — Была одна, да... — он безнадежно махнул рукой. — Как-то я пригласил ее погулять, а она дала мне отходную. С такими, как я, она, видите ли, не знается.

— Ничего была, красивая?

Лом сморщился:

— Красивой ее назвать нельзя, но стройная такая, и личико ничего, симпатичное.

— Значит, говоришь, дала она тебе от ворот поворот.

— Ну как тебе сказать,— уклончиво начал Лом, делая вид, что внимательно рассматривает кроваво-красное солнце, садившееся за деревья.

Пашке посмотрел в ту же сторону:

— Значит, не понравился ты ей.

— Мне такие не очень-то нравятся.

— Погулять с такой можно, а...— Пашке не договорил и посмотрел на Лома, по виду которого можно было понять, что девушка, о которой он говорил, была ему, видимо, не безразлична.— Ты, Лом, покажи мне ее как-нибудь при случае.

— Пожалуйста. А вот и твой Молнау.

— А я вам сейчас что-то интересное расскажу. Если бы не это, пришел бы раньше,— выпалил он скороговоркой.

— Ну, а теперь пошли,— прервал его Лом.

Все трое направились к проходной. Через несколько минут они уже смешались с толпой, заполнившей центральную улицу. Оба стали наперебой рассказывать Пашке, какие в городе имеются заведения, где можно спокойно посидеть и послушать современный джаз.

Дойдя до рыночной площади, друзья в нерешительности остановились. Лом кивнул в сторону освещенной террасы, скрытой в густой листве каштанов. «Парк-кафе».

— А там, пожалуй, уютно,— заметил Молнау.

— Но, наверно, дорого? — поинтересовался Пашке.

Лом смерил Гейнца пренебрежительным взглядом:

— Хочешь отметить свой перевод к нам и тут же в кусты.

— Денег у меня сейчас немного. Прошлый раз поистратился с друзьями.

— Ну так что, идем сюда,— настаивал Лом,— или потащимся в какое-нибудь другое место?

— Можем и здесь посидеть,— решился наконец Пашке.

Все трое вошли в кафе. Свободных мест было много. На помосте играл небольшой оркестр, но еще никто не танцевал.

«Нет,— подумал про себя Гейнец,— больше меня сюда не затащишь. Где попроще — гораздо лучше, по крайней мере, чувствуешь себя свободнее. Ну а уж сегодня, куда ни шло, посидим здесь».

Друзья уселись за столик в углу, откуда было видно все кафе. Лом начал присматриваться к двум девушкам, которые сидели в противоположном углу. Через несколько минут он уже пригласил их к своему столику. Пашке тем временем заказал три кружки пива и два стаканчика вина. Часы пробили восемь. На пятачке для танцев появились первые пары танцующих. Пашке и Лом не пропускали ни одного танца. Когда все снова сели за стол, Пашке осторожно положил руку на плечо девушке.

— А вы, я вижу, довольно дерзкий,— обрвала его девушка.

— Нет, что вы, просто шалунишка,— ответил Пашке.

Время летело незаметно. Шел десятый час.

— Повторить то же самое еще раз,— попросил Пашке официанта.

Молнау решительно отказался.

— Не будь лягушкой! — уговаривал его Лом.

Девушки захихикали.

Молнау ничего не оставалось, как закрыть глаза и проглотить вино. Лицо его исказила гримаса. Все громко рассмеялись.

— Что ты морщишься? — спросил Пашке.

Молнау ничего не ответил и посмотрел на часы.

— Нам уже пора в казарму,— робко заметил он. Язык плохо повиновался ему. Он начал искать свою фуражку.

— Не порть нам настроение,— обратился к нему Лом, силой усаживая его на стул.— В казарму мы всегда успеем.

— Вот это настоящий разговор,— поддержал Лома Пашке.

— Вы что, ребята, с ума сошли? — спросил Молнау и поднялся.

— Садись,— приказал ему Лом,— пойдем все вместе...

— Разумеется,— поддакнул Пашке.— Сейчас выпьем на прощание по одной и пойдем.

Время шло, а друзья и не собирались уходить. Молнау стал волноваться еще сильнее.

— За год службы в армии я еще ни разу не опоздал на поверку.— Он решительно встал, распрощался с девушками и позвал Пашке: — Ну, вставай и пошли!

За столом воцарилось молчание. Лом с

любопытством уставился на Пашке, который спокойно допил свое пиво, поставил кружку и засунул руки в карманы:

— Ты чего, собственно говоря, хочешь от меня?

— Нужно немедленно идти, если мы не хотим опоздать на вечернюю поверку.

— Ты мной не командуй. Когда захочу, тогда и пойду,— огрызнулся Пашке.

Девушки с любопытством наблюдали за перепалкой ребят.

Лом склонился над столом:

— Вот это отповедь!

— А ты сиди и помалкивай. Мы из одного отделения.— Молнау подошел к Пашке и потребовал: — Вставай, пошли!

— Эх ты, парень, парень, а я и не знал, что ты такой! Я думал, ты настоящий товарищ, а ты...

Молнау покраснел и ударил кулаком по столу:

— Я такой дружбы не признаю! Дисциплина есть дисциплина!

— Не ори! И так все обращают на нас внимание! — прошипел Лом, прикладывая к губам указательный палец.

Пашке вытянул ноги и вызывающе посмотрел на Молнау:

— Ну, а если я с тобой не пойду?

Молнау недоуменно пожал плечами:

— Тогда я пойду один, но прежде позвоню дежурному по полку, чтобы ты знал, мой дорогой...— Он повернулся и пошел к телефонной будке.

— Такой пойдет на все,— сказал Пашке, обращаясь к девушкам.— Ничего не поде-

лаешь.— И пошел к выходу, махнув Лому, который нехотя последовал за ним.

Выйдя на опустевшую улицу, Пашке принялся ругать Молнау, который бежал почти бегом в нескольких шагах от него.

Под ближайшим фонарем Лом остановился:

— Молнау, что все это значит?

— Я бы тоже хотел знать,— пробормотал Пашке, прислонясь к забору.

— Что-нибудь случилось? — переспросил Молнау.

— Да. Чего это ты вдруг впал в истерику?

— Я не хочу, чтобы...

— Ты, парень,— оборвал его Лом,— слушай, что я тебе скажу. До двенадцати у ворот стоит мой друг, он пропустит нас.

— А товарищи в отделении, о них ты забыл?

— Оставь ты своих товарищей в покое. Они мне до чертиков надоели. Пай-мальчики с высокими идеями в голове.

Друзья свернули в узкий переулок, чтобы сократить путь.

В часть они явились за несколько минут до вечерней поверки.

Глава восьмая

Всю ночь лил дождь. Воздух стал свежее. От песчаной почвы в районе занятий поднимался густой пар. Пашке чувствовал себя разбитым. Он прислонился спиной к борту бронетранспортера.

Бронетранспортеры шли в колонне по краю

учебного поля. Командир взвода дал сигнал флажком — и бронетранспортеры быстро развернулись влево, продолжая двигаться в направлении холма.

— Внимание! Сейчас будет дана команда «Слезай». — Унтер-офицер Кёпке кивнул Волтеру. — Вы — первый.

Команда действительно не заставила себя ждать. Солдаты один за другим спрыгивали с боевой машины и тут же разворачивались в цепь. Пашке спрыгнул последним с идущего медленным ходом бронетранспортера. Он сильно ослаб, но отставать было нельзя.

— Не мечтай! — крикнул ему Кёлер.

Пашке посмотрел на него и в тот же момент спрыгнул на землю.

Когда все отделение взвода достигло вершины холма, командир взвода сделал небольшой перерыв. Командир отделения подошел к Пашке:

— Вы сегодня какой-то вареный. Что с вами?

— Почему вы так думаете?

— Потому что моя бабушка и та живее поворачивается.

— Увольнение в город не пошло ему впрок, — заметил Тидке.

Пашке пожал плечами и, отойдя в сторону, лег под кустом. «Интересно, как себя чувствует Молнау?» — подумал Гейнц и начал искать друга глазами.

Невеселые мысли Пашке прервал подошедший к нему Кох:

— Ты что, вчера перебрал, что ли?

К Пашке подошли Тидке и Волтер. Гейнц молча разглядывал петлицы на тужурке Коха.

Потом перевел взгляд на его шею, выдающийся вперед подбородок и, наконец, взглянул в насмешливые глаза.

Запыхавшись, примчался Молнау, который уже бегал куда-то за новостями. Он сел на землю рядом с Пашке.

— Ну что, выкладывай! — потребовал Тидке.

— Новость-то какая! Вы даже не поверите, — начал Молнау после небольшой паузы.

— Ты что, не ел сегодня, что ли? — пошутил Волтер.

Молнау рассек воздух сорванной веткой:

— К нам назначен новый командир роты!

И тотчас же все стали забрасывать Молнау вопросами. Однако тот не смог удовлетворить любопытства товарищей, ибо знал только, что у них будет новый командир роты, поскольку старший лейтенант Штётцель направлен на курсы.

После перерыва отделение получило задачу действовать за обороняющихся. Пашке с облегчением вздохнул. Отделение расположилось в окопе, проходящем по вершине холма, который они только что атаковали. Командир отделения показал каждому солдату место. Подойдя к Пашке, он спросил:

— Ну, как прошло увольнение?

Пашке пожал плечами, не отрывая взгляда от проезжавших мимо бронетранспортеров.

— Ненадолго заглянул в «Парк-кафе», — пробормотал он.

Кёпке на секунду приподнял каску, и из-под нее выбилась упрямая прядь черных волос.

— Знаю.

— А если знаете, зачем спрашиваете?

— Лучше самому узнать, чем слышать от кого-то.

— Я, кажется, не провинился?

— К счастью, нет, но до этого оставался всего один шаг.

— Один не лучше другого!

— Что вы хотите этим сказать?

— Что? А то, что Молнау ябеда!

Кёпке покачал головой и положил руку на плечо Пашке:

— Нет, Молнау просто хороший товарищ и диоциплинированный солдат.

На противоположном конце учебного поля разворачивались бронетранспортеры. Пашке внимательно следил за ними. «Молнау — хороший товарищ! Командир отделения хоть группарторг, ему по штату положено обо всем докладывать начальству. Стоит солдату сделать что-то не так, как тут же летят со всех сторон советы», — подумал он про себя, а вслух сказал:

— Ничего особенного не случилось.

— Ничего и не должно было случиться, товарищ Пашке. Но отделения касается все.

— Вы мне лучше не говорите об отделении, — пробормотал Пашке.

Кёпке рассмеялся:

— А знаете, от кого я узнал, что вы были в «Парк-кафе»?

Пашке насторожился.

— От унтер-офицера из артиллерийской батареи, который вчера тоже был там. Молнау же не сказал ни слова.

Гейнц сдвинул каску на затылок и с досады закусил губу. Что он мог сказать унтер-офицеру?

Кёпке тем временем показал на приближавшиеся бронетранспортеры.

Наступавшие уже спрыгнули на землю. Тут, то там слышались холостые выстрелы и раздавались взрывы взрывпакетов. «Значит, я был не прав по отношению к Молнау», — подумал Гейнц, следя за солдатами, которые атаковали холм.

До самого обеда Пашке не находил себе места. В кафе он злился на Молнау, но зато они не опоздали на вечернюю поверку. А что было бы, если бы он послушался Лома?

После обеда Пашке оказался рядом с Молнау.

— Ты его уже видел? — спросил Гейнца Молнау, ткнув большим пальцем в сторону канцелярии роты.

— Куда торопиться, еще увижу, — проворчал Пашке. — Мне как-то все равно, кто будет командовать ротой.

Они спускались по лестнице. Пашке искоса посмотрел на друга. «А ведь я перед ним, пожалуй, виноват, — мелькнула у него мысль, — надо было бы дать ему понять это. Но Молнау еще, чего доброго, вообразит себя победителем и начнет хвастаться перед товарищами».

— Куда вы? — крикнул им Кох, на ходу застегивая куртку.

— В военторг, а ты?

— Я тоже. Пить жуть как хочется!

Пашке облегченно вздохнул. Сейчас Кох заговорит о чем-нибудь, и тогда ему не нужно будет признаваться Молнау в своей неправоте.

Глава девятая

Как-то вечером начался оживленный разговор.

Даже невозмутимый Волтер отложил в сторону учебник и, обращаясь к Молнау, спросил:

— Значит, завтра новый командир будет принимать роту? Не так ли?

Все засмеялись. Тидке закрыл свою книгу, в которой он обычно хранил письма, и встал:

— Мне лично жаль, что товарищ Штётцель уходит от нас.

— Новая метла всегда лучше метет,— заметил Кёлер.

В дверях появились Брандштейн и Кёпке.

Кёлер вскочил, крикнул «Смирно!» и доложил. Брандштейн махнул рукой. Опершись правой рукой о стол, он левой теребил пуговицы кителя. Сегодня он выглядел бледнее обычного, отчего его и без того узкое лицо казалось еще уже. Кёпке, как всегда, был невозмутим. Без всякого вступления Брандштейн начал излагать цель своего прихода в подразделение:

— Послезавтра представители нашего полка выезжают на партийную конференцию активистов. Члены партийной группы и Союза свободной немецкой молодежи решили преподнести конференции свой скромный подарок, не считая наших достижений. А каково ваше мнение, товарищи?

В комнате стало тихо. Брандштейн первым нарушил молчание:

— Так как же? Я думаю, вы смело могли бы взять на себя обязательство бороться за

звание лучшего взвода. Для этого у вас есть все возможности. Ну так как?

— Мне кажется,— начал Кёлер,— наше отделение должно взять на себя обязательство добиться лучших показателей на предстоящем учении.— И, обращаясь к Тидке, спросил:— А вы как думаете?

— За мной дело не станет.

Брандштейн довольно кивнул:

— Другие отделения взяли на себя подобные же обязательства. Кроме этого, они решили отработать сто часов на стройке, чтобы сделать наше расположение более красивым.

— На это согласны и мы, не так ли?— спросил Кох, вынимая бумагу и карандаш.— Будем записывать обязательства?

Но унтер-офицер Кёпке остановил его:

— Прежде чем брать обязательства, хорошенько все обдумайте. Показать хорошие результаты на учении и отработать сто часов на стройке — это не самое трудное. Гораздо труднее до осени завоевать звание лучшего взвода...

Брандштейн украдкой посмотрел на часы.

— Я считаю, что мы можем взять на себя такие обязательства. Ведь уже сейчас наш взвод на хорошем счету,— заметил Молнау.

— Это, конечно, верно,— поддержал его Кёпке.— Но мы не можем успокаиваться на достигнутом. Мы должны учиться еще лучше. В лучшем взводе каждый солдат должен быть образцом для других.

Пашке закусил губу. Он сразу же почувствовал, что эти слова относились главным образом к нему. Лом как-то уже говорил ему, что в полку между подразделениями идет

борьба за звание лучшего взвода и роты. А это требовало от солдат немалых усилий, причем усилия всех солдат должны слиться воедино. Гейнц задумался. Ведь это значит подчинить свою волю воле отделения, взвода.

Пашке вздрогнул, когда у самого его уха раздался голос Брандштейна:

— А как думаете вы, товарищ Пашке? Добьемся мы таких результатов или нет?

Пашке старался не смотреть на офицера. «Значит, все сейчас хотят услышать мое слово, чтобы потом при случае можно было упрекнуть меня. Что ответить?»

— Я буду стараться,— тихо произнес он, скорее для себя, чем для других.

— Ну это не ответ,— возмутился Волтер.

— А чем он плох?— возразил ему Пашке.— С тобой-то я всегда могу соревноваться во всем. Да и на стройке окажусь не хуже тебя.

— А с другими? — допытывался Кёлер.— Разве ты не хочешь, чтобы наш взвод был лучшим?

— Чего ты от меня хочешь?— бросил Пашке.

— Ну зачем так раздраженно? — вмешался в разговор Тидке.— Кёлер в данном случае абсолютно прав: это потребует от всех нас определенных усилий. Разумеется, в подразделении должен быть образцовый внутренний порядок и безукоризненная дисциплина.

Пашке скорчил недовольную гримасу:

— А я разве против? Если отделение возьмет на себя обязательства, я... пожалуйста.

— Каждый должен все хорошенько обдумать,— сказал Кёпке, улыбаясь.

— Значит, у всех одно и то же мнение,— перебил его Брандштейн.

— Тогда пусть Кох запишет наши обязательства,— предложил Волтер.— Мы ведь тоже не последние.

Все согласились с этим предложением.

Брандштейн направился к выходу, но Тидке остановил его:

— Товарищ младший лейтенант, сегодня будет репетиция хора? А то новая песня...

— Ах да, только у меня сегодня срочное дело,— ответил командир взвода и снова посмотрел на часы.— Хора сегодня не будет, так как новый командир роты требует обстоятельного доклада.— И он быстро направился к двери.

Тидке понимающе кивнул.

— А разве без него вы не можете репетировать? — поинтересовался Кёпке.

— Вряд ли что получится без хормейстера.

Пашке в душе злился на себя. «Все живут общими интересами, у каждого есть любимое занятие. Вот, например, Кёлер. Прекрасно разбирается в настраиваниях ребят. Любит спорт, поет в хоре, интересуется вопросами обогащения бурых углей, хотя после демобилизации собирается посвятить себя радиотехнике».

У Пашке имелись причины быть недовольным собой. «Каждый что-то делает, и лишь я один не знаю, за что бы взяться. Может, именно поэтому меня никто и не принимает всерьез? Вот если бы у меня был хороший друг! — Гейнц поднял голову и посмотрел на Молнау. — А что, если еще раз попытаться сдружиться с ним? Парень он не плохой, да

и тогда вечером... Словом, хорошо, что он утащил меня из кафе».

— Хочешь записаться в технический кружок? — предложил вдруг Гейнцу Тидке.

— Попробую. Попытка — не пытка.

Глава десятая

В комнате для занятий в то утро царила какая-то особая атмосфера. Новый командир с самого подъема находился в роте, хотя старший лейтенант Штётцель еще не сдал ему подразделение. Во время зарядки капитан обошел все помещения роты и заглянул в комнату политпросветработы, словно сразу хотел быть в курсе всех дел. Гауптфельдфебель наблюдал за каждым движением нового командира, думая о том, что, по-видимому, капитан не так уж и строг, как кажется на первый взгляд. А может, он и действительно строгий?

Новый командир роты, казалось, пытался дать понять, что никакого снисхождения даже за малейшее отступление от уставного порядка не будет.

Капитан сидел за письменным столом и читал бумаги. Вдруг он обратился к гауптфельдфебелю:

— Здесь написано «четыре стула», а я вижу только три.

— Четвертый стул в ремонте, товарищ капитан!

Ротный взял в руки новый документ:

— Что это такое? Здесь написано «потери». Какие потери?

— Один солдат потерял фляжку. Новую мы еще не получили...

— Такого не должно быть. Что значит не получили? Как же солдат может без фляжки?

Капитан встал и заходил по канцелярии. Он уже десять лет носил военную форму. Начал вахмистром в народной полиции, потом учился в офицерском училище, командовал взводом и наконец его перевели в армию, дали роту. Его подчиненные в любой момент могли сказать про него, что он настоящий командир.

Капитан еще раз прошелся по комнате. Вокруг рта залегли упрямые складки. Не прошло и полугода с тех пор, как случился памятный для него казус. Во время учений его рота остановилась на ночевку в одной деревушке. Вечером к нему пришли два солдата, родители которых жили в соседнем селе, и попросили отпустить их на несколько часов в родное село. Он разрешил солдатам пойти домой, а через час в полку была объявлена тревога. Двух солдат у него не оказалось. И как назло, один из них был водителем бронетранспортера, а другой радистом. Это была ужасная ночь. Солдаты вернулись в роту вовремя, но командир батальона сделал капитану замечание за все ошибки, которые были допущены им несколько недель, даже несколько месяцев назад. А виной тому был этот нелепый случай!

Капитан подошел к окну и посмотрел на плац, где его новая рота строилась к утреннему осмотру. Лица солдат он видел словно через дымку, мысленно еще раз переживая ту тревожную ночь. Тогда он пообещал себе никогда, ни при каких обстоятельствах не отсту-

пать от уставных требований. Вот почему с первого же дня службы в новой роте капитан решил снискать себе славу строгого командира.

— Товарищ капитан, командир батальона!— услышал он из-за двери голос дежурного по роте.

Капитан выпрямился и быстрыми шагами вышел в коридор.

Плац был окутан утренней дымкой. Рота застыла в строю. Солдаты чувствовали себя необычно: новый командир принимал роту.

Старший лейтенант Штётцель подал команду «Смирно». Пашке не верил своим глазам: рядом с командиром батальона шел капитан Фленц, командир роты, в которой раньше служил Пашке. Он даже закрыл глаза. Нет, он не ошибся, это в самом деле капитан Фленц, тот самый Фленц, который испортил ему первое увольнение в городской отпуск, а потом добился, чтобы его, Пашке, перевели сюда. Пашке не слышал, что говорили командир батальона и старший лейтенант Штётцель. Он впился глазами в капитана, в его высокую фигуру.

Командиры взводов вышли вперед. Фленц всем им пожал руку, внимательно вглядываясь в их лица, словно хотел угадать, что они о нем думают. Через несколько минут командир батальона ушел. Фленц одернул китель, разрешил командирам взводов встать в строй и вместе со старшим лейтенантом Штётцелем стал обходить строй роты. Подошли к правому флангу. Штётцель каждому солдату

сказал теплое слово, каждому пожал руку, но вся торжественность пропала, когда новый командир роты тут же начал делать замечания солдатам за то, что они плохо стоят или не четко выговаривают свои фамилии.

Наконец капитан Фленц дошел до Пашке. Подавшись всем корпусом вперед, он спросил:

— Ваша фамилия, товарищ солдат?

— Рядовой Пашке, товарищ капитан!

— Так, значит, вот где вы приземлились?

По лицу Гейнца пробежала пренебрежительная усмешка. Вопрос капитана взбесил его, но он сдержался.

— Ну что ж, в таком случае мне не нужно будет еще раз знакомиться с вами. Вы, наверное, и здесь уже успели себя показать?

У Пашке задрожали губы. Но он ничего не ответил.

— Ну что ж, прекрасно, мы знаем, чего можем ждать друг от друга.

— Так точно, товарищ капитан,— ответил Пашке. Он долго не мог прийти в себя от этой неожиданной встречи и даже не слышал команды «Разойдись».

Первым к Пашке подлетел Молнау:

— Что случилось? Ты его знаешь?

— Да.

— Откуда? По старому полку?

— Да.

Фленц появлялся то в одном, то в другом отделении и повсюду делал разносы. Войдя в комнату, где располагалось отделение, в котором служил Пашке, капитан упрекнул Кёлера за то, что вещевые мешки не привязаны к из-

головью кроватей, как того требовала инструкция, а лежали на табуретах.

Старший по комнате доложил:

— Товарищ капитан, так нам приказал командир роты. На случай тревоги это удобнее.

Фленц глубоко вздохнул:

— Хороший же у вас порядок. Отныне все будет так, как написано в уставе.

Солдаты молча переглянулись. Все, что требовал от них новый командир роты, было правильно. Но солдаты знали и то, что не все в жизни можно предусмотреть уставами, а при тревоге важна каждая секунда.

Тидке попытался было объяснить капитану, что это не так уж плохо, но Фленц не дал ему договорить, заявив, что все будет строго по уставам и приказам, которые он никому не позволит нарушать.

— Но ведь речь идет о том, как лучше выполнить приказ,— продолжал Тидке.

Фленц покраснел как рак.

— Товарищ ефрейтор, если вы еще раз вступите со мной в пререкания, я вас накажу. Рота— запомните это раз и навсегда —не клуб для дискуссий!

— Извините, товарищ капитан, но я член партии и тоже отвечаю за боеспособность отделения.

— Я командир роты и требую, чтобы вещевой мешок находился там, где ему положено быть!

Фленц резко повернулся и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

— Вот это да! — воскликнул Молнау, выходя на середину и возводя руки к небу.—

Теперь, господа, ясно, откуда дует резкий ветер!

— Перестань дурачиться!— оборвал его Кёлер.

— Значит, это твой старый ротный?— спросил Волтер Пашке.

— Он самый. Во всем блеске.

— Ну что ж, у тебя есть хороший друг.

В душе Пашке радовался тому, что Фленц предстал перед ротой в таком свете. Теперь даже пай-мальчики будут смотреть на командира роты другими глазами.

Во время обеденного перерыва Пашке столкнулся с командиром роты.

— А я и не думал, что мне посчастливится встретиться с вами,— заметил Фленц.

— Я тоже,— откровенно признался Пашке.

— Однако это не помешает мне наказать вас при малейшем нарушении дисциплины. Вы меня, кажется, знаете!

— Так точно!— отчеканил Пашке, провожая взглядом фигуру капитана.

Вечером в клубе демонстрировался итальянский фильм. Пашке сел на последний ряд и время от времени делал иронические замечания по поводу любовных сцен. В зале зашикали. После окончания сеанса солдаты из других отделений набросились на Пашке.

Больше всех возмущался Кёлер. Что касалось отношения Пашке к женщинам, то тут мнения товарищей разделились. Молнау и Кох считали, что нет ничего плохого в том, что человек отметит хорошую фигурку у актрисы или современную обстановку в квартире.

— Но отпускать такие шуточки,— отчитывал Кёлер Пашке,— не к лицу солдату.

— Но ведь они смеялись, когда Пашке отпускал остроты,— заметил Молнау.

— Ну а зачем же так вести себя! — возмутился Волтер.

— Уж ты бы лучше помолчал. У вас в селе до сих пор верят в Деда Мороза и ведьм.

Тидке долго молчал, но тут не выдержал:

— Наше село стало совсем другим.

— Точно,— поддакнул Волтер.— В селе люди учатся так же, как и в городе. Раньше мой отец был батраком. Он не мог учиться. А посмотрел бы ты теперь, что стало в нашем Буххольце, не говорил бы глупости.— Волтер улыбнулся.— В следующем году, когда я демобилизуюсь и вернусь домой, кооператив пошлет меня учиться. Это уж точно. Хочу стать агрономом.

— Я ничего не имею против твоей деревни. Мы же говорили о женщинах,— стал оправдываться Пашке.

К нему на кровать подсел Тидке:

— Говорить можно обо всем, но нужно знать, как и где.— Он наклонился к Пашке и прошептал ему на ухо:— Не стоило тебе устраивать эту ярмарку.

Пашке промолчал и вышел из комнаты. В коридоре остановился. «Странно,— думал он.— Если бы меня начал ругать Брандштейн или Кёпке, это понятно. Но ребята? Ну ладно Тидке. Тот хоть член партии. А другие? Кёлер, Волтер, ведь они такие же солдаты, как и я».

На лестницу вышел Молнау и прервал раздумья Гейнца:

— Чего ты тут стоишь?

— Так, ничего. Скажи, что вы против меня имеете?

— Как это так? — вытарашил Молнау глаза. — Как ты додумался до этого? — И хлопнул Гейнца по плечу. — Ты что, спятил?

— Брось шутить, я тебя серьезно спрашиваю.

— А я тебе серьезно отвечаю, — рассмеялся Молнау. — Честно говоря, мы ничего против тебя не имеем, только...

— Что «только»?

— Тидке уже сказал тебе. Не стоило дурить.

В дверях появился Кёлер:

— Что вы здесь делаете? Быстрее в постель!

— Идем, идем, — ответил Молнау и пошел в комнату.

Глава одиннадцатая

Как-то в начале августа выдалось серое, хмурое утро. Тучи затянули небо сплошной свинцовой пеленой. Все предвещало дождь. Но младший лейтенант Брандштейн ничего не замечал: у него было прескверное настроение.

Еще ни разу молодой офицер не шел с таким настроением в полк. На сердце было беспокойно. Он медленно шагал по дорожке, сшибая носком сапога камушки. С приходом капитана Фленца в роту Брандштейн начал сомневаться в собственных способностях и в правильности своего метода воспитания солдат. Фленц требовал не допускать никаких рассуждений и быть строгим в любом случае.

Младший лейтенант недовольно покачал головой. На заводе, где он работал до армии, и в офицерском училище ему внушали, что самое главное — убедить людей. В противном случае никогда не удастся объединить столь разных по характерам людей в единое целое.

Лейтенант погрузился в свои мысли и даже не заметил, как ему отдал честь идущий навстречу унтер-офицер. «Нужно взять себя в руки, а то так и опуститься можно», — решил он про себя. Проходя мимо часового, взглянул в сторону парка боевых машин. У головного бронетранспортера стоял капитан Фленц, рядом с ним, безвольно опустив руки, — механик-водитель.

«Повсюду сует свой нос, вмешивается в дела командира взвода и командиров отделений, — подумал Брандштейн. — Вот старший лейтенант Штётцель совсем другой человек. Он не глушит инициативу. А Фленц? Этот старается вникнуть во всякую мелочь сам, ибо никому не доверяет. Правда, иногда это помогает вскрыть и устранить некоторые неполадки».

Около казармы Брандштейн столкнулся с командиром второго взвода лейтенантом Рамином. Брандштейн недолюбливал лейтенанта: с ним нельзя было откровенно поговорить без того, чтобы завтра об этом не стало известно начальству.

— А твой подопечный снова начудил, — начал Рамин.

— Что такое? — строго спросил Брандштейн.

— Ты и теперь еще считаешь своего Пашке образцом?

— Почему ты говоришь о Пашке? Имеешь в виду тот случай в кино?

— О, это уже старо! — воскликнул лейтенант. — Я вижу, ты не знаешь, чем занимаются твои люди. — Рамин закрыл глаза и заложил большой палец правой руки за пуговицу френча. — Так, значит, ничего не слышал?

— Нет, — ответил Брандштейн, — у меня нет таких осведомителей, как...

— Меня это удивляет. Командир взвода, секретарь Союза молодежи, руководитель хорового кружка, иначе говоря един бог в трех лицах, должен был бы чаще беседовать со своими подчиненными.

— Я иногда беседую не только с солдатами, но и с офицерами. Сегодня утром, например, еще до начала занятий я разговаривал с командиром взвода лейтенантом Рамином. Он член партии и член Союза молодежи. Я считаю, что он вполне серьезный человек. — Брандштейн выговорил это быстро и не без иронии.

Рамин почувствовал, что зашел слишком далеко, и попытался смягчить разговор.

— Сегодня ночью Пашке опять безобразничал.

Краска залила лицо Брандштейна. Рамин сделал внушительную паузу и продолжал:

— Отделение унтер-офицера Гроса до двенадцати часов ночи было отпущено в городской отпуск. Когда товарищи вернулись из увольнения и легли спать, кто-то крикнул: «Подъем, тревога!» Отделение вскочило и стало быстро одеваться. Оказалось, что никакой тревоги не было.

— И ты считаешь, что этим «кто-то» был Пашке?

— Разумеется.— Рамин скривил губы.— Оказалось, что он поспорил с одним солдатом.

— Я разберусь в этом,— бросил Брандштейн, не глядя на Рамина.

— Об этом позаботится командир роты. Я уже доложил ему. И если Пашке за эту историю не попадет на несколько дней на гауптвахту, я...

Брандштейн пристально посмотрел на лейтенанта. Мысленно он спрашивал себя, почему так сильно изменился Рамин после ухода из роты Штётцеля. Если Рамин хочет стать лучшим командиром взвода, то он должен доказать это своей работой. Вместо этого он выискивает недостатки в работе других офицеров и указывает на них ротному командиру. А не хочет ли этим самым Рамин скрыть собственную беспомощность?

-- Гауптвахта? По этой части ты специалист...— заметил Брандштейн.

— Добрые увещевания не всегда помогают,— прервал его Рамин, потирая рукой подбородок.— На практике все выглядит иначе. И если ты этого не поймешь, твой Пашке сядет тебе на голову.

Брандштейн знал, что воспитание подчиненных было слабым местом Рамина. Поэтому он спросил:

— А как ты понимаешь социалистическую сознательность? Надеюсь, ты не будешь отрицать, что мы должны помогать подчиненным думать, анализировать, чтобы они служили сознавая свой долг? Разумеется, добиться

этого гораздо труднее, чем наказать подчиненного или посадить его на гауптвахту!

Лейтенант посмотрел на часы:

— У меня нет времени толковать здесь о теории. Меня зовет практика,— бросил он и ушел.

Брандштейн с досадой посмотрел ему вслед и облегченно вздохнул. Рамин принадлежал к числу тех командиров, которые заботились только о том, чтобы оружие солдата всегда было в порядке и готово к действию, но ближе познакомиться со своими подчиненными и поговорить с ними по душам они забывали. «Самое опасное,— думал Брандштейн,— что Фленц никак не хочет понять меня, а ведь как было бы хорошо помогать друг другу».

Первое отделение готовилось к наряду. Только Пашке был еще без френча, когда в комнату вошел командир взвода.

— Ну, что нового? — спросил Брандштейн, вопросительно глядя на Пашке.

— Вы меня спрашиваете, товарищ младший лейтенант?

— Да. Есть у вас что-нибудь новое?

Пашке облизал сухие губы. В растерянности он засунул руки в карманы, но тут же вынул их.

— Вы имеете в виду шутку с пятым отделением? — спросил Пашке, доверчиво улыбаясь.

— Это вы называете шуткой? — медленно и тихо проговорил Брандштейн.

— Они меня подзадоривали. Говорили, что я не решусь сыграть с ними шутку. Эрлер даже поспорил со мной, а унтер-офицер Грос

был нашим судьей,— начал объяснять Пашке, доверчиво глядя офицеру в глаза.— Когда они сегодня вечером вернулись из похода, я еще не спал и поднял всех их, крикнув: «Тревога!» Прошлый раз во время тревоги они не уложились вовремя...

— Но как могла вам прийти в голову такая мысль? Ведь вы же нарушили воинскую дисциплину!

— Я как-то не подумал об этом...

— Надо думать. Представьте себе, что сегодня ночью будет объявлена настоящая тревога, а отделение будет продолжать лежать в постели, думая, что и на этот раз это всего лишь шутка.

Пашке не знал, что ответить.

— Товарищ младший лейтенант, время строиться,— предупредил Кёлер командира.

Брандштейн чувствовал, что отделение одобряло выходку Пашке. Это озадачило командира, и он решил обсудить этот случай на общем собрании взвода. Брандштейн решил посоветоваться с капитаном Фленцем. «Нужно будет показать товарищам, как неуместны и опасны подобные шутки».

После дежурства Фленц вызвал к себе командира взвода. Брандштейн расстроился: как раз вечером он хотел обсудить поведение Пашке в первом взводе.

— Вы все занимаетесь разговорами и угрозами, а что у вас творится во взводе! — встретил его Фленц.

Брандштейн хотел было возразить командиру роты, но промолчал. После паузы он спросил Фленца:

— Не сможете ли вы присутствовать на

беседе в первом отделении? Мы хотим обсудить поступок Пашке.

Капитан забарабанил пальцами по столу:

— Для меня этот случай ясен. Налицо грубое нарушение дисциплины, которое должно быть пресечено.

— Вам все ясно? — поддержал командира роты Рамин.

— Нет, не все, — твердо сказал Брандштейн. — Мне кажется, что в отделении не совсем правильно смотрят на этот поступок. Тут одним наказанием ничего не достигнешь.

Командир роты побледнел. Глаза его загорелись недобрым огнем. «Если я не поставлю этого Брандштейна на место, покоя не будет», — мелькнуло у него в голове.

— Уж не хотите ли вы прочитать мне лекцию о ваших методах воспитания? Вам уже давно пора понять, что вы находитесь в боевой части, а не в офицерском училище, — капитан склонился к столу и зло посмотрел на Брандштейна. — К слову сказать, было бы неплохо, если бы вы критически взглянули на свою работу секретаря Союза молодежи.

— Да, в работе организации за последнее время много неполадок... — начал Рамин.

— Ты ведь тоже член Союза и к тому же член партии, а что ты сделал? — покраснев, спросил Брандштейн Рамина.

— Все верно, но ведь секретарь ты?

— Довольно, — остановил офицеров Фленц. — Да, у меня есть для вас задание, — продолжал он, обращаясь к Брандштейну. — Пионеры средней школы номер два просят, чтобы мы взяли над ними шефство. Командир батальо-

на возложил эту задачу на нашу роту. Вот вы и займетесь этим вопросом.

— Я?! — удивился Брандштейн.

— Да, вы. Лучшей кандидатуры в роте не найти. Вы, можно сказать, только что со школьной скамьи. У вас еще овежо в памяти то, что другие уже забыли. К тому же вопросы воспитания — ваша любимая область.

— Но ведь у меня уже есть две общественные нагрузки: я секретарь Союза молодежи и веду кружок. Когда же мне заниматься подчиненными?

— С ними ты и так целый день вместе, — заметил Рамин.

— Неужели нельзя поручить это кому-нибудь другому. Ну хотя бы унтер-офицеру?..

— Уж не хотите ли вы сказать, что не справитесь с этой задачей? Вы ведь как-то заявили, что покажете старым служакам, как нужно служить. Вам и карты в руки.

— А если я все-таки откажусь? — спросил Брандштейн.

Капитан встал и принялся ходить по комнате.

— Вот видите, вы сами разбиваете собственную теорию о внушении. А стоило бы мне приказать вам, как все было бы в порядке.

— Если это ваш приказ, я не собираюсь его обсуждать, — ответил Брандштейн, поднимаясь со стула.

Выйдя в коридор, младший лейтенант остановился. Потом стал медленно спускаться по лестнице. Он невольно вспомнил, как два месяца назад поднимался по этой самой лестнице в первый раз. Два месяца. А сколько событий произошло за это время! Брандштейн

присел на скамейку, закурил, но, затянувшись несколько раз, бросил сигарету в урну.

Глава двенадцатая

От солдат отделения не ускользнуло, что командир стал каким-то замкнутым. Вот уже девять месяцев, как Кёпке — командир отделения. Коммунисты взвода избрали его своим группарторгом. Кёпке решил добиться, чтобы отделение стало лучшим в роте. Однако завоевать первое место было не так-то просто. А тут еще выходка Пашке!

Как-то Кёпке позвал к себе Тидке и Кёлера. В последнее время он часто думал о Пашке, который своей недисциплинированностью тянул назад все отделение.

— Чем так озабочены? — спросил Тидке унтер-офицера.

— Почему ты так думаешь?

— Я же вижу.

— В последнее время все у меня идет не так, как надо, — пожаловался Кёпке.

— Что, опять Пашке? — посочувствовал Кёлер.

— Если бы только Пашке, — признался командир отделения.

Кёлер поднял голову и заговорил:

— Мне кажется, что новый командир роты пересаливает. Командир взвода старается всю, но... Раньше он часто бывал с нами, репетировал с хором, а теперь? Скажу откровенно, сегодня товарищ младший лейтенант был даже плохо подготовлен к занятиям. Раньше с ним этого ни разу не случалось. Солдаты говорят, что он набрал себе столько

нагрузок, чтобы показать себя перед начальством.

— Сначала он занимался только с хором. Потом мы выбрали его секретарем Союза молодежи. А теперь ротный поручил ему шефство над школой.

— Ну а ты, группарторг, что скажешь? Пытался ты убедить ротного? — спросил Тидке, сверля глазами Кёпке.

— Когда я узнал об этом, было уже поздно. А капитан на эту тему и говорить не хочет, — начал оправдываться унтер-офицер.

— Хорошенькое дело! — не унимался Кёлер. — Я беспартийный и то нашел бы, что ему сказать.

— Мне кажется, что Фленц не очень-то считается с мнением коммунистов, — заметил Тидке, расхаживая взад и вперед по комнате. Вдруг он остановился: — Но я больше не намерен терпеть. На следующем же партийном собрании так выступлю, что кое-кому худо станет.

— Сегодня я пытался поговорить с ротным о нашем командире взвода. — Кёпке встал. — И знаешь, что он мне сказал? Чтобы я не совал свой нос в дела, которыми должен заниматься он, командир роты. За свой приказ он готов нести ответственность в любую минуту.

Кёлер поправил очки:

— До беседы я должен успеть сходить в столовую. — И пошел к двери, но остановился и, повернувшись, добавил: — Видите ли, товарищ унтер-офицер, если бы у меня в кармане была кандидатская карточка, я бы задумался над тем, как в роте идут дела. Ну я пошел.

Тидке закурил:

— Да, парень тоже волнуется.

— Плохо, что товарищи молчат. Мне кажется, что между командиром и коммунистами роты выросла каменная стена.

— Ничего удивительного в этом нет. На днях во время чистки оружия ротный подошел ко мне и спросил, где командир отделения. Я объяснил ему, что ты на совещании. А он мне на это ответил, что по уставу командиру отделения положено лично присутствовать на чистке оружия. Что я мог ответить ему?

Кёпке нахмурился:

— Капитан Фленц так беспокоится об уставных положениях, что забывает, что у него в роте живые люди. Завтра же пойду к секретарю партбюро.

— И правильно сделаешь,— поддержал его Тидке.

— На следующей неделе будет совещание группарторгов,— пояснил Кёпке.— Ну а теперь пошли.

В комнате политпросветработы собрались члены Союза молодежи. Собрание должно было вот-вот начаться.

Минут через десять в комнату вошел младший лейтенант Брандштейн. Он сделал небольшое вступление.

Кёпке поглядывал то на секретаря, то на Пашке, который облокотился на стол и ничего не выражающим взглядом смотрел перед собой.

Брандштейн говорил о дисциплине и о стоящих перед молодежью задачах. Когда он назвал фамилию Пашке в числе нарушителей

воинской дисциплины, по лицу Гейнца пробежала ироническая улыбка. Изредка доносился шепот, но Пашке, казалось, ничего не замечал. Он следил за мошкой, которая кружилась вокруг лампы.

Когда Брандштейн закончил свое выступление, в комнате на несколько секунд воцарилась тишина, а затем начали раздаваться возмущенные голоса товарищей. И каждый раз, когда называли фамилию Пашке, Гейнец бросал на говорившего мимолетный взгляд и с безразличным видом продолжал следить за порхавшей мошкой.

— Так как же, товарищ Пашке, неужели все то, что говорили о вас товарищи, несколько не трогает вас и вы ничего не хотите сказать нам? — спросил Кёпке, обращаясь к Гейнцу.

— Видите ли, товарищ унтер-офицер, уж раз вы так хотите, я могу сказать несколько слов. Я не нахожу ничего особенного в том, что пятое отделение, проиграв пари, несколько минут подышало свежим воздухом, — объяснил Пашке.

— Как ты разговариваешь! — оборвал его ефрейтор из второго отделения.

— За свой проступок я уже наказан командиром роты!

В комнате зашумели. Брандштейн постучал карандашом по столу, призывая товарищей к порядку.

— Доносчик ваш Пашке, вот кто он такой! — выкрикнул с места солдат из соседнего отделения. — Ему давно пора сидеть на гауптвахте.

— Не болтай,— прервал его Молнау.— На тауптвахту его и без тебя есть кому посадить, а вот...

— Товарищи, мы с вами собрались здесь совсем не для того, чтобы обсуждать приказ командира,— решительным тоном заявил Брандштейн, вставая с места.

Солдаты с удивлением посмотрели на офицера. Молнау поднял руку и попросил слова:

— Но, товарищ младший лейтенант, какая польза от того, что мы будем молчать?

Командир взвода посмотрел на группарт-орга, словно ища у него поддержки.

Кёпке понимающе кивнул:

— Товарищи, мы всем коллективом должны помочь товарищу Пашке исправиться.— Он сделал небольшую паузу и продолжил:— В истории с тревогой виноват не только Пашке, но и товарищи из пятого отделения, которые, можно сказать, толкнули его на это. Некоторые солдаты из первого отделения до сих пор расценивают выходку Пашке как шутку. Вот об этом-то мы и должны поговорить.

С места поднялся Волтер:

— Я тоже хочу сказать несколько слов о проступке Пашке. Вы знаете, что я тоже не был ангелом, когда пришел в роту. Я тоже, чего греха таить, нарушал дисциплину, пока в один прекрасный день товарищи не взяли за меня, а один из них, если не ошибаюсь, кажется, Кёлер, предложил написать письмо моим родителям. И мой командир сказал мне, что, если я не исправлюсь, такое письмо будет написано и отправлено. Это заставило меня задуматься над своим поведением.

Здоровенный солдат из второго отделения крикнул:

— Правильно! Давайте напишем письмо матери Пашке!

— Нет! — воскликнул Гейнц, вскочив с места.

Младший лейтенант Брандштейн почувствовал, что настало время разрядить обстановку и, переглянувшись с Кёпке, встал:

— Товарищи, я вам сейчас объясню, почему мы не написали письма матери Пашке! Дело в том, что...

— Нет, я сам объясню, — перебил офицера Пашке. Голос его дрожал, а на глаза набежали слезы. Медленно, часто останавливаясь, он рассказал, когда и как погибла его мать и в каких условиях он рос.

Тидке сидел опустив голову. Он думал о том, что еще очень плохо знает своих товарищей.

А Молнау готов был сквозь землю провалиться. Он, который всегда и все узнает первым, не знал ничего этого. Только теперь он понял, почему Пашке никогда не получал писем.

Неожиданно Пашке замолчал, не решаясь говорить дальше. Но, посмотрев на командира взвода, прочел на его лице одобрение. И он рассказал все, не утаив от товарищей ни одной мелочи.

— Все, что ты нам рассказал, понятно. Теперь скажи, как думаешь вести себя дальше? — спросил Кёлер.

— Ты же неплохой стрелок, подумай... — подбадривал Гейнца Молнау.

Пашке с благодарностью взглянул на Мол-

нау, потом растерянно оглядел лица собравшихся и тихо сказал:

— Больше такого не повторится.

После собрания Волтер подошел к Пашке:

— Извини меня, Гейнц, я и не подозревал, что...

В этот момент к ним подошел Молнау. Положив руку Гейнцу на плечо, он сказал:

— Я тоже перед тобой виноват...

— Чего это вы вдруг такими виноватыми стали? — удивился Пашке.

— Потому что мы плохо знали друг друга, — сказал подошедший Тидке.

На душе у Пашке стало спокойно.

Глава тринадцатая

В одно из сентябрьских воскресений Гейнц вышел во двор казармы. На небе ни облачка. Солнце еще сильно припекало, и только пожелтевшая листва деревьев напоминала о том, что уже настала осень.

Взвод вместе с младшим лейтенантом Брандштейном отправлялся на экскурсию на военный завод, с которым полк уже давно поддерживал дружеские связи. Гейнц тоже пошел.

Завод находился за городом. Солдаты свернули с дороги и пошли через луг, чтобы сократить путь. На этом заводе Пашке еще ни разу не был. В этот день решили немного поработать на заводе под наблюдением опытных мастеров. О предстоящей работе Пашке не думал. Он всё еще никак не мог забыть собрания. Последние годы он часто вспоминал мать.

Взвод поднялся на вершину холма, с которого открывался вид на территорию завода. Высоко в небо тянулась заводская труба, но сегодня она не дымила.

В проходной солдат встретил мастер, который приветствовал их как старых знакомых и тут же начал распределять по группам: отдельно слесарей, токарей, механиков и тех, кто не имел ни малейшего представления об обработке металла.

В главном цехе мастер коротко объяснил задание:

— Наша бригада выполняет специальный заказ. Заказ срочный. На экспорт. Ну, вы у нас не первый раз и знаете, кто за кем закреплен.

— А как с инструментом? — спросил Пашке.

— Инструмент вы найдете на складе. Наша кладовщица выдаст вам все необходимое. К тому же с ней и поболтать можно.

Молнау, который и раньше бывал здесь, воскликнул:

— Чтобы я еще раз связался с вашей кладовщицей!

— А что такое? — полюбопытствовал Пашке.

— О, ядовитая женщина с рыжими волосами.

Цех наполнился шумом станков. Брандштейн работал за револьверным станком. Пашке вместе с Қохом клепал траверсы у резервуара. Склепав первый траверс, он критически осмотрел свою работу.

— Ерунда! — заметил он с досадой. — Заклепки слишком коротки, и потому получается черт знает что. Придется принести другие заклепки.

— Подожди, я сейчас схожу,— предложил Кох.

— Нет, нет, я сам,— заявил Гейнц. Когда он подошел к складу, дверь была закрыта. Пашке постучал.

Из-за двери раздался женский голос:

— У кого это там горит?

Прошло несколько секунд—и окошечко, вырезанное у двери, распахнулось. В нем оказалась женская головка в красном платке:

— Ну, что случилось?

— Добрый день,— произнес Пашке, с любопытством рассматривая девушку.

— Здравствуйте. Вы только за этим и пришли сюда?

— Нет, не только,— ответил Гейнц, кладя на барьерчик несколько заклепок.— Они слишком коротки и не годятся.

— Ага, понятно,— заметила девушка и отошла к полке, где что-то долго разглядывала.

Пашке смотрел на нее так, словно перед ним была какая-то диковинка. Несколько необычным был подбородок девушки, который выдавался вперед, придавая всему лицу серьезный и решительный вид. Губы слегка припухшие. Над правой бровью еле заметный шрам.

— Вот вам новые заклепки. Эти на три миллиметра длиннее.

— Спасибо.

— Еще что-нибудь?

— Собственно говоря, ничего, но...

— Тогда отправляйтесь работать, а то так и смена кончится,— и она с шумом захлопнула окошко.

Пашке вздохнул и снова постучал в дверь.

— Благодарю вас! — крикнул он, но ответа не последовало. «Пожалуй, Молнау прав. Это не девчонка, а рыжий черт», — подумал он и пошел в цех.

— Ну как, получил? — усмехнулся Кох, кивая головой в сторону склада.

— Да, дивчина — огонь!

Оба принялись за работу. Подошел мастер и, внимательно осмотрев траверсы, похвалил Пашке: «Толковая работа!»

Через несколько минут после ухода мастера в цех появилась девушка со склада. Плавнo покачивая бедрами, она прошла мимо солдат. Неожиданно остановилась, потом подошла к Тидке, который работал на шлифовальном станке:

— Вы что, товарищ, не знаете, что такое защитные очки?

Пашке толкнул Коха локтем.

— Как командир! — заметил он и наклонился над резервуаром, чтобы получше рассмотреть девушку. Какие у нее были глаза!

Тидке быстро надел защитные очки, и девушка пошла дальше.

— Вы всегда такая строгая? — крикнул ей Пашке.

Остановившись, она обернулась.

— Сегодня я даже добрая. Здесь так много кавалеров, — усмехнулась она, играя своими большими черными глазами. — К тому же вы рядом.

Не успел Пашке ответить, как девушка скрылась.

«Интересная девушка, вот только на язык уж больна остра, но его, наверное, можно и поприщемить», — невольно подумал он.

После перерыва он снова пошел на склад якобы попросить напильник.

— Не слишком ли часто вы отрываетесь от работы? — насмешливо спросила девушка Пашке, который уже получил напильник, но все еще не отходил от окошка.

Пашке протиснул голову в окошко, чтобы девушка не смогла захлопнуть его перед самым носом, как она это сделала первый раз.

— Что значит отрываться от работы? Мастер и так сказал, что, если дело и дальше пойдет в таком темпе, мы дадим двести процентов.

— Болтунишка! — засмеялась девушка и погрозила Пашке пальцем.

— Нисколько. Я совершенно серьезно. И один вопрос к вам. Правда, вы сегодня такая добрая?

— А зачем вам это нужно знать? — Девушка сделала шаг вперед.

Их взгляды встретились. У нее были бездонные темные глаза, которые даже не шли к ее волосам.

— А нельзя ли вас пригласить сегодня на танцы? — тихо спросил Гейнц.

— Вы всегда такой напористый?

Пашке не знал, что ответить.

— Я еще не обманул ни одной девушки, — наконец вымолвил он.

Она звонко рассмеялась и подошла к окошку:

— Это говорят все мужчины!

— Приходите, я вас очень прошу, — прошептал Пашке, дотрагиваясь до ее руки.

Девушка отдернула руку и строго сказала:

— Вы эти штучки бросьте. — В глазах ее

загорелись задорные огоньки.— Сегоднѣя не могу. Может, в другой раз...

— Точно?

— Возможно, если вы не грубиян? — согласилась она, лукаво глядя Гейнцу в лицо.

Пашке не зналъ, радоваться такому ответу или нет. Во всяком случае, она не отказалась. Он поблагодарил девушку. Перед дверью, которая вела в цех, он остановился и задумался: «Что, собственно, необычного в этой девушке?» Но ответить себе не смог.

На обратном пути в казарму Пашке перебирал в памяти события прошедшего дня. Приятно было поработать, а тут еще встреча с Еттой — так, оказывается, звали девушку!

Рядом с Гейнцем шагала Молнау, насвистывая веселую песенку. Пашке стало тихо подпевать ему.

Глава четырнадцатая

В казарме стояла тишина. Дневальный пороте поглядел на часы и снова углубился в конспект.

Дежурный только что обошел всю роту. До подъема оставался почти целый час. Вдруг зазвонил телефон. Говорил дежурный по полку: «Тревога!» Положив трубку, дежурный быстро опустил штору светомаскировки и, открыв дверь в казарму, громко крикнул:

— Рота, подъем! Тревога!

Света не зажигали. Солдаты одевались в темноте, разбирали оружие из пирамиды. Водители бронетранспортеров бежали к своим машинам.

Унтер-офицер Кёпке уже оделся и торопил солдат своего отделения. Пашке это понравилось. «Подумать только, как метеор, оделся и уже распоряжается! Вот это да!»

— Быстро, быстро! — торопил Кёпке. — Другие отделения уже строятся, а вы все еще копаетесь!

— Строиться!

Солдаты разобрали оружие и бегом бросились на плац, на место построения взвода.

Не прошло и несколько минут, как командиры взводов доложили командиру роты о том, что их подразделения готовы к маршу. В парке боевых машин уже гудели моторы бронетранспортеров. Еще несколько минут — и колонна машин стояла на дороге.

— По машинам!

Подразделения полка в строго установленном порядке выезжали из военного городка. Восток окрасила утренняя заря. Бронетранспортеры повернули в сторону товарной станции. Солдаты вопросительно поглядывали на командиров.

— Будем грузиться в вагоны! — приказал младший лейтенант Брандштейн.

Кёпке тяжело вздохнул: «Значит, совещание группарторгов опять придется проводить в полевых условиях. Нужно будет поговорить с капитаном Фленцем».

Погрузка бронетранспортеров прошла быстро и хорошо. Машины заезжали на платформы с хвоста состава и сразу же наглухо закреплялись клиньями и проволочными оттяжками.

В нормы погрузки уложились все. Первым

закончил погрузку взвод Брандштейна. Капитан Фленц видел это, но ничего не сказал.

После получения приказа младший лейтенант вернулся во взвод. Вид у него был какой-то обиженный.

Брандштейн направился к вагону, где собирались члены партгруппы. Надо было поговорить о дисциплине при перевозке эшелона.

Стояла середина сентября, но было жарко, как летом. Дождя не было уже несколько недель подряд. Трава пожелтела и покрылась толстым слоем пыли. Пашке стоял, прислонившись к борту бронетранспортера, и думал: хорошо, если бы пошел дождь. Хотя на учениях и в дождь тоже приятного мало. Эшелон стоял на запасных путях. Пашке поглядел на часы, висевшие над платформой. Начало седьмого.

По соседним путям с фырканием прошел паровоз. Двое железнодорожных полицейских медленно прохаживались вдоль длинного состава, груженного каменным углем, и разговаривали друг с другом. В конце эшелона еще шла погрузка танков.

Вдруг Пашке пришла мысль сбегать в здание вокзала и купить там сигарет.

Но вот беда, по соседнему пути медленно шел пассажирский поезд. Наконец состав дернулся, лязгнув буферами, и остановился. В открытых окнах вагонов появились лица любопытных пассажиров. Некоторые приветливо махали солдатам.

Неожиданно Пашке вздрогнул. Неужели это Етта? Гейнц помахал девушке рукой, но

она не заметила его. А может, не хотела узнавать? Не долго думая, Пашке выскочил из вагона и побежал к составу.

— Вы уезжаете? — закричал Пашке изда-лека.

Девушка выглянула в окно. Ее темные глаза стали серьезными:

— Это вы?! Бегать по путям воспрещается!

— В данном случае нет!

— Смелый парень! — засмеялась Етта.

— Не будьте такой официальной, — попро-сил Пашке, разглядывая чуть вздернутый носик девушки. Етта покраснела и, чтобы скрыть свою растерянность, откинула голову назад.

— Наш эшелон сейчас отправляется! — донесся до Пашке голос Молнау.

— Это вы из-за меня бежали по путям? — спросила с любопытством девушка.

— Разумеется, только из-за вас. Мне нужно кое-что сказать вам, но вот мы оба уезжаем.

— Вы можете мне написать.

— Гейнц, эшелон трогается! — еще раз крикнул Молнау.

— До свидания! — крикнул Пашке и сломя голову побежал к своему эшелону.

Эшелон тронулся. Колеса вращались все быстрее и быстрее. Завтракали в пути, когда эшелон летел мимо пожелтевших лесов и скошенных пашен.

Гейнц ел без особого аппетита. «Как же это я не успел спросить у девушки адрес! Теперь даже написать нельзя. А что, если написать на завод, Етте из материального склада?»

Постепенно мысли о девушке рассеялись. Мимо пролетали места одно красивее другого. Завтрак в вагоне оказался куда вкуснее, чем

в полковой столовой. Играли в скат. Пели любимые песни.

Офицерам работы и забот хватало и в пути. Нужно было как следует организовать разгрузку эшелона. А там в любой момент могли объявить, что эшелон попал под налет вражеской авиации, или приказать сгружаться посреди поля. Там уж смотри в оба! Дорога каждая секунда.

Капитан Фленц сидел на ящике, обдумывая поставленную комбатом задачу. Его рота должна обеспечить службу регулирования движения. Обычно для этого выделялось специальное подразделение, но на сей раз командир полка решил поступить иначе.

Капитан разложил на коленях карту и стал изучать маршрут движения. «На всех перекрестках придется выставить посты, которые должны будут указывать подразделениям нужное направление. Хорошо еще, что на пути нет водной преграды, а то было бы куда сложнее», — решил он.

— Выделить в мое распоряжение по два человека из каждого отделения. Старшим этой команды назначаю лейтенанта Рамина, — приказал Фленц командирам взводов. Затем не спеша сложил карту и повернулся к унтер-офицеру Кёпке: — Ну, а теперь я слушаю вас, товарищ группарторг.

— Будем ли мы проводить совещание группарторгов, которое назначено на сегодня? — спросил Кёпке.

— Ни в коем случае. Каждую минуту может последовать какой-нибудь приказ или распоряжение, а мы тут будем собрания устраивать. Нет, это не дело!

— Я не вижу тут ничего невозможного,— возразил Кёпке.— Совещание только поможет лучше провести учения.

— Я не имею ничего против партийного собрания с повесткой дня «Задачи коммунистов на учениях». Однако заниматься сейчас дискуссиями с Брандштейном не считаю целесообразным. Этот разговор нужно отложить до лучших времен. Тогда мы заодно обсудим и результаты учений, оценим по достоинству и результаты младшего лейтенанта Брандштейна.

— А если Брандштейн еще больше запутается?

Фленц пожал плечами.

— Не нести же мне его обязанности? Он командир взвода и пусть потрудится делать то, что от него требуют,— высказался Фленц.

Голос Кёпке стал серьезным и строгим:

— А если что-нибудь случится? Откровенная беседа могла бы только помочь обеим сторонам.

— Какие еще стороны! — проворчал командир роты.— Кто должен нести обязанности младшего лейтенанта — Брандштейн или я?

— Вы сейчас поступаете так, будто Брандштейн вдруг стал козлом отпущения,— отрезал Кёпке.— Ему сейчас нужно помочь, чтобы он снова обрел веру в себя. Я вам уже говорил, что если он не справится со своими обязанностями, то в этом будете виноваты прежде всего вы, командир роты.

Капитан смутился. Движением руки он отпустил офицеров.

Эшелон остановился на какой-то маленькой станции.

— Может, это и есть станция назначения,— заметил Молнау и тут же предложил свой план выгрузки взводов при отсутствии высоких платформ. Молнау явно неплохо знал свое дело.

— А ты это неплохо придумал,— согласился Волтер.

— Из тебя еще может получиться хороший солдат,— пошутил Молнау.

Ребята спорили до тех пор, пока кто-то снаружи не закричал, чтобы из каждого отделения выслали дежурного по вагону на пищеблок.

Эшелон двинулся дальше только после обеда, но путешествие оказалось недолгим. Поезд вскоре остановился. Раздалась команда выгружаться.

Из шпал сделали съезд и стали сгружать боевые машины. Место сбора назначили в леске по соседству со станцией. Командир роты вызвал к себе командиров взводов.

От командира отделения Пашке узнал, что он назначен в отряд регулирования движения и должен немедленно явиться в распоряжение лейтенанта Рамина.

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда бронетранспортер с группой регулирования движения выехал из леса и направился в сторону небольшого городка.

Лейтенант Рамин начал объяснять солдатам-регулирущикам маршрут движения и их задачи. Пашке изучал местность. Крутом невысокие холмы. Улицы городка обсажены фруктовыми деревьями. Вдалеке, на самом горизонте, синели контуры гор. Картошку на огородах еще не копали, и ботва полегла на

землю. Местами глянцем блестели участки, засаженные свеклой. Бронетранспортер обогнал трактор с прицепом, в котором сидели несколько женщин и двое мужчин, ехавших копать картошку.

— Погодка стоит хорошая. В самый раз картошку копать,— заметил солдат из третьего отделения.

На первом перекрестке был выставлен первый регулировочный пост. Потом второй, третий... Наконец очередь дошла до Пашке. Дорога, на которой он стоял, вела в деревню. Позади нее чернел большой лес. Справа от дороги раскинулся огромный луг, через который Пашке и должен был направлять колонну полка.

Глава пятнадцатая

Солнце медленно скрылось за лесом. На землю опустились сумерки, и скоро вся деревня погрузилась в темноту. По шоссе изредка проезжали машины. Кругом тишина.

В деревне зажегся первый огонек, за ним второй, третий... Пашке стало скучно. Он принялся ходить взад и вперед по дороге, пока не услышал нарастающий шум моторов, доносившийся с востока. Он прислушался. Можно было определить, что движется много машин.

Дойдя до поворота дороги, Пашке остановился, чтобы подождать колонну и указать ей путь на север. Вот вдали показалась первая машина. Пашке прикинул расстояние до нее. А все же задание, которое он получил, важное: покажет он колонне направо — она

пойдет направо; покажет прямо — колонна двинется в деревню.

Первая машина с затемненными фарами подошла к повороту. Пашке поднял левую руку вверх и карманным фонариком посветил в направлении движения. За головной машиной двигалась вторая, третья...

Колонна прошла. Снова стало тихо. Через несколько минут появилась вторая колонна: тягачи с орудиями на прицепе. Примерно через час прогремела танковая рота, нарушая тишину ночи лязганьем гусениц и грохотом моторов.

«Еще одно подразделение пройдет, а за ним машина, которая соберет регулировщиков», — подумал Пашке. Он зажег фонарик, чтобы взглянуть на часы. Без десяти минут два. Усталость давала себя знать. «А что, если присесть на минутку?» От долгого стояния и ходьбы ломило ноги. Глаза сами так и закрывались. Гейнц с трудом отогнал от себя мысль о сне и снова стал ходить взад и вперед по дороге. Остановился. На минутку прислонился к телеграфному столбу. Вспомнил Етту. Какая неожиданная встреча произошла сегодня утром!

«Будь у меня ее адрес, я мог бы написать письмо. Но о чем? Не напишешь же, что она мне понравилась. Глупо! О погоде смешно писать». Пашке оттолкнулся от столба и пошел по дороге.

Через некоторое время снова зажег фонарик. Приложил часы к уху: тикают. Как же медленно тянется время! Только два часа. Он сдвинул автомат, висевший у него на груди, и медленно пошел по асфальтированному

шоссе на восток, оттуда должно было подойти еще одно подразделение. Пройдя шагов сто, он остановился и прислушался. Нет, все тихо. Глаза слипались от усталости. Чтобы не заснуть стоя, он стал смотреть в сторону деревни.

— Что такое? — воскликнул Пашке.

Над высоким зданием тянулся длинный шлейф дыма с пламенем по краям. Пашке бросился к повороту дороги. «Пожар!» — мелькнула мысль. Гейнец несколько раз глубоко вдохнул воздух. Ошибки быть не могло — в деревне что-то горело.

— Спят как убитые, пока крыша кому-нибудь на голову не свалится, — пробормотал Гейнец. Сложив ладони рупором, он что было сил закричал:

— Пожар! Пожар! Пожар!

Тишина. Он закричал еще раз. Опять тишина. В деревне ни звука. Со стороны шоссе, откуда должно идти подразделение полка, тоже тихо.

«Пожар! Ведь там же люди! Пожар быстро перекинется на соседние дома, уничтожит зерно в амбарах!» — молнией проносились тревожные мысли.

— Пожар! — закричал он еще раз. Но никто не откликнулся. Пламя росло с каждой минутой.

— Проклятие! — выругался Гейнец и бросился к деревне.

Пробежав несколько метров, остановился. А пост?! Он не имел права покидать его, что бы ни случилось! Ведь он выполняет боевое задание! А пожар? Он сделал еще несколько шагов по направлению к деревне и снова

остановился. Где же колонна? Прислушался. Тишина. Пока он добежит до деревни, пройдет несколько минут, дорогих минут...

Бросив взгляд в сторону пожара, Пашке снял автомат и дал в воздух одну за другой несколько очередей. Глубоко вздохнул и рукавом вытер вспотевшее лицо.

В деревне забегали люди.

Пашке облегченно вздохнул. Значит, он стрелял не зря — люди услышали. И он пошел к повороту дороги, все еще держа автомат в руке. На душе стало спокойно, но вдруг мозг пронизала ужасная мысль: «Я стрелял. Стрелял без приказа!» Пашке вытащил диск из автомата — он был пуст. «А приказ? А командир роты?»

Через несколько минут на шоссе показались огни автомобиля. Машина мчалась на большой скорости. Когда она пролетела мимо, Пашке разглядел ее: это была пожарная, а за ней ехали военные машины, которых он так долго ждал.

Скоро подъехала машина, собирающая регулировщиков. Несколько крепких рук подхватили Пашке и втащили в кузов.

— Ну, живой еще? — крикнул кто-то ему в самое ухо.

— Живой.

— Слышали, как ты тут палил, — начал ефрейтор. — Колонна как раз остановилась, и выстрелы были хорошо слышны. Кто-то даже сказал, что Пашке снова забавляется. А когда подъехали ближе, поняли, в чем тут дело. Связались с командиром по радио, он приказал помочь тушить пожар.

Пашке хотел что-то спросить, но машина

уже подъехала к горящему дому. Солдаты мигом прыгнули на землю и бросились тушить пожар.

Когда пожар был потушен, солдаты узнали, что сначала загорелся сарай у склада горючего. Огонь быстро перекинулся на зернохранилище, и вот-вот могла загореться животноводческая ферма кооператива. Сторож словно сквозь землю провалился. Рядом со складом домов не было, и поэтому пожар заметили не сразу.

— А вот когда над деревней раздалась стрельба,— рассказывал пожилой крестьянин,— я вскочил как угорелый. Но не сразу понял, в чем дело, думал — война началась.

Солдаты распрощались с жителями деревни. По дороге к Пашке подсел секретарь партийного бюро капитан Грохман и попросил его рассказать, как все было.

— Ходил я на посту и вдруг вижу пламя и дым. Что я мог сделать? Вот и выстрелил из автомата. Больше ничего,— сбивчиво объяснил Гейнц.

Капитан кивнул:

— Я доложу о вас командиру полка.

— Он меня и так знает,— заметил Пашке.

— А почему такой тон? — удивился капитан.

Гейнц посмотрел офицеру в глаза:

— А что будет за стрельбу? Диск-то я расстрелял.

Секретарь партбюро ответил не сразу:

— Не беспокойтесь.

В отделении Пашке встретили восторженно. Унтер-офицер Кёпке долго тряс ему руку:

— Ты правильно поступил. Не подвел отделение.

Пашке смущенно смотрел на командира. Впервые за службу в армии он почувствовал, что товарищи гордятся им.

В бронетранспортере, замаскированном еловыми ветками, говорили о Пашке.

Командир взвода младший лейтенант Брандштейн просил капитана Фленца наградить Пашке.

Фленц нахмурился:

— Не слишком ли мы торопимся? Вы же знаете, что представляет собой этот Пашке? За прошлое я должен его на гауптвахту посадить. Что будут говорить солдаты, если я сейчас вынесу ему благодарность?

— Но ведь он действовал как положено.

— Подождите. Ведь командир взвода тоже имеет право поощрять, вот и воспользуйтесь этим.

— Товарищ капитан, я считаю, что в данном случае моих прав явно мало. К тому же поощрение командира роты достигнет большего педагогического эффекта.

— Уж не собираетесь ли вы меня учить, как мне следует поступать,— рассердился капитан.

Разговор прервал приезд командира полка. Фленц вскочил и пошел ему навстречу.

— Что здесь за совещание? — поинтересовался полковник, оглядывая офицеров. — Раскраснелись даже.

— Спор идет о солдате Пашке,— доложил Фленц.

— Прекрасно,— заметил полковник.— Ну и каково ваше мнение, товарищи?

Командир полка внимательно выслушал Фленца и Брандштейна. Заложив руки за спину, помолчал немного. Ему не понравился тон капитана Фленца. Полковник понял, что офицеры по-разному смотрят на воспитание солдат. Видно, нелегко приходится Брандштейну в роте. Командир полка подошел к Фленцу:

— Вы, видимо, читали о Макаренко и его беспризорниках?

— Так точно, товарищ полковник!

— Таких, как наш Пашке, у него, наверно, и не было. Были много хуже.

Фленц опустил глаза и молчал. Его раздражало посветлевшее лицо Брандштейна. Педагогика, Макаренко — это был любимый конек лейтенанта.

— Видите ли, товарищ капитан,— продолжал полковник,— некоторые воры и беспризорники из бывшей колонии имени Горького стали во время Великой Отечественной войны Героями Советского Союза. А почему?

Капитан, казалось, не слышал вопроса. Ему не нравилось, что полковник так разговаривает с ним в присутствии подчиненного.

— Так ведь это в Советском Союзе. У нас же другие условия.

— Я не вижу никакой разницы. Но мы говорим сейчас о другом, о том хорошем, что есть в любом человеке, и это хорошее мы должны растить. Это наш долг, долг воспитателей. А растить хорошее — значит поощрять хорошие поступки. Выяснилось, что сарай поджег один мерзавец, и, если бы не ваш сол-

дат, сгорел бы и склад горючего, и хлеб, и скот.

— Жалко, разумеется,— поддакнул Фленц.

— У меня был бургомистр этого села. Крестьяне кооператива сердечно благодарят солдата, который разбудил их стрельбой. Бургомистр поблагодарил нас за помощь на пожаре и передал приглашение жителей села товарищу Пашке побывать у них. Вот как смотрят на вашего Пашке люди, товарищ Фленц. И я считаю это правильным. Я полагаю, мы должны наградить его и присвоить звание ефрейтора. А вам в будущем следует более чутко относиться к людям.

На лице капитана было написано удивление; но возражать он не осмелился.

Прощаясь, полковник обратился к Брандштейну:

— А вам еще придется поработать с новым ефрейтором, чтобы он оправдал наше доверие.

— Меня это тоже пугает,— вставил командир роты.

Командир полка энергично повернулся к капитану, снял с головы фуражку и провел рукой по седым вискам:

— Пугает? Нет, нужно иметь мужество дерзать и не бояться ответственности.

Полковник кивком головы распрощался с офицерами и пошел к своей машине.

Глава шестнадцатая

К моменту, когда полк вышел в район учений, небо затянули тучи и начал моросить дождь. Осень напоминала о себе. Скоро

дождь разошелся, прибывая к земле выжженную солнцем траву.

Шел последний час перед наступлением. Солдаты тихо разговаривали друг с другом, ожидая начала артиллерийской подготовки, а затем появления красной ракеты, которая поднимет их в атаку. Автоматчики, танкисты, артиллеристы, радисты и саперы сразу забудут и о проливном дожде, и о резком ветре, и о размокшей земле.

Все с напряжением ждали этой минуты. Ефрейтор Пашке, накрывшись плащ-палаткой, сидел под сосной и смотрел на лужицу. В голове никак не укладывалось, что теперь он не плохой солдат, а ефрейтор. Товарищи, поздравляя его с присвоением звания, наперебой говорили о том, что они плохо его знали... Гейнц радовался от души.

Интересно, почему командир роты настоял на том, чтобы во время учений он, Пашке, выполнял обязанности связного. Связной! А он-то радовался, что вместе с отделением будет действовать в составе танкового десанта. И вдруг связной. Когда его товарищи будут наступать, он должен будет переходить с одного НП на другой, передавая донесения.

Пашке приподнялся и осмотрелся. Вдоль опушки соснового леса тянулись окопы. На первый взгляд они казались пустыми. Но это только на первый взгляд. От опытного глаза не ускользнули мелкие детали, которые говорили о том, что в них сидели солдаты.

— Ефрейтор Пашке! — слышался чей-то голос из блиндажа. Офицер-разведчик пере-

дал Пашке пакет.— Ближайшим путем — командиру полка!

Пашке повторил приказ, обдумывая, как лучше его выполнить. Когда Пашке первый раз пробирался на КП полка, он натолкнулся на длинноствольные зенитки; за ними стояли замаскированные танки. Проходя мимо одного из них, Пашке услышал обрывок разговора двух танкистов.

— Я первый раз на таких учениях,— проговорил один.

— Вот увидишь, как все будет,— ответил ему другой.— Жалко только, что люки будут закрыты, а в смотровые щели уже не тот вид.

— Когда начнется, некогда будет смотреть по сторонам и любоваться, а то проглядишь главное.

Пашке очень торопился и не дослушал разговора до конца. Танки были замаскированы в лесу так хорошо, что Пашке никак не мог представить себе, как это удалось сделать. На левом фланге два танка оглашали лес ревом моторов. Они должны были привлечь внимание «противника» к этому месту с тем, чтобы ввести его в заблуждение относительно истинного пункта сосредоточения сил. Пашке уомехнулся: «Вот она, военная хитрость! Рота получит сложную задачу. Интересно, почему все-таки командир роты решил назначить меня связным? Почему? — Пашке нащупал рукой пакет.— Наверное, что-нибудь очень важное. Теперь все зависит от меня.— Пашке ускорил шаг.— Нужно торопиться! Кто его знает, может быть, только этого донесения и ждет сейчас командир полка!»

Отделения собрались возле своих машин. Унтер-офицер Кёпке тихо говорил солдатам:

— Действовать умело, не теряться!

Брандштейн стоял рядом, всматриваясь в знакомые лица солдат. Как ему хотелось доказать командиру роты, что он способен образцово выполнить любое задание! Солдаты в его взводе опытные, да и сам он неплохо разбирается в тактике, так что все должно быть в порядке.

От сильного дождя земля размокла, и под ногами неприятно чавкала грязь. Брандштейн уже знал, что его взвод должен будет наступать через болото — самый трудный участок. Но ничего не поделаешь. На какое-то мгновение он почувствовал сильную усталость. Последние дни и даже ночи он много работал, почти не спал, а тут еще этот проклятый дождь!

Сумерки размывали очертания предметов. Брандштейн посмотрел на часы.

— Сейчас начнется, товарищ младший лейтенант, — услышал он тихий голос Кёпке.

«Значит, и группарторг волнуется, — подумал Брандштейн. — Да и как не волноваться, когда после этих учений взводу будет дана оценка за действия в боевой обстановке».

Неожиданно тишину разорвал артиллерийский грохот. «Началось!» Лес, казалось, ожил. Так продолжалось несколько минут.

Наконец зарычали моторы замаскированных танков. Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны «противника».

...Младший лейтенант Брандштейн был доволен своим взводом. Бронетранспортеры в полном порядке. Используя внезапность и наступившую темноту, полку удалось прорвать оборону «противника» и вклиниться на довольно значительное расстояние.

Однако час назад наступление неожиданно застопорилось. Брандштейн получил от командира роты приказ обойти опорный пункт «противника» и до двадцати двух ноль-ноль овладеть высотой Н, отрезав ему путь к отступлению.

Сначала задача показалась молодому офицеру не очень сложной. Но это только сначала!

Взвод выступил. Бронетранспортеры пересекли небольшую поляну и через несколько минут оказались в ложине. Впереди виднелся смешанный лес. Головной дозор остановился: «противник» открыл огонь с двух сторон.

— Засада! — выкрикнул кто-то.

Положение оказалось сложным. Брандштейн лихорадочно думал, что же ему предпринять. Через несколько секунд решение созрело: отделением Кёпке, высланным в головной дозор, вступить в бой с «противником», в то время как два других отделения быстро обойдут его и ударят с тыла. Однако, как только «противник» разгадал этот замысел, он отвел свои подразделения в глубину леса.

Обрадованный успехом, Брандштейн бросился преследовать «противника». Отдал приказ ускорить темп, но бронетранспортеры двигались все медленнее и медленнее: было очень темно, да и местность оказалась сильно пересеченной. Взвод углублялся дальше в лес,

отклоняясь от заданного направления. Всех охватила лихорадка преследования.

Отходящий «противник» неожиданно изменил направление и скрылся.

Брандштейн отдал приказ остановиться и попытался сориентироваться. И тут только почувствовал, что слишком увлекся преследованием. Через полчаса он должен овладеть высотой, а до нее еще несколько километров, да и где искать ее в такой темноте. В это время взвод начали обстреливать со всех сторон. «Опять ловушка! Выход один — прорваться на скорости».

— Вперед! Полный вперед! — отдал он приказ. Но было уже поздно. Из-за высоты, урча и лязгая гусеницами, показались танки «противника». О прорыве нечего было и думать.

Младший лейтенант с трудом понимал то, что говорил ему посредник.

Он медленно опустился на сиденье рядом с водителем, обхватив голову руками.

«А если бы это был настоящий бой? Страшно. Из-за меня погиб бы весь взвод. Да и теперь, как я буду глядеть подчиненным в глаза? Разве теперь они мне поверят?»

Взвод выключился из дальнейших действий приказом посредника, который объявил солдатам, что все они убиты. Солдаты стояли подавленные, не зная, что делать.

Через несколько часов Пашке добрался до своего взвода. С трудом разыскал свое отделение. Солдаты сидели под кустами.

— Ну как, герои, отвоевались? — с иронией спросил Гейнц Волтера, сидевшего на пеньке. Тот промолчал.

— Ну, что молчите, языки, что ли, прогло-

тили? — допытывался Пашке, тронув Тидке за плечо.

Тидке беспомощно развел руками.

— Наше отделение разбито, понял? — ответил Молнау.

Пашке несколько секунд стоял неподвижно, потом поправил автомат и заметил:

— Ну, мне пора идти, я-то ведь еще живой!

Глава семнадцатая

Учебный год для солдат взвода Брандштейна кончился плохо, причем все случилось, когда уже не было сомнений в хорошем исходе. Большая часть вины падала на командира взвода младшего лейтенанта Брандштейна.

Тидке был так огорчен, что места себе не находил. Обязательство добиться звания лучшего взвода не было выполнено! В течение нескольких месяцев солдаты взвода прилагали все усилия, чтобы улучшить результаты стрельб. На тактических занятиях они старались действовать слаженно и быстро. На политических занятиях все получали только хорошие отметки. Пашке словно подменили. Он стал совсем другим. И все напрасно! В самый решающий момент все пошло на смарку. В конце концов выходило так, что только Пашке, фамилию которого раньше склоняли на каждом шагу, действовал правильно. Тидке бросил тряпку и вышел из парка боевых машин, где отделение помогало водителям мыть бронетранспортеры. Пашке

с нетерпением ждал наступления вечера, который предвещал ему нечто особенное.

После ужина он получил увольнение в город и пошел в общежитие рабочих военного завода, где, как он узнал, жила Етта.

Подойдя к длинному зданию общежития, расположенному в большом парке, он в нерешительности остановился. Несколько раз прошелся по дорожке взад и вперед. Собственно говоря, он всего дважды видел девушку. Как же он объяснит ей свой приход? Да она его просто высмеет.

Он уже хотел было повернуть обратно, но все же остался, открыл калитку и медленно пошел по дорожке, которая вела к входу. Песок скрипел у него под ногами. Вдруг Гейнц остановился: «А что я ей скажу?»

Швейцар, сидевший у входа, отложил в сторону газету и поверх очков посмотрел на солдата.

— Вы к кому, молодой человек? — вежливо спросил он.

Пашке бросило в жар.

— Я хотел повидать девушку из материального склада, — заикаясь, произнес он.

Швейцар чуть заметно улыбнулся:

— Как ее зовут, вы что, имени ее не знаете?

— Все зовут ее Еттой, — пробормотал Пашке, пожимая плечами.

— Ах, Етта! Значит, вам нужна Ингрид Радам, не так ли?

— Да, да, она-то мне и нужна, — выпалил Пашке.

Швейцар взял какую-то книгу и начал листать ее, водя пальцем по строчкам. Потом

взглянул на доску для ключей и проговорил:

— Радам еще не приходила. Она на заводе. Передать ей что-нибудь?

Пашке растерялся и покачал головой. Вышел на улицу и остановился: «Что же делать? Подождать или уйти? А что, если ждать придется долго?» Гейнц закурил, но, сделав несколько затяжек, бросил сигарету в урну. Так он расхаживал по дороге до тех пор, пока не заметил в свете газового фонаря хрупкую фигуру девушки. Увидев Пашке, девушка остановилась.

— Уж не играете ли вы в разбойников? — воскликнула она.

— А почему бы и нет? — не сразу ответил Гейнц, смущенно улыбаясь.

— Как вы сюда попали? Ждете кого-нибудь?

— А вы как думаете? — шутливо спросил он, рассматривая девушку. — Я пришел, чтобы напомнить о вашем обещании.

Ингрид ничего не ответила. Молча они дошли до калитки.

— Может быть, сходим в кино или на танцы? — предложил Гейнц.

— А вы и вправду разбойник, да еще с большой дороги.

— Я же вас не принуждаю, — тихо выговорил он.

Ингрид рассмеялась:

— Это вам дорого обошлось бы.

— Ну, ну.

— Вот это вы видели? — шутливо спросила девушка, показывая Гейнцу свои маленькие кулачки.

— С ними я пока еще не знаком. Но вы не ответили мне.

Ингрид вышла на асфальтовую дорожку.

— Сегодня не могу, — сказала она, немного помолчав. — Мне нужно ехать домой, навестить маму.

По улице проехала машина, ослепив Пашке фарами.

— Вы стали ефрейтором? — спросила Ингрид.

— Да.

— Тогда примите мои поздравления! — Девушка протянула Гейнцу руку. — Если хотите, проводите меня до вокзала и обо всем расскажите.

— Хорошо, — согласился Пашке.

— Сейчас я принесу чемодан.

Через несколько минут девушка вернулась. Они пошли по пустынным улицам города, над которым низко повисли хмурые осенние облака.

Гейнц осторожно взял Ингрид под руку.

— Ну, рассказывайте же, — попросила она.

С вокзала Пашке летел словно на крыльях. На рыночной площади встретился с Ломом, который стоял перед освещенной витриной обувного магазина.

— Гейнц, дружище, ты наверняка хочешь обмыть свое ефрейторское звание! Отгадал?

— По кружке пива можно.

— Ну это только так говорят. — Лом схватил Пашке за локоть. — Ну, пошли.

В пивной стоял гул человеческих голосов и плавали клубы дыма. За одним столиком

играли в скат. В углу какой-то мужчина кричал:

— Макс, еще раз!

Солдаты направились к столику, за которым уже сидели два парня и пили пиво. Пашке молчал, думая об Ингрид, с которой договорился встретиться в следующую субботу в два часа. Если же он не сможет, то через неделю в то же время.

— Уж не переживаешь ли ты «триумф» своего отделения? — съязвил Лом. — Они себя показали!

— Почему «они»? Я ведь тоже из этого отделения.

— Гейнц, дружище, ты же герой и ефрейтор! На кой черт они тебе сдались? — Лом поднял кружку и подмигнул товарищу. — Твое здоровье! Я рад, что ты не...

Пашке не слышал болтовни Лома. Он все еще думал о девушке. Теперь он знал, как ее зовут, где она живет, и даже договорился с ней о встрече. А сюда его больше ни за что не затащишь.

Парни, сидевшие напротив, заказали еще по кружке.

— У тебя была когда-нибудь знакомая девушка с оборонного? — спросил он Лома.

Лом затаился и бесшумно выпустил изо рта большой клуб дыма.

— Разумеется! Это была та самая девчонка, что дала мне отходную. Я же тебе как-то рассказывал.

— А? Так это была та...

— Да, да, та самая, которая хотела перевоспитать меня, но разве я поддамся?! — перебил его Лом.

— Ты с ней, наверное, и не поговорил даже...

— Она такая недотрога. Я хотел ее поцеловать, но она так рассердилась...

— Как ее звали?

— Ингрид. Ты ее должен знать, она работает кладовщицей на материальном складе.

Пашке сразу все понял. Задумавшись, он смотрел в сторону стойки, которая тонула в табачном дыму. Здоровенный детина протискивался между столиками, таща за собой девушку. Один из парней, сидевших рядом, заметил их и крикнул:

— Хорст, мы здесь, давай к нам!

Тот обернулся:

— Иду!

Через несколько секунд верзила, шатаясь, подошел к столику и небрежно бросил в сторону Лома:

— Расселись, как короли!

Пашке строго посмотрел на него и заметил:

— Не так шумно. Ты ведь не у себя дома.

— Я там, где мне и следует быть, а вот вы явно не на свое место попали.

— Не шуми ты, — попыталась утихомирить своего знакомого девушка.

— Я говорю то, что хочу! — заорал он.

— Пошли отсюда? — тихо предложил Пашке Лому.

— Армия отступает! — рассмеялся парень. — Ну вы, лодыри! — И, сжав кулаки, закричал: — Сопляки!

Пашке покраснел.

— Нет! — крикнул Пашке и так толкнул ногой стул, на котором сидел верзила, что тот полетел на пол. Один из парней схватил

пивную бутылку и замахнулся. Пашке уклонился от удара и выбил бутылку из рук парня. Верзила медленно поднялся и оттолкнул девушку в сторону. Пашке сразу разгадал замысел пьяного парня и быстро нагнулся. Верзила перевалился через него, увлекая за собой своего приятеля. Вмг пивная наполнилась шумом и криками.

Пашке и Лом направились к стойке. Заплатив за пиво, оба вышли на улицу.

Глава восемнадцатая

С бьющимся сердцем вошел младший лейтенант Брандштейн в кинозал, где собирались офицеры полка. Осенние учения, в которых принимал участие полк, были завершающим этапом учебного года. На совещании офицеров командование должно было подвести итоги учений. Итоги! Брандштейн нахмурился. Для него это совещание было подобно приговору суда. Он, молодой офицер, пришедший в полк из училища с хорошими отметками, не оправдал их.

В зале наступила тишина. На трибуну поднялся командир полка. Говорил он тихо, а Брандштейну казалось, что очень громко. Он согнулся над записной книжкой, в которой делал пометки. Брандштейн ждал, когда полковник назовет его фамилию. Но командир называл других, упомянул Фленца, а о нем ни слова.

Когда же было названо и его имя, Брандштейну показалось, что кто-то кричал ему в самое ухо.

— Младший лейтенант Брандштейн преподнес нам хороший урок, показав, как не должен вести себя в бою офицер, — говорил полковник. — Он не только сильно затруднил полку выполнение боевой задачи, но и вывел из игры весь взвод, и все из-за того, что погнался за успехом. Вот к чему приводит горячность.

Брандштейн пытался проанализировать случившееся: «Ведь я хотел как можно лучше выполнить приказ и слишком поздно заметил свою ошибку». Голос полковника прервал его мысли:

— Но не один Брандштейн совершил ошибку на учении. В своем рапорте командир роты капитан Фленц писал, что за последнее время взвод Брандштейна показал неважные результаты на стрельбах. Да и дисциплина во взводе не на высоте. Кроме того, идеологическая работа... — перечислял полковник.

Брандштейну казалось, что командир полка никогда не кончит говорить.

Потом начались выступления. Брандштейну необходимо было объяснить товарищам, почему все так произошло.

Он поднял руку, прося слова. Все повернулись к нему. Голос молодого офицера дрожал, глаза лихорадочно блестели. Когда Брандштейн неправильно построил предложение, рядом с ним кто-то хихикнул. Офицер хотел поправиться, но снова сбился. Окружающие засмеялись. Младший лейтенант собрался с духом и хотел продолжать, но слова будто застряли у него в горле. Беспомощно махнув рукой, он сел.

Несколько секунд в зале было так тихо, что стал слышен шум дождя за окном.

После совещания Брандштейн направился к выходу, стараясь не смотреть в глаза товарищам. В раздевалке молча взял шинель и фуражку и отошел к окну, заметив, что все столпились у выхода. Дождь лил как из ведра.

Осторожно оглядевшись, Брандштейн увидел, что несколько офицеров еще стояли в вестибюле и разговаривали. Среди них были командиры батальона и секретарь партийного бюро полка.

«Сейчас они подойдут ко мне, — подумал Брандштейн, — и скажут, чтобы я не опускал крыльев».

Но никто не подошел к нему. Молодому офицеру стало еще тяжелее. «Теперь они избегают меня, словно я совершил преступление», — мелькнула у него мысль.

Постепенно офицеры разошлись, и Брандштейн остался один. Он надел шинель и пошел в офицерское общежитие, где жил в одной комнате с командиром соседней роты, уже несколько недель лежавшим в госпитале. Открыв дверь, остановился: комната показалась холодной и неуютной. Букетик цветов на прикроватной тумбочке завял за дни учений; фотография невесты, стоявшая тут же в бронзовой рамке, покрылась пылью. Брандштейн сел на кровать и закрыл глаза. Потом встал и взял с полки томик Бехера. Полистал и бросил на подушку. Осторожно взял фотографию, стер пыль носовым платком. Большие глаза девушки вопросительно смотрели на него.

«Надо будет поговорить с Кларой. Она наверняка что-нибудь посоветует». Офицер наклонился к фотографии. Потом поставил ее на место, встал и надел фуражку.

Не замечая дождя, Брандштейн медленно шел по безлюдным улицам. Шинель промокла и стала неудобной и тяжелой. Капли дождя скатывались с фуражки за воротник. Но он ничего не замечал. Хотелось найти выход из этого невыносимого положения. Брандштейн знал, что из всякого положения, даже самого тяжелого, можно найти выход. Но как?

«А может, лучше вернуться на завод и встать к станку?» Нет, это не выход. Он любит свое дело, своих солдат! Зачем же тогда он учился в офицерском училище, если не может передать свои знания подчиненным? А как он теперь покажется на глаза товарищам по заводу. Ведь они гордились тем, что он стал офицером Национальной народной армии. Они не раз говорили ему, что если он и в армии будет работать так же, как на заводе, то будет хорошим офицером. А теперь?

Брандштейн вышел на окраину города. Слева от дороги стояло большое здание с ярко освещенными окнами. Он повернулся и пошел обратно. До общежития Брандштейн добрался часов в десять. Когда стал раздеваться, заметил на столе письмо. Разорвал конверт и быстро прочел. Секретарь партбюро полка писал, что он повсюду искал его, но не нашел и приглашает Брандштейна в гости в воскресенье вечером.

Письмо несколько успокоило офицера. Он

обрадовался приглашению. Уж кому-кому, а секретарю партбюро он может смело рассказать о своих переживаниях.

Глава девятнадцатая

Все небо было обложено свинцовыми тучами. Но дождь уже кончился. Брандштейн шел не торопясь. В цветочном магазине купил букет астр, считая, что без цветов идти в гости неприлично. Потом направился к домику, где жил секретарь партбюро. Капитан Грохман жил на довольно оживленной улице неподалеку от вокзала. Дверь открыла стройная женщина. Брандштейн поздоровался и отдал ей цветы.

— О, меня сегодня чересчур балуют, — улыбнулась фрау Грохман и пригласила войти. — Снимайте шинель и чувствуйте себя как дома.

Навстречу гостю вышел капитан и проводил его в комнату. Брандштейн был поражен, увидев среди гостей командира полка полковника Реймера и капитана Фленца. Грохман представил Брандштейну своего тестя.

«Слава богу, — подумал офицер, — что это не служебное совещание».

— Вчера я нигде не мог найти вас, — начал Грохман, обращаясь к Брандштейну и наливая в бокалы красное вино.

— Выходил подышать свежим воздухом, — застенчиво проговорил младший лейтенант.

— Гм, — пробормотал полковник, проводя рукой по седым вискам. — Что же, я не прочь промочить горло.

Грохман поднял бокал:

— Ваше здоровье, дорогие друзья!

Тесть капитана, которого звали Рудольфом, с видом знатока заметил:

— Неплохое вино.

Затем он отпил большой глоток, но проглотил не сразу, смакуя. Выпив так весь бокал, он начал рассказывать о своей жизни.

Брандштейн внимательно слушал, краешком глаза наблюдая за капитаном Фленцем.

Фленц держал себя непринужденно. От строгости, которую он напускал на себя в роте, не осталось и следа. Задумавшись, закурил сигару и откинулся на спинку мягкого кресла. Командир полка внимательно следил за разговором.

Волосы у Рудольфа были совершенно седые. Поглаживая свои пышные усы, он наклонился к Брандштейну:

— У тебя еще не было семейных неприятностей?

— Семейных нет, — ответил офицер.

— Нельзя же все время говорить об одних только женщинах. Расскажи-ка лучше, как живет взводный в Народной армии.

Брандштейн беспомощно переводил взгляд с одного офицера на другого.

— А что, вы можете откровенно рассказать нам о своей жизни, — подбодрил Брандштейна полковник.

Младший лейтенант осторожно поставил бокал на стол и начал рассказывать о своем заводе, где он работал до армии, об учебе в офицерском училище и о работе во взводе.

— Сначала мне все как-то удавалось, — продолжал Брандштейн, — а вот теперь... —

Он несколько замешкался.— За что бы я ни взялся, все не клеится. Я уж даже боюсь за что-нибудь браться. Иногда мне хочется все бросить и вернуться на завод.

— Если ваши мысли находятся где-то далеко, не стоит удивляться провалам, — неожиданно нарушил наступившую тишину капитан Фленц.

Все посмотрели на него.

— Я лично понял из рассказа Брандштейна другое, — заметил секретарь партбюро.

Полковник Реймер поглаживал свой гладко выбритый подбородок:

— Я внимательно слушал товарища Брандштейна и, признаюсь, чувствую себя в какой-то степени виноватым в том, что он сейчас переживает. Он пришел в наш полк, получил взвод и старался хорошо работать. А мы, я и вы, капитан Фленц, все время только требовали. Разумеется, без этого нельзя. Но могли бы и мы побеспокоиться и поинтересоваться, как молодой офицер справляется с нашими требованиями? Так нет! Меня лично деликатно натолкнул на это секретарь партбюро, и я сделал необходимые выводы.

Командир роты старался не смотреть на полковника. Такого поворота в разговоре он никак не ожидал. Все ударились в самокритику. Но чего они хотят от него? Каждый должен руководствоваться уставными требованиями, и тогда все будет хорошо.

Грохман внимательно рассматривал Фленца, словно хотел разгадать его мысли.

— Это не в моей манере — избегать неприятных поворотов, поэтому поговорим откровенно, — сказал секретарь, снова наполняя бо-

калы вином. — Вам еще надо многому научиться. Но сторониться товарищей, которые всегда могут помочь, не следует. Вы же член партии. Взвод у вас хороший, люди добросовестные. Возьмем, к примеру, товарищей Кёпке и Тидке.

Капитан Фленц недовольно махнул рукой.

Грохман улыбнулся Фленцу и кивнул:

— Я и вам, капитан, кое-что скажу. У вас большой опыт. Вы уже давно в армии, но подумали ли вы когда-нибудь о том, как лучше передать свой опыт молодым офицерам?

Фленц с удивлением посмотрел на Грохмана. Лицо его сразу стало строгим и надменным.

— Но это еще не все, — продолжал Грохман. — Вы отвечаете в роте не только за военную и политическую подготовку, но и за воспитание подчиненных. Никто не отнимает ваших...

— Я действую по уставам, — нервно бросил Фленц.

— Это делает вам честь и достойно похвалы. Но в уставах изложены только основы воинской жизни. Это не исключает необходимости и самому думать. Мы работаем с живыми людьми, и к каждому из них нужно иметь подход.

Грохман на миг задумался и продолжал:

— Молодой человек, который попадает в армию, имеет свой характер, свою, так сказать, индивидуальность. Наша обязанность и заключается в том, чтобы умело влить его в коллектив, а это значит в какой-то степени изменить его характер. Все люди имеют свои

сильные и слабые стороны. — Он посмотрел Фленцу в лицо. — Насколько я помню, в вашей роте есть рядовой Пашке. К такому парню с одними уставами не подойдешь. С ним нужно как следует поработать.

— Оставим Пашке в покое, он мне и так надоел. Сейчас мы говорим о товарище Брандштейне.

Жена Грохмана, которая все это время была в другой комнате, подошла к мужу и дотронулась до его плеча.

— Зачем же так волноваться! — тихо заметила она, оглядывая гостей. — Иди помоги мне приготовить кофе.

Старый Рудольф не упустил удобного случая и начал рассказывать одну давнюю историю:

— В двадцатом году я тоже был командиром взвода в рабочей охране и у меня тоже был такой Пашке. Стоял март. Юнкера и монархисты хотели свергнуть Веймарскую республику. Тогда рабочие вышли на улицы и нанесли удар по диктатуре милитаристов, объявив всеобщую забастовку.

Лицо Рудольфа стало серьезным. После небольшой паузы он продолжал:

— Правительство приказало стрелять в рабочих. Улицы города обагрились кровью. Тогда и мы взялись за оружие и стали создавать вооруженные отряды. Меня назначили командиром взвода. Наш отряд рос день ото дня. Однажды в моем взводе появился необузданный парень лет семнадцати. В рабочем поселке его прозвали Непоседой: он не признавал никаких порядков и часто убегал от матери. Раз пришел он ко мне и говорит: «Хочу бо-

роться вместе с вами». В это время мимо проходил командир роты. Он остановился и сказал: «Гони ты его в шею, нам недисциплинированные не нужны. В бою один должен надеяться на другого, а не...»

Я отвел парня в сторонку (звали его Герман Гизе), чтобы объяснить, почему он нам не подходит. Но парнишка и слушать не захотел. С красным от возмущения лицом он набросился на меня: «Не думай, что тебе удастся прогнать меня! Я буду подчиняться, как это у вас положено. Хочу бороться! Давай мне винтовку — и все будет в порядке».

«Нет, не все в порядке! — закричал я на него. — Кто не признает дисциплины, может убираться ко всем чертям». Герман только засмеялся. «Получу я винтовку или нет?» — «Нет!» — ответил я. Парень постоял минуту и исчез так же внезапно, как и появился. Часа через два он снова был в школе, где расположился мой взвод. Мы глаза вытаращили от удивления. Два гимназиста в форме тащили большой деревянный ящик. Герман шел за ними. Его старенькая куртка была подпоясана ремнем, на котором висел пистолет в кобуре. На правом плече висел карабин.

Герман подошел ко мне: «Я достал для себя оружие и вам принес пулемет, — выпалил он, кивнув в сторону гимназистов. — Машина в полном порядке. Забрали у инспектора Вульфа из-под дивана».

Как потом выяснилось, Герман, вооружившись дубиной, ворвался в квартиру Вульфа, когда дома были только его сыновья. Схватил их за шиворот и сказал, чтобы они тотчас же выдали ему спрятанное оружие, а не то он по-

дожжет весь дом. Парней не пришлось долго упрашивать, они тут же все принесли.

Что мне оставалось делать с Германом? Отослать его обратно я не мог — совесть не позволяла. Принять? Но как он будет вести себя в бою? Дисциплина для нас была святыней. От нее нередко зависел успех дела. Воспитывать его у нас не было времени. Но я все же взял парня к себе. Лучший воспитатель, решил я, — боевое задание. Так оно и оказалось. В первом же бою с правительственными войсками Герман показал себя бесстрашным гвардейцем.

Рудольф на мгновение закрыл глаза. Он увидел перед собой длинную высокую стену, к которой правительственные войска прижали взвод. На углу улицы стоял танк, пулемет которого беспрестанно строчил. Белые подходили все ближе и ближе. Положение рабочих было незавидным. Тогда Герман попросил разрешения уничтожить танк. Рудольф разрешил. Юноша исчез, а через несколько минут танк взорвался. На обратном пути Германа убили.

Вздохнув, Рудольф продолжал:

— Так наш Герман стал дисциплинированным и погиб как настоящий герой.

В комнате стало тихо.

— Папа, идите, а то кофе совсем остынет, — позвала фрау Грохман.

— Да, да, сейчас, — ответил старик.

На Брандштейна рассказ Рудольфа произвел большое впечатление. За кофе младший лейтенант заговорил о воспитании в коллективе, но его перебил Фленц:

— Все это хорошо, но не следует переоце-

нивать влияние коллектива и тем самым под-
рывать собственный авторитет.

Полковник задумчиво посмотрел на хозяйку дома, которая включила свет. Потом встал, подошел к окну и задернул шторы.

— Знаете, дорогой Фленц, иногда мне кажется, что вы больше беспокоитесь за свой авторитет, чем за дела роты. Авторитет командира прочен только тогда, когда командир сознает свои ошибки и умеет их преодолевать. Звание и должность в данном случае не много значат. А вы как думаете?

Капитан задумался. «Может быть, старик и прав. Раньше я лучше понимал солдат, знал их как самого себя. Теперь же между мной и подчиненными встала какая-то невидимая стена. Значит, нужно искать новый путь».

— Товарищ полковник, — начал Фленц, — я не чувствую за собой вины...

В душе у полковника росло возмущение. «Капитан действительно не понимает своих ошибок или не хочет признавать их? Скорее первое. Пожалуй, мне нужно будет поближе присмотреться к капитану Фленцу и его роте».

Секретарь партбюро посоветовал Фленцу освободить Брандштейна от обязанностей руководителя хорового кружка и шефства над школой.

— Хорошо, — согласился Фленц после долгого молчания.

Рудольф, который отошел к окну, повернулся и посмотрел на Фленца.

— Знаешь, — начал он, подойдя к капитану и положив руку ему на плечо, — если бы ты был моим сыном, я снял бы с тебя штаны и как следует выдрал.

— Да ну?

— Чтобы ты не упирался как бык, когда тебе говорят о твоих ошибках.

Капитан Фленц смутился и посмотрел на старика.

— Я не могу не согласиться с товарищем Рудольфом, — заметил полковник, с улыбкой глядя на Фленца. — Если вы признаете свои ошибки, то этим самым докажете, что у вас есть воля.

Фрау Грохман подошла к мужчинам:

— Ну, хватит на сегодня. Ужин на столе.

Фленц с облегчением вздохнул.

По дороге домой Брандштейн чувствовал себя легко, словно только что принял ванну. Он был уверен, что на многое теперь будет смотреть иными глазами.

Откровенный разговор, которого он так давно хотел, состоялся. Теперь ему будет легче договориться и с Фленцем, если тот захочет понять его.

Дойдя до двери своей комнаты, он в нерешительности остановился. Еще вчера он бродил под дождем, скрываясь от людей. Сейчас ему хотелось быть среди них. Он повернулся и быстрыми шагами направился в полк.

Глава двадцатая

После обеда Кёлер и Волтер сидели за столом и играли в шахматы. Тидке стоял позади Кёлера, глядя ему через плечо и гадая, кто же выиграет.

Молнау только что вернулся из военторга:

— Я слышал, что сегодня вечером будет собрание партгруппы.

— Ну и что? — спросил Тидке.

— Что там будет, тебе лучше должно быть известно. Ты член партии, а не я. Повестка дня: о воспитании.

— Кого же мы теперь должны воспитывать, уж не ротного ли? — пошутил Пашке.

— Мат, — обрадовался Кёлер и снял очки.

— Не нравятся мне эти разговорчики, — заметил Волтер. — Ты лучше подумай о своем воспитании.

— Я такой же, как и вы!

Молнау тихо присвистнул и спросил:

— А что было в пятницу, дружище?

— Ничего, а что могло быть? — спросил Пашке.

— Во всяком случае, ничего хорошего, — ответил Молнау.

— А, это ты опять со своими новостями, — отмахнулся от него Пашке.

Стало тихо. Шахматисты молча собирали фигуры. Кёлер посмотрел на часы: через несколько минут начиналось его дежурство.

— Опять ты носишься со своими новостями, — толкнул Кох локтем Молнау.

Молнау почесал затылок. Его так и подмывало рассказать то, что он недавно узнал. Рассказать или не рассказать? Что-то все-таки надо рассказать, но тогда Пашке достанется.

— Радио выключено, — нарушил тишину Кёлер и подошел к Пашке, который лежал поперек кровати и смотрел в потолок: — Может быть, ты сам расскажешь, что случилось?

Пашке приподнял голову:

— Это мое личное дело и вас не касается.

— Неправда! — воскликнул Молнау.

— Замолчи, — оборвал его Пашке.

— Тогда я расскажу. — И Молнау рассказал друзьям, как в пятницу Пашке вместе с Ломом решили отпраздновать «ефрейтора», выпили, а потом затеяли драку с гражданскими.

Все устали на Пашке, который продолжал лежать на кровати.

Кох показал на часы. Тидке встал первым:

— Значит, наш новоиспеченный ефрейтор принес ЧП. Ну об этом мы поговорим позже, а сейчас выходите строиться!

Товарищи никак не могли понять Пашке: на учениях он действовал очень хорошо, а стоило ему вернуться в казарму — начиналась старая песня.

На лестнице к Пашке подошел Кох:

— Будь мужчиной и расскажи все сам.

— Оставьте меня в покое, — отмахнулся Пашке.

Младший лейтенант Брандштейн получил приказ снять на стрельбище все электрические приборы и принести их в мастерскую. Времени достаточно, но офицер поторапливал солдат, чтобы не опоздать на партийное собрание.

На обратном пути в казарму Тидке рассказал командиру отделения о новом походе Пашке, Унтер-офицер Кёпке даже глаза закрыл от неожиданности. Уж этого он ожидал меньше всего.

— А я-то думал, что в этом году у нас уже не будет никаких ЧП, — строго сказал Кёпке.

— Стоит ли говорить об этом командиру взвода, да еще перед собранием? — спросил Тидке унтер-офицера. — Расстроится только.

— Обязательно нужно сказать. А то представь себе, что ротный уже все знает и будет говорить об этом на собрании. Как тогда будет выглядеть наш взводный? Будет лучше, если мы сейчас же как следует пропесочим этого Пашке.

Машины свернули с шоссе на полевую дорогу. Стрельбище находилось в долине. Стоял небольшой туман. Все сошли на землю. Брандштейн распределил работы.

— Сматывать кабель, товарищ младший лейтенант,— это работа не для меня. Разве нет чего-нибудь потруднее? — попросил Пашке.

«Парня словно подменили», — подумал офицер и с улыбкой посмотрел на солдата.

Кёпке подошел к офицеру и рассказал о новой выходке Пашке.

Брандштейн стиснул зубы:

— Неделя только началась, и вот тебе, пожалуйста.

Солдаты работали дружно. Пашке один поднимал на машину приспособление, которое было под силу двоим.

— Начал стараться, — заметил Кёпке, кивнув в сторону Пашке.

— Это ему свойственно.— Брандштейн начал расхаживать перед грузовиком. Потом остановился и закурил. — Вы знаете, что я думаю? — Младший лейтенант выпустил изо рта клуб дыма и продолжал: — Пашке мало в чем изменился, и виноваты в этом мы сами, не нашли еще к нему ключика. Мало с ним занимались.

Оборудование было погружено на машины, и солдаты, довольные, что управились раньше, чем было приказано, расселись на земле в

кружок и стали что-то оживленно обсуждать. Пашке стоял в стороне и возился со своей зажигалкой.

— Ее нужно зажечь спичкой, — пошутил Кох.

Пашке сердито бросил сигарету.

Командир взвода подошел к Пашке. Оба закурили.

— Что вы там опять натворили? — просто спросил офицер.

— Ах, глупая история, — начал Пашке и тут же откровенно все рассказал.

— Почему же вы сразу не рассказали об этой драке, ведь прошло уже три дня? — спросил офицер.

Пашке опустил голову:

— Я считал это делом сугубо личным, товарищ младший лейтенант.

— Умнее ничего не могли придумать? — недовольно заметил Кёпке.

— Нет, это я вполне серьезно, товарищ младший лейтенант. Я думал, что это касается только меня, — пытался оправдаться Пашке.

— Ошибаетесь, — начал объяснять Брандштейн. — Посетители пивной говорят теперь, что скандал затеял не какой-то Пашке, а солдаты Народной армии. Значит, вы подорвали авторитет нашей армии, так что выходит, что это не только ваше личное дело.

Пашке нахмурился:

— Но тот пьяный верзила вынудил меня к этому.

— А вы позволили себя спровоцировать, — гневно бросил Кёпке.

Пашке начал злиться на себя. Он, конечно, понимал, что от подобного случая авторитет

армии не повысился. А ведь так все хорошо шло после учений! И нужно ему было по-пасться на глаза этому Лому! Гейнц виновато смотрел на товарищей, которые обступили его.

— Товарищ младший лейтенант, я виноват, накажите меня, — проговорил Пашке.

Брандштейн ничего не понимал. Он как раз думал, что сейчас Пашке будет усиленно отрицать свою вину.

Молодой офицер оглядел притихших солдат. Они не меньше командира были удивлены неожиданной просьбой Пашке.

— Накажите меня как следует, — упрямо повторил Гейнц.

— Нет, — ответил Брандштейн. — На этот раз я не буду принимать никакого решения, пусть решает коллектив. — Офицер посмотрел на группарторга Кёпке и понимающе кивнул.

Товарищи не знали, что делать с Пашке.

— Он столько раз подводил нас! — выкрикнул кто-то.

— Раньше да, — перебил кричавшего Волтер. — Посмотрим, что будет дальше.

Брандштейн взял Кёпке за руку:

— Как вы думаете, правильно я поступил?

— Я думаю, правильно, — ответил унтер-офицер. — Пусть ребята поспорят. Это пойдет Пашке на пользу.

— Товарищ младший лейтенант, можно мне сказать? — попросил один из солдат. — Я думаю, что на этот раз Пашке следует нака-зывать.

— А что ты предлагаешь? — спросил Молнау, который боялся, как бы Пашке не оби-делся на него за то, что он рассказал о нем.

— Подожди, не торопись, — продолжал солдат, предложивший наказать Пашке. — На следующей неделе взвод едет на экскурсию в Веймар и Бухенвальд, вот я и предлагаю в наказание не брать с собой Пашке. Это независимо от того, какие меры решите принять вы, товарищ младший лейтенант, или командир роты.

Большинство солдат взвода согласилось с этим предложением. Только товарищам Пашке по отделению оно не понравилось.

— Товарищ младший лейтенант, лучше посадите меня на гауптвахту, но экскурсии не лишайте, — просил Пашке.

Брандштейн ничего не ответил. «Интересно, — думал он, — что решит капитан Фленц?»

По возвращении в казарму Брандштейн доложил командиру роты о случившемся.

— Опять этот ваш Пашке! Когда мы перестанем с ним нянчиться? А вы тут еще экспериментируете на нем свои теории о воспитании! — бушевал Фленц.

— Но, товарищ капитан, — начал объяснять Брандштейн, — коллектив внес предложение, которое должно быть или принято, или отклонено. Другого выхода нет.

«А может, на сей раз Брандштейн неплохо придумал, — решил Фленц. — Сколько беспокойства причинил этот Пашке! Почему бы не испробовать этот метод?»

— Об этом мы поговорим завтра, а сейчас пора начинать собрание.

Партийная группа в роте уже несколько недель не проводила собраний. Крупные вопро-

сы обычно обсуждались на собрании первичной партийной организации.

На этот раз на собрание пришел секретарь партбюро капитан Грохман. Вид у него был обеспокоенный.

Открыл собрание унтер-офицер Кёпке. Он говорил о том хорошем, что заложено в каждом солдате, о сближении солдат с офицерами и о методах воспитания.

Затем он обратился к Брандштейну:

— Младший лейтенант Брандштейн у нас в роте недавно. Когда он пришел к нам, был очень активен, чем завоевал расположение солдат роты. Искал новых путей в воспитании, и все у него шло гладко. Когда же он столкнулся с трудностями, вы, товарищ капитан, не помогли ему, не освободили его от нагрузок, которых у него слишком много.

— И что еще? — бросил Фленц.

Грохман одобряюще кивнул Кёпке.

— Нужно сказать, что никто из нас не помог Брандштейну. Для начала предлагаю освободить младшего лейтенанта хотя бы от одной общественной нагрузки, — закончил свое выступление группарторг. — Переходим к прениям, товарищи!

В комнате стало тихо. Первым выступил Тидке:

— Когда я служил в другой роте, наш командир всегда обсуждал важные вопросы с коммунистами. В нашей же роте это делается почему-то очень редко. Видимо, капитан Фленц недооценивает силу коллектива, коммунистов.

Затем выступили еще несколько человек, и все они говорили о силе коллектива.

Капитан Фленц не выдержал:

— Здесь не пансион для девушек, а военное подразделение, где должны царить строгая дисциплина и порядок. Здесь не место дискуссиям! Хватит — поговорили, пора и за дело браться!

Брандштейн поднялся и заговорил с места:

— Но, товарищ капитан, нельзя же все валить в один горшок. Согласен, что порой мы дискутируем о вещах, которые того не заслуживают. Но разберем, к примеру, как сегодня реагировал рядовой Пашке на обсуждение его поведения во взводе.

— Как командир роты, — перебил Брандштейна Грохман, — вы не должны забывать о том, что в Народной армии наказание не главное средство, на которое мы должны опираться в своей работе. Прежде всего мы должны воспитывать подчиненных. И если мы будем опираться в этой трудной работе на коллектив, то от этого авторитет командира не только не пострадает, но даже укрепитя. — Секретарь партбюро сделал небольшую паузу и продолжал: — Мы должны предъявлять к подчиненным высокие требования, но нужно, чтобы они чувствовали их необходимость. Вот теперь давайте посмотрим на действия коммуниста Брандштейна.

— Все это прекрасно, — возразил капитан Фленц, — но превращать роту в дискуссионный клуб я не намерен.

Грохман продолжал, будто не слышал реплики Фленца:

— За последнее время я внимательно присмотрелся к вашим подчиненным. Трудности, на мой взгляд, заключаются в том, что неко-

торые ваши офицеры отгородились от солдат. Командир взвода лейтенант Рамин, например, разговаривает со своими подчиненными высокомерным тоном; младший лейтенант Брандштейн перегружен поручениями, и у него нет времени заниматься со своим взводом. А командир роты? Тот слепо придерживается уставов. Между командиром и подчиненными не должно быть стены. Мне кажется, коммунист Фленц должен подумать о том, как ему завоевать доверие подчиненных. Ему следует ближе познакомиться с ними. Каким образом? Пусть решит сам. Если солдаты чувствуют, что он хочет лучше понять их, я уверен, они не будут его сторониться.

Утренние лучи солнца с трудом пробивали туман. Пашке дожидался гауптфельдфебеля перед конторкой; хотел отработать наряд вне очереди. «А день, видимо, разгуляется и будет хорошим, — подумал Гейнц. — А он вынужден тут что-то чистить, в то время как его товарищи будут любоваться пейзажами Тюрингии».

— Ну, товарищ Пашке, меня дожидаетесь?

Пашке поднял голову и отдал гауптфельдфебелю честь.

— Что я должен делать? Может, мести двор?

— В канцелярии для вас у меня никакой работы нет, а вообще есть.

— Вы мне сейчас дадите что-нибудь такое, что лучше бы на гауптвахте сидеть, — но ничего не поделаешь.

— Как вы разговариваете?

— На гауптвахте меня, по крайней мере, никто не увидел бы. А тут начнешь подметать плац, все насмешники-пересмешники станут над тобой потешаться. — И Гейнц посмотрел на гауптфельдфебеля. — А разве не так? Знаю я их. Сначала они смеялись над тем, что я стал ефрейтором, теперь же...

Из кухни вышли два солдата. Они остановились и стали смеяться.

Когда гауптфельдфебель повернулся в их сторону, солдат как ветром сдуло.

— Не обращайтесь на них внимания. Лучше сделайте как следует то, что я вам дам.

— А что вы мне дадите?

Гауптфельдфебель назвал несколько работ.

— Уж если работать, так работать. Дайте что-нибудь потяжелее.

— Хорошо, тогда идите грузить уголь.

Пашке прикинул в уме, сколько же придется перекидать угля. Наверно, целую гору.

— Там целый вагон угля, — пояснил гауптфельдфебель. — Если перекидаете добрую половину, этого будет вполне достаточно.

Пашке взял большую лопату и пошел. Туман рассеялся. День обещал быть хорошим. Гейнц начал работать.

Два солдата, рабочие по кухне, которые только что посмеивались над Пашке, подошли к нему.

— Смотри-ка, расселся, как фабрикант, — тихо заметил один из них, а потом громко добавил: — Ну ты, герой, борешься с углем?

Пашке прикрикнул на ребят:

— Шли бы отсюда, а то как бы случайно не зашибить вас!

— Ну, ну, ты не очень-то хорохорься, — от-

ветил один из солдат, — ты ведь не в пивной, а мы не гражданские, с которыми ты так храбро расправляешься.

Пашке бросил лопату и подошел к солдатам:

— Что вам от меня нужно? Убирайтесь-ка отсюда подобру-поздорову.

— Ну, ну, уж и пошутить нельзя.

— То-то, скажи еще хоть одно слово, — разошелся Пашке.

— Мы же тебя не трогаем, а ты уже в драку лезешь. Пойдем-ка лучше перекурим вместе.

Пашке отмахнулся. Поплевал на руки и снова взялся за лопату. Ничего не замечая, он бросал уголь в темную пасть подвала.

Гора угля заметно уменьшалась. Вокруг Пашке собрались любопытные солдаты, которые наблюдали за его работой. Собралось человек двадцать.

— Вот работает парень, уже полвагона перекидал в подвал, — заметил кто-то.

— Того и гляди, надорвется, — заметил другой.

— А ты помоги ему, чтобы он не надорвался, — посоветовал стоявший рядом солдат.

— А почему бы и нет, вот возьму и помогу, — согласился тот и исчез в отверстии подвала. Через минуту он вышел оттуда, таща несколько лопат.

— Ну, кто хочет потренироваться? — предложил он собравшимся.

Несколько человек последовали его примеру. Работа пошла веселее.

Когда гауптфельдфебель пришел посмотреть, как работает Пашке, он поразился: не-

сколько солдат, предводительствуемые Гейнцем, скидывали в подвал последние куски угля.

— Товарищ Пашке, что тут происходит?

Вместо Пашке ответил один из солдат:

— Нам стало завидно, что он один перекидает весь вагон, вот мы и подключились.

Гауптфельдфебель усмехнулся и что-то пометил у себя в блокноте.

Вечером Пашке долго бродил между пустыми кроватями товарищей. На душе у него было тяжело.

До отбоя еще целый час. В казарме удивительно тихо: солдаты из других взводов были в городском отпуске, оставшиеся же пошли в клуб смотреть фильм. Тишина раздражала Пашке. Он встал и несколько раз прошелся по казарме. Остановился у окна. Вдруг вспомнил о Етте. Она наверняка ждала его: ведь они договорились встретиться. Можно перемахнуть через забор и сбегать к ней. Пашке схватил фуражку, нахлобучил ее на голову и, выбежав в коридор, бесшумно съехал по перилам вниз.

На дворе посвежело. Гейнец огляделся. Большинство окон в казарме были темными. Над городом безмолвно повис серебряный рог месяца.

Пашке прислушался, чтобы определить, в какую сторону ушел часовой, но его не было ни видно, ни слышно. Гейнец осторожно подошел к стене. Вдруг в голову пришла мысль о товарищах. Что скажут они, если узнают о его самовольной отлучке? Сердце забилось

сильнее, а на душе стало еще беспокойнее. За спиной Гейнца что-то блеснуло. «Часовой!» — мелькнула мысль. Но это был не часовой: просто в казарме зажгли свет. Гейнец вернулся на дорожку.

Придя в казарму, не раздеваясь, бросился на койку. В висках стучало. «Уж не заболел ли я? Еще момент — и я мог бы совершить еще одну глупость!» Постепенно он успокоился. Вспомнил почему-то ночь на учении, пожар, увидел командира полка, пожимающего ему руку, и улыбающиеся лица товарищей.

Глава двадцать первая

Рабочий день уже закончился, а капитан Фленц все еще сидел за письменным столом. Он еще раз перечитал письмо, которое лежало перед ним.

— «Рабочие завода были бы рады видеть...» — читал он вслух. Потом остановился и, посмотрев на гауптфельдфебеля, заметил:

— Можно подумать, что мы обязаны помогать им выполнять производственный план. — И сунул почти целую сигарету в пепельницу.

Директор завода просил прислать в конце недели взвод Брандштейна помочь выполнить срочный заказ.

«Но почему именно Брандштейна? — задал себе вопрос Фленц. И тут же ответил на него: — Наверное, Брандштейн неплохой слесарь и умеет как следует организовать работу».

Капитан энергично встал и протянул гаупт-фельдфебелю письмо:

— Завтра утром спросите, кто из солдат взвода Брандштейна изъявит желание поработать на заводе.

— Будет сделано.

Командир роты кивнул и пошел к двери, но остановился:

— А впрочем, дайте мне это письмо. Я сам поговорю с Брандштейном.

Попрощавшись, капитан пошел домой. Вечер оказался довольно холодным. Все небо было усыпано звездами. Фленц пошел обходным путем, обдумывая советы, которые ему надавали в последнее время.

Капитан решил в конце недели вместе со взводом Брандштейна побывать на заводе, чтобы лучше познакомиться с солдатами взвода.

Когда капитан Фленц в субботу вместе с солдатами прошел через проходную, почувствовал, что волнуется. Прошло почти десять лет, как он, распрощавшись со своим заводом, сменил комбинезон рабочего на военную форму. Многие из того, чему его учили на заводе, он уже позабыл. Капитан посмотрел на солдат, считая, что им, наверное, много легче, чем ему: ведь они, можно сказать, только что от станка.

Высокий худощавый мастер проводил группу в цех и дал задание. Фленц удивился, увидев, как просто держится Брандштейн у станка. Пашке же, казалось, попал в родную стихию. Фленц вместе с ним должен был прикрывать краны к резервуарам для воды.

Фленц начал осматриваться. Заметив это, Пашке решил забежать на минутку к Етте, но капитан остановил его, сказав, что хотел бы познакомиться с заводом.

Огромный цех наполнился шумом. Фленц прошелся вдоль длинного ряда токарных и фрезерных станков. Повсюду стояли почти новые машины. В конце цеха капитан чуть было не сбил с ног молодую работницу.

— Смотреть надо лучше, — возмутилась девушка.

— Извините! — пробормотал капитан.

— Вы ко мне? — спросила девушка.

Фленц растерялся:

— Мне нужен материальный склад.

— Тогда, значит, ко мне. — Девушка смерила Фленца взглядом с ног до головы. — Новенький?

— Я временно.

— Что, не любите долго работать на одном месте?

— Вы вполне могли бы работать следователем, — заметил Фленц. — А сейчас мне нужен ключ, молоток и напильник.

Девушка пожала плечами:

— Что за манера у нынешних мужчин разговаривать таким тоном? — Она подошла к полке и принесла все, что просил Фленц. — Смотрите осторожнее обращайтесь с инструментом.

Вернувшись к Пашке, Фленц сказал:

— А эта, из склада, с характером.

Пашке сделал вид, что ничего не понимает, и с удивлением посмотрел на капитана.

— Язычок у девчонки все равно что бритва, — продолжал Фленц. — Если эта девушка

всегда такая, то... — И, не закончив предложения, обратился к Пашке: — У вас есть девушка?

— У меня никого нет, — ответил Пашке.

«Крутит, наверное, парень, — думал капитан, — не может быть, чтобы у него никого не было». Капитан поднял голову и посмотрел в сторону Брандштейна, который объяснял что-то двум солдатам. Вдруг Фленц почувствовал себя как-то неловко: у него действительно нет контакта с людьми.

Гейнц время от времени поглядывал в сторону склада, стараясь выбрать удобную минутку и забежать к Ингрид, но так, чтобы капитан не заметил.

— А что говорят обо мне солдаты, товарищ Пашке? — неожиданно спросил Фленц.

Гейнц не знал, что ответить.

— Да так, ничего, — промямлил он.

— Но все же? — не унимался капитан.

— У вас иногда что-нибудь просят, а вы с ходу скажете «нельзя», и пропало хорошее дело, — выпалил вдруг Пашке.

Капитан в первый момент растерялся, но ничего не сказал, взял в руки молоток и начал работать.

Глава двадцать вторая

К ужину солдаты вернулись в полк. Гейнц быстро переоделся в парадную форму.

— Ты что, Гейнц, в третью смену пошел? — сострил Молнау.

Все рассмеялись, а Пашке только махнул рукой.

— Вы за меня не беспокойтесь, — ответил он и исчез за дверью.

Выйдя за ворота, он чуть ли не бегом пустился к общежитию. Ингрид уже ждала его. Они поздоровались как старые знакомые и несколько секунд шли молча.

— А почему ты не пришел в прошлую субботу? — поинтересовалась девушка.

— Никак не мог, — тихо ответил он.

— Опять был на учениях? — не унималась Ингрид.

— Нет. — Гейнц покачал головой. «Может, рассказать ей о том, что со мной случилось, а то еще узнает от кого-нибудь, тогда будет хуже. Расскажу-ка лучше сам».

Ингрид молча выслушала его рассказ и, когда он замолчал, проговорила:

— Не сказала бы я, что это красивая история. Если я когда-нибудь встречусь с этим Ломом, влеплю ему такую пощечину...

Некоторое время они шли молча. Чтобы как-то переменить тему разговора, Гейнц сказал:

— Знаешь, а сегодня вместе с нами был и наш ротный.

— Фленц, да?

— Да.

Они вышли на площадь.

— А что, разве не все офицеры одинаковы? — поинтересовалась Ингрид.

— Нет конечно. Вот наш командир взвода — хороший человек.

— Я тебя не понимаю, — удивилась девушка. — У вас что, собраний не бывает, где можно поговорить обо всем?

— Собrania бывают, но на них не обо всем

скажешь. Сегодня я выложил ротному, что я о нем думаю. Ты мне поможешь его перевоспитать?

Ингрид остановилась:

— Я должна перевоспитать офицера?

— А почему бы и нет,— перебил ее Пашке.— Ты любому мозги вправишь. Собственно, ты его уже начала сегодня воспитывать.

Девушка рассмеялась.

— Пойдем посмотрим витрины, мне к рождеству нужно кое-что присмотреть.

Когда они свернули с площади в боковую улочку, начал падать редкий снежок. Остановились перед витриной мебельного магазина.

— Ну как, тебе нравится? — спросил Гейнц, показывая на гарнитур.

Девушка не ответила.

— Разве тебе такой иметь не хотелось бы?

Ингрид покраснела и, высоко вскинув брови, сказала:

— А зачем он мне?

— Ну, когда-нибудь понадобится,— засмеялся Гейнц.

Девушка тряхнула копной волос:

— Мне никогда не понадобится такой гарнитур.

— А когда выйдешь замуж?

— Я никогда не выйду замуж.

— Это почему же?

— На следующий год меня пошлют учиться на курсы,— тихо проговорила девушка.

— Надолго?

— На три с половиной месяца. В конце января я должна уехать.

— Это плохо,— откровенно признался Пашке.

— Почему? Учиться — всегда хорошо.

Пашке осторожно освободил свою руку из-под локтя девушки и положил ей на плечо.

Потом они остановились и долго стояли молча.

Глава двадцать третья

В воскресенье утром термометр показывал минус шесть градусов. Дул сильный северный ветер. Но солдаты, которые шли на завод, не замечали этого. К взводу Брандштейна присоединилось несколько человек из других взводов.

Капитан Фленц шел рядом с младшим лейтенантом Брандштейном. Кёпке рассказывал солдатам что-то интересное.

— Наш Пашке, кажется, стал на правильный путь,— тихо проговорил Брандштейн.

— Будем надеяться, что он не станет преподносить нам сюрпризы,— заметил Фленц.

Скоро пришли на завод. В цехе тепло. Пашке был в отличном настроении и работал с воодушевлением. Весело насвистывал какую-то мелодию, внимательно следя за резцом, который снимал с детали тонкую стружку. Фленц с трудом успевал за ним.

Во время перерыва капитан рассказал о своих детишках и о подарках, которые он пошлет им к рождеству. Пашке внимательно слушал капитана, стараясь представить довольные лица детишек.

Во время завтрака, когда все солдаты собрались в большой круг, Фленц заметил, что Пашке куда-то исчез.

Ингрид в тот день тоже пришла на завод, хотя было воскресенье. Девушка очень удивилась, когда увидела перед своим окошком лицо капитана Фленца. Сказав несколько общих фраз, капитан перешел к цели своего прихода:

— Мне говорили, что вы и санитаркой можете работать. Это правда? Не можете ли вы перевязать одного солдата?

— Вам нужна перевязка? — улыбаясь, спросила девушка.

— Почему мне? — удивился капитан.

— А разве вы не солдат?

— Бросьте шутить! — серьезно сказал Фленц.

— Если это не очень трудно, то я...

— Нет, нет,— перебил девушку офицер,— это совсем не трудно...— Фленц нахмурился, не зная, как начать.— Вчера вечером я случайно видел вас с товарищем Пашке, солдатом из моей роты.

— Ну и что? Вам это не нравится? — Ингрид раздраженно бросила тряпку на полку и подошла к окошку.

— Видите ли, Пашке доставляет нам много хлопот, выпить любит, ну и еще кое-что. Не могли бы вы помочь нам в этом отношении? Возможно, упрек такой симпатичной девушки придется ему больше по сердцу, чем слова командира.

— Ага! — Ингрид нахмурилась. — Тогда почему же вы не поговорите с ним по душам? — сказала она с легким укором. — Я ведь его почти не знаю, а он у вас уже давно.

Фленц разглядывал маленький шрам над правой бровью девушки.

— Почему вы молчите?

— А что можно тут сказать? Собственно говоря, я хотел вам немного помочь и больше ничего.

Ингрид обиженно выпятила губы. Глаза ее загорелись.

— Давать советы вы, я вижу, мастер. — Она подошла к окошку и приблизила свое лицо к лицу капитана. — И не стыдно вам говорить о невоспитанности солдата, которого вы должны воспитывать?

От неожиданности Фленц даже отступил на шаг. Потом попытался улыбнуться и спросил:

— А что вы вообще понимаете в солдатской жизни и в военной дисциплине?

— Абсолютно ничего не понимаю! Но чувствую, что вы не правы. Я не такая бессердечная, как вы!

Губы у капитана задрожали от негодования. «Видимо, Пашке рассказывал девушке о делах роты».

— А почему вы думаете, что я бессердечен? — спросил офицер.

— А это вы должны знать лучше меня.

Глава двадцать четвертая

Прошла встреча Нового года, и полк начал новый учебный год. Большая часть времени отводилась на одиночную подготовку. Солда-

там второго года обучения это не нравилось.

Однажды на занятии по строевой подготовке Пашке вспомнил, как девять месяцев назад у него никак не получались повороты. Теперь он прекрасно делал их. Многому научился он за это время: владел оружием, мог ориентироваться на местности по карте и компасу, научился окапываться и маскироваться. Стал одним из лучших стрелков в роте. Хромала только дисциплина.

Раздавшаяся команда прервала его воспоминания. Унтер-офицеры развели отделения по местам занятий, чтобы не мешать друг другу. Кёпке взял себе двух новеньких солдат — Циммермана и Малрозе, пришедших вместо Тидке и Кёлера, и стал заниматься с ними сам. С остальными поручил заниматься Пашке.

По плацу гулял холодный январский ветер. Снега в тот год почти не было. Лица солдат покраснелись от мороза. Молнау закрыл один глаз и склонил голову набок. Пашке отошел от отделения, сделав вид, что не заметил насмешливой физиономии друга. Глубоко вздохнув, Гейнц начал командовать:

— Отделение, смирно! Направо! Рядовой Молнау, не спите в строю!

Команды следовали одна за другой.

Во время перерыва Кёпке спросил у солдат, как им нравится Пашке в роли командира отделения.

— Нет, ему нельзя давать власть в руки, а то он быстро зазнается,— заметил Молнау.

Все громко засмеялись. Потом стали вспоминать рождественские праздники, во время

которых некоторым солдатам удалось побывать дома.

Волтер рассказал, что встреча Нового года в их селе была в этом году особенно торжественной: в кооператив вступили последние единоличники. Все собрались в правлении кооператива (около двухсот человек) и веселились до самого утра.

Вечером в клубе состоялось собрание офицеров и унтер-офицеров, на которое пригласили и Пашке, как старшего по комнате (он стал им после демобилизации Кёлера). Разговор шел о развертывании социалистического соревнования, о необходимости поисков новых форм и о порядке в роте.

— Внутренний порядок у нас в роте не на высоте,— заметил гауптфельдфебель.—Я предлагаю начать соревнование за лучшую комнату.

— Нельзя соцсоревнование сводить только к образцовому внутреннему порядку, нужно сколотить спаянный коллектив,— заметил группарторг.

— Тогда начните сколачивать коллектив у себя в отделении,— предложил командир второго отделения Грос,— мы не собираемся брать пример с вашего Пашке.

Кёпке покраснел до корней волос.

— Уж с вами-то мы готовы соревноваться во всем,— отрезал он.

Грос заулыбался:

— Это доставит нам большое удовольствие! Младший лейтенант Брандштейн предло-

жил проводить соревнование не только между отделениями, но и между взводами.

Ему ответил лейтенант Рамин:

— Что ж, мы согласны. Нас это нисколько не пугает, ведь в нашем взводе нет таких...— и посмотрел в сторону Пашке.

«И чего они привязались ко мне»,— подумал Гейнц.

Капитан Фленц встал и посоветовал Рамину быть серьезнее. Тон капитана удивил Рамина: до сих пор Фленц никогда не защищал Пашке.

Собрание продолжалось долго.

Накануне дня Народной армии, вечером, Пашке вернулся из клуба в казарму и увидел, что Молнау сидит на кровати с сигаретой во рту и чистит ботинки.

— Ну-ка убирайся отсюда! — крикнул ему Пашке.

— Что такое?! Уж не хочешь ли ты завести здесь новые порядки? — удивился Молнау.

— С сегодняшнего дня никто не будет курить в казарме,— отрезал Пашке.

— Ты что кричишь? Ты не такое творил, и мы на тебя не кричали. Успокойся, дружище!

Но Пашке поддержали товарищи. Молнау, чтобы позлить его, был несколько дней неряшлив: плохо заправлял койку, а раз бросил бумагу в угол. В этот момент комнату осматривал гауптфельдфебель. Он тут же подозвал к себе Пашке и повел его в расположение второго взвода.

— Вот посмотрите, каким должен быть порядок в помещении,— сказал он Пашке.

Пашке подошел к первой кровати и дотро- нулся до одеяла: под одеялом оказались длин- ные рейки. Вот вам и порядок! Посмотрел на висевшие на стенах картины и натертый до блеска пол:

— Хорошо, товарищ гауптфельдфебель, мы тоже постараемся не ударить лицом в грязь.

— Что ж, мы подождем,— ехидно заулы- бался ефрейтор из второго взвода.

— Да, подождите немного, а там по- смотрим,— отрезал Пашке.

Гейнц вернулся в комнату своего отделения и внимательно осмотрел ее. Он сразу увидел разницу. «Нужно будет повесить на стены ре- продукции, достать несколько горшков с цве- тами, как следует заправить кровати и нате- реть до блеска пол.

Что ж, все это мы сделаем. Вот тогда гаупт- фельдфебель удивится, да и командир роты тоже. Нужно будет поговорить с товари- щами».

Дверь в комнату приоткрылась, и в щель просунулась голова Молнау:

— Ты что, болен? Сидишь тут один?!

— Скажи, неужели ребята из отделения Гроса лучше, чем мы? Мы им не уступаем ни в стрельбе, ни в других дисциплинах.

— А дисциплина у нас тоже лучше, чем у них,— съязвил Волтер.

— Оставь Гейнца в покое. Последнее время он ведет себя как надо.

Пашке хотел что-то сказать, но дверь в комнату отворилась, и вошел командир взвода вместе с Кёпке.

Разговор зашел о том, что нужно сделать,

чтобы взвод победил в соревновании за лучший внутренний порядок.

На следующей неделе в понедельник комната первого взвода стала местом паломничества: заглядывали солдаты других взводов, пришел посмотреть гауптфельдфебель, не вытерпел и Рамин, которого Молнау назвал «конкурентом».

Потолок и стены были выбелены, окна и двери покрашены масляной краской, пол блестел. На окнах висели новые гардины, на стенах — репродукции и маленькие горшочки с цветами.

— Ну, товарищ лейтенант, как вам нравится у нас? — спросил Пашке Рамина.

— Неплохо, неплохо. Интересно только, во сколько вам все это обошлось?

— Ни во сколько. Все сделали мы сами, — ответил Пашке.

— Кое-что помогла сделать фрау Фленц, — добавил Молнау.

Глава двадцать пятая

Часовой у ворот медленно расхаживал взад и вперед, время от времени останавливаясь и прислушиваясь к ночным звукам. На рассвете труднее всего стоять на посту: сон одолевает.

Унтер-офицер Кёпке дежурил по роте и потому сидел в канцелярии. Перед ним лежала открытая книга.

Резкий телефонный звонок заставил Кёпке вздрогнуть. Сняв трубку, внимательно выслушал и через секунду закричал:

— Рота, подъем, тревога!

Одеяла полетели вверх

— Ребята, а ведь наш командир отделения сегодня в наряде.

Вошедший в казарму Брандштейн приказал:

— Ефрейтор Пашке, примите командование первым отделением!

Через несколько минут отделение уже сидело в бронетранспортере.

— Товарищ командир отделения, — нарушил тишину Молнау, — как вы думаете, что это за тревога?

— Подожди — узнаешь, — недовольно ответил Пашке, почувствовав в голосе друга иронию.

Колонна выехала на шоссе и увеличила скорость. Скоро свернули на полевою дорогу и через час езды въехали в небольшой лесок.

Бронетранспортеры остались в лесу, а солдаты вышли на указанный командиром взвода рубеж и залегли. Командиры взводов ушли к командиру роты. Вернувшись от Фленца, Брандштейн объяснил командирам отделений задачу взвода — действовать самостоятельно, преследуя отходящего «противника».

«Не пойти ли к командиру взвода и не сказать ли ему, что я не могу командовать отделением?» — подумал Пашке, но никуда не пошел. Отделение Пашке было выставлено в полевой караул.

Ночь опустилась на землю. Где-то за лесом раздался гудок паровоза. И снова тишина. Кох тихо разговаривал с Циммерманом.

В половине двенадцатого ночи взвод начал сближаться с «противником». Двигались ползком.

Вдруг в небо взлетела ракета. Солдаты застыли, припав к земле. Потом поползли дальше. Скоро взвод натолкнулся на проволочные заграждения. Нужно было осторожно сделать проходы, так как «противник» был где-то совсем рядом.

Пашке полз, как ящерица. Вдруг он замер: ему послышался какой-то подозрительный шорох, но товарищи не заметили, что он остановился, и поползли дальше, уклоняясь влево. Позвать их нельзя. Пашке выждал несколько секунд и прополз еще несколько метров. Подозрительный шорох повторился. Пашке замер. Теперь он отчетливо слышал чье-то дыхание. «Наблюдатель «противника». Один или несколько?»

— Хельмүт, проснись! Ты слышишь? — раздался чей-то шепот.

Теперь Пашке уже мог различить голову солдата, высунувшегося из окопа. Рывок — и он уже сидел на солдате верхом, сжав ему горло.

— Один звук — и я тебя так огрею, что ты не скоро очухаешься, — прошептал Гейнц на ухо «противнику».

В этот момент в небо взлетела новая ракета. Пашке от удивления раскрыл рот: под ним был его друг Лом.

— Лом, это ты, старина? — прошептал Гейнц.

— Гейнц, ты? — шепотом спросил тот и облегченно вздохнул.

Пашке разжал руки и отпустил Лома.

— Ну ты, ползи за мной! — приказал он.

— Но ведь я же «противник»?

— Ползи, говорю, потом я тебе все объясню!

— Объясни, как ты сюда попал? Я ничего не понимаю!

— Лучше скажи, как ты здесь очутился? — спросил Пашке.

— Меня здесь поставили, а тебя?

— Молчи, ты мой пленный! — отрезал Гейнц.

— Послушай, Гейнц, а что я скажу своему ротному?

— Молчи, тебе говорят.

— Гейнц, ты же знаешь... Отпусти меня, ведь, кроме нас двоих, об этом никто не знает.

— Нет!

— Но ты же мне друг!

Гейнц заколебался, не зная, как ему поступить.

— Отпусти меня — и концы в воду, — умолял Лом.

— Нет, — решительно прошептал Пашке. — Ты мой пленный и делай, что тебе приказывают, а то... Ты меня, кажется, знаешь. — И Пашке дал своим условный сигнал.

Через несколько минут к нему подошел командир взвода.

— Куда вы провалились? Из-за вас столько времени потеряли, — недовольно начал он.

Пашке доложил о случившемся. «Пленный» был тут же отправлен в штаб, а взвод продолжал двигаться вперед. Позади осталась первая траншея «противника».

Время шло. Солнце поднялось уже высоко. Пашке и Волтер лежали, замаскировавшись на небольшом холме, и наблюдали за передвижением машин «противника».

— А не выкурить ли нам одну сигаретку? — предложил Волтер.

Пашке сделал вид, что не расслышал вопроса.

Днем машины «противника» показывались крайне редко.

Пашке лег на бок. «А может, стоило все же отпустить Лома? А что бы я сделал на месте Лома? Но ведь это учение, а не детская игра».

В этот момент на улице появились два бронетранспортера «противника». Ехали они медленно.

Волтер заметил, что Пашке стал каким-то рассеянным.

Он подполз к другу и спросил:

— Уж не заболел ли ты?

Пашке покачал головой и так посмотрел на Волтера, что тот сразу понял, что его беспокоит.

— Действовал ты совершенно правильно. Лом сам виноват, что попался. Нужно было осмотреть как следует.

Оба замолчали. До самого вечера ничего примечательного не случилось. Под вечер движение машин «противника» по дороге стало более оживленным. В полночь Пашке собрал своих людей и примкнул к взводу. Этой же ночью взвод Брандштейна удачно миновал линию «вражеской» обороны и вышел в район, занятый своими разведчиками.

— А вы вполне можете командовать отделением, — похвалил Пашке командир взвода. — Может, решите стать унтер-офицером?

— Надо подумать, — улыбнулся Пашке.

Перед учениями Пашке получил письмо от Ингрид. Девушка писала, как она учится на курсах. Как бы между прочим она заметила, что после демобилизации и он мог бы окончить такие курсы и стать мастером.

На рассвете полк перешел в наступление на позиции «противника». Взвод Брандштейна находился в резерве командира полка.

Неожиданно младшего лейтенанта вызвали к командиру полка. Брандштейн боялся, что данные, которые добыл его взвод, окажутся недостаточно точными и полными. Но он ошибся.

— Вы прекрасно справились со своей задачей, младший лейтенант, — с улыбкой обратился к нему полковник. — Данные, полученные вами, оказались точными и помогли полку выполнить боевой приказ.

Радостный, Брандштейн возвращался в свой взвод.

Глава двадцать шестая

Прошло несколько недель. Соревнование на лучшее отделение в роте продолжалось. Комната, в которой старшим был Пашке, по праву могла считаться лучшей в роте. Гейнц не допускал ни малейшего нарушения дисциплины.

К Первому мая Пашке получил поощрение командира роты капитана Фленца за образцовый порядок в комнате. Гейнц впервые почувствовал теплое участие командира роты.

Через несколько дней после этого радостного события он получил письмо от Ингрид. Девушка писала, что шестнадцатого мая возвращается в город и была бы рада, если бы он встретил ее на вокзале.

Гейнц посмотрел на календарь. До шестнадцатого оставалось еще целых двенадцать дней! Если в этот день рота не будет в карауле, ему удастся встретить Ингрид. Ровно в семь вечера он придет на вокзал. Пашке с нетерпением ждал, когда будет вывешено расписание занятий на следующую неделю. Пробежав глазами расписание, он увидел, что вечер шестнадцатого был свободным.

День шестнадцатого мая выдался солнечный. К обеду рота вернулась с учебного поля в казарму. Гейнц то и дело поглядывал на часы. После обеда командира роты и командиров взводов вызвали на совещание. За командира роты остался лейтенант Рамин, который разрешил Пашке увольнение только после ужина.

Получив увольнительную записку, Пашке бегом бросился на вокзал. Добежав до рыночной площади, остановился и беспомощно огляделся. Такси нигде не было. Ничего не оставалось, как бежать дальше. Наконец вдали показались огни вокзала. Пашке облегченно вздохнул: «Ингрид наверняка подойдет несколько минут».

Когда он вбежал на перрон, Ингрид там не было: поезд пришел десять минут назад, и почти все пассажиры разошлись.

Выпив кружку пива в буфете, Пашке медленно побрел к заводскому общежитию.

Швейцар посмотрел на солдата поверх очков:

— Фрейлейн Радам рассердилась на вас за то, что вы не встретили ее на вокзале. Сейчас я ей позвоню.

Когда Гейнц подошел к двери комнаты, в которой жила Ингрид, девушка стояла на пороге.

— Немножко опоздали, не так ли? — насмешливым тоном спросила она.

— Я только что с вокзала.

— Неужели? — удивилась девушка и, подойдя к Гейнцу, протянула ему руку, но в тот же миг быстро отдернула ее. — Фу, вы опять выпивали?

— Нет! — Гейнц успел схватить руку девушки. — Я тебе сейчас все объясню...

— Благодарю, я в этом не нуждаюсь. — Ингрид вырвала руку и захлопнула дверь перед самым носом Гейнца.

Пашке растерялся. Постояв несколько секунд, повернулся и пошел к выходу. Выйдя на улицу, остановился и долго смотрел на освещенные окна общежития.

Но он не видел, что в этот момент из-за гардины за ним следила Ингрид. Когда юноша повернулся и стал уходить, она открыла окно и долго смотрела ему вслед.

Дойдя до перекрестка, Пашке остановился у кафе, раздумывая, зайти ему туда или нет, но не зашел.

Перед самой казармой Пашке встретил капитана Фленца.

— Как, уже возвращаетесь? Что-нибудь случилось? — удивился офицер.

— Сегодня у меня все идет не как надо, — со вздохом ответил Пашке. — Опоздал я.

— Ну ничего, Етту вы еще увидите и помиритеесь, — ободрил Гейнца капитан и дружески протянул ему руку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Глава первая	16
Глава вторая	33
Глава третья	40
Глава четвертая	45
Глава пятая	55
Глава шестая	60
Глава седьмая	72
Глава восьмая	84
Глава девятая	89
Глава десятая	93
Глава одиннадцатая	100
Глава двенадцатая	108
Глава тринадцатая	114
Глава четырнадцатая	119
Глава пятнадцатая	126
Глава шестнадцатая	133
Глава семнадцатая	139
Глава восемнадцатая	145
Глава девятнадцатая	149
Глава двадцатая	157
Глава двадцать первая	170
Глава двадцать вторая	173
Глава двадцать третья	176
Глава двадцать четвертая	178
Глава двадцать пятая	183
Глава двадцать шестая	188

Густав Ябс
ВТОРАЯ СЕМЬЯ
 М., Воениздат, 1965, 192 с.

Редактор *Афанасьев Г. Г.*
 Художник *Слепушкин А.*

Технический редактор *Соколова Г. Ф.* Корректор *Квашук Л. П.*

Сдано в набор 27.1.65 г. Подписано к печати 7.4.65 г.

Формат бумаги 70×90¹/₃₂ — 6 печ. л.=7,020 усл. печ. л.

7,069 уч.-изд. л. Тираж 65 000. ТП—65 г. № 179

Изд. № 10/6451

Цена 45 коп.

Зак. № 48

2-я типография Военного издательства
 Министерства обороны СССР
 Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10